

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 3

МОСКВА
2023

ISSN 2311-150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

Т. И. Вендина, доктор филол. наук. (Москва, Россия).

Редакционная коллегия номера:

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук (Москва, Россия);

В. А. Пыхов (Москва, Россия) (ответственный секретарь);

Т. В. Шалаева, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гишпиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023
© Авторы, 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 3

MOSCOW
2023

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

Natalya A. Fateeva, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Zoya Yu. Petrova, Ph. D. (Moscow, Russia).

Editor of the Issue

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Vladimir A. Pykhov (Moscow, Russia);

Tatiana V. Shalaeva, PhD (Moscow, Russia).

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph. D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Т. И. Вендина</i> (Москва) Ареалогический анализ лексики «Общеславянского лингвистического атласа» (т. 1 «Животный мир»).....	9
<i>А. Ференчикова</i> (Братислава) Словацкие диалектные предикативы <i>načim, načim</i> и <i>nadbe, nabe</i>	36
<i>В. П. Русак</i> (Минск) Лингвогеография белорусского аканья: по материалам выпуска «Рефлексы *а» «Общеславянского лингвистического атласа»	50
<i>Л. Дворниicka</i> (Братислава) Наименование светлячка в словацких говорах в зеркале мотивации	62
<i>А. Панчевска</i> (Скопье) Географическая дистрибуция и этимология корней глагола со значением ‘звать, позвать кого-либо’ в славянских языках.....	75
<i>Т. В. Шалаева</i> (Москва) Славяно-румынские лексические связи в лингвогеографическом представлении	81
<i>В. А. Пыхов</i> (Москва) Наименование жабы в славянских диалектах (ареалогический аспект).....	96
<i>Ж. Ж. Варбот</i> (Москва) О двух случаях предполагаемого действия народной этимологии в славянской лексике	103
<i>Л. В. Куркина</i> (Москва) Полесские этимологии (по материалам полесской лексики).....	107
<i>О. М. Сергеева</i> (Москва) О рус. диал. <i>перемачка</i> (дополнение к ЭССЯ 42).....	114
<i>О. М. Сергеева</i> (Москва) Интерактивная база антропонимических данных «Имена Русской равнины»	117
<i>Критико-библиографический отдел</i>	
<i>В. А. Пыхов</i> (Москва) К библиографии ОЛА. 7	123

CONTENTS

Articles

<i>T. I. Vendina</i> (Moscow) Arealogical analysis of “Slavic Linguistic Atlas (vol. 1 “Animal World”)”	9
<i>A. Ferenčíková</i> (Bratislava) Slovak dialect predicatives <i>načim, način</i> and <i>nadbe, nabe</i>	36
<i>V. P. Rusk</i> (Minsk) Linguistic geography of the Belarusian akanye: based on the materials of the volume “Reflexes *a” of “Slavic Linguistic Atlas”	50
<i>L. Dvornická</i> (Bratislava) Names of firefly in the Slovak dialects from the motivation point of view	62
<i>A. Panchevska</i> (Skopje) Geographical distribution and etymology of the roots of the verb meaning ‘to call someone’ in the Slavic languages	75
<i>T. V. Shalaeva</i> (Moscow) Slavic-Romanian lexical relations from linguistic geography perspective	81
<i>V. A. Pykhov</i> (Moscow) Names of toad in the Slavic dialects (arealogical aspect)	96
<i>Zh. Zh. Varbot</i> (Moscow) On two supposed cases of folk etymology in the Slavic lexicon	103
<i>L. V. Kurkina</i> (Moscow) Polesie etymologies (based on the materials of the Polesie vocabulary)	107
<i>O. M. Sergeeva</i> (Moscow) On Rus. Dial. <i>peremachka</i> (an addition to ESSJA 42)	114
<i>O. M. Sergeeva</i> (Moscow) Remote-access onomastic database “Personal names of the Russian Plain”	117

Reviews

<i>V. A. Pykhov</i> (Moscow) On the OLA bibliography. 7.....	123
---	-----

СТАТЬИ

Т. И. Вендина

Институт славяноведения РАН

(Москва, Россия)

vendit@rambler.ru

АРЕАЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ «ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА» (Т. 1 «ЖИВОТНЫЙ МИР»)

Статья посвящена теоретическим проблемам лингвистической географии. Привлекая обширный материал «Общеславянского лингвистического атласа», автор говорит о его высоких интерпретационных возможностях в осмыслении лексики, представленной на картах Атласа. В статье предлагается описание славянского диалектного континуума первого тома Атласа «Животный мир» с учетом топографических и лингвистических критериев, связанных с интерпретацией лингвистической карты с целью определения хроно-топо-изоглосс. Выявленные лексические изоглоссы интерпретируются автором в генетическом, ареальном и типологическом аспектах. Автор говорит о том, какую новую лингвистическую информацию вносят карты Атласа в сложившиеся в славистике представления о дифференциации диалектного ландшафта Славии.

Ключевые слова: «Общеславянский лингвистический атлас», сравнительно-историческое языкознание, диалектология, лингвистическая география.

Современное состояние славянской лингвистической географии может быть охарактеризовано как чрезвычайно перспективное, ибо она переживает сейчас период своеобразного “ренессанса”: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и проч.).

Теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений.

Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов на картах атласов все чаще становится предметом теоретического осмысления. Не случайно современный этап развития лингвистической географии характеризуется как этап «объясняющей лингвогеографии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию

лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Благодаря лингвистической географии лингвистика обогатилась новым исследовательским инструментарием — лингвистической картой. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство лингвистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. И в этом изменении парадигмы современной лингвистики огромная роль принадлежит «Общеславянскому лингвистическому атласу», карты которого позволили наглядно представить все многообразие диалектного ландшафта terra Slavia. Они не только дали возможность увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей, но и позволили выявить пространственную локализацию межъязыковых схождения, и, что самое главное, оценить их с ареальной и исторической точки зрения.

Картографирование языкового материала на огромном пространстве Славии придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем вероятнее получение новых сведений о специфике диалектного ландшафта.

Как известно, программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач — сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов. Опубликованные тома Атласа реально доказали, что ОЛА обогатил славистику новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики.

Очередной выпуск «Общеславянского лингвистического атласа» лексико-словообразовательной серии «Славянское слово в ареальном аспекте» посвящен лингвогеографическому исследованию лексики первого тома Атласа «Животный мир», который был переработан и существенно дополнен новым материалом. Обращение к этой теме вызвано тем, что публикация в различных славянских странах лексических атласов позволила пересмотреть некоторые представления о репрезентативных возможностях карт лексико-словообразовательной серии ОЛА — расширить и усложнить лингвистические объекты картографирования, включив в этот том Атласа не только иллюстративные, но и сводные интерпретационные карты, а также таблицы лексем, получивших отражение на каждой карте тома. Это расширение научной парадигмы Атласа дало возможность ярче представить диалектную дифференциацию лингвистического ландшафта современной Славии. Таким образом, теоретическая концепция тома была подготовлена всем ходом работы международного коллектива ОЛА над Атласом, исследовательской и практической разработкой проблем, возникавших в процессе создания предшествующих выпусков, а также достижениями последних лет в области лингвистической географии, диалектологии, диалектной лексикографии и лексикологии.

В основе тома лежат ответы на вопросы из I раздела «Вопросника ОЛА» «Животный мир» [Вопросник 1965: 63], которые имеют индекс L (лексика), Sl (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим

индексом F (фонетика) и FP (фонетика и просодия). Эти вопросы позволяют составить представление о небольшом лексическом фрагменте животного мира славян. Они охватывают такие сюжеты, как названия животных, птиц, рыб, насекомых, млекопитающих. В соответствии с этим в томе условно можно выделить следующие группы карт:

1) **названия животных** (эта группа карт самая большая, она включает следующие вопросы: L1 'дикое животное', FM 2 'zvěř', F(Sm) 4 'divъ(-jъ)//divъ(-jъ)//dikъ(-jъ)', Sl 15 'лиса', Sl 16 'самец лисицы', Sl 19 'медведь', Sl 20 'медведь-самец', Sl 21 'самка медведя', LSl 23 'белка', F 24 'dъxorjъ', LSl 25 'ласка', F 27 '(j)ежъ', FP 28 'zajęcъ', F 35 'krъtъ//ica', L 38 'крыса', FPM 39 'мушь', L 43 'летучая мышь');

2) **названия птиц и частей их тела** (эта группа карт включает вопросы F 44 'рѣтахъ//рѣтакъ//рѣtica', Sl 45 dem 'птичка', F 58 'dětъljъ//děteljъ//dětъlъ', LSl 59 'кукушка', LSl 66 'перепелка', LSl 68 'куропатка', SIF 69 'jaskol-//lastav-//lastov(-ica//-ъka)', SIF 70 'vorbъljъ//vorbъсь//vorbъjъ', L 73 'синица', L 74 'скворец', SIF 75 'solъjъ', L 76 'аист', L 50 'клюв птицы', Sl 54 dem 'крылышко');

3) **названия насекомых** (эта группа карт включает вопросы LSl 108 'муравей', Sl 110 'муравейник', L 111 'кузнечик', L 112 'божья коровка', L 113 'бабочка', SIF 114 'qsenica//qsēnica//gqsenica//gqsēnica', L 116 'стрекоза', L 117 'светлячок');

4) **названия пресмыкающихся и земноводных** (эта группа карт включает вопросы L 85 'лягушка', L 86 'жаба', L 87 'головастик', L 93 'улитка с раковинной', L 94 'улитка без раковины', L 95 'дождевой червь', L 83 'ящерица');

5) **названия рыб и частей их тела** (эта самая маленькая группа карт включает вопросы F 100 'ščuka', L 101 'плавники рыбы', L 102 'чешуя рыбы', L 103 'жабры рыбы').

Карты этого тома имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с животным миром славян.

О чем же говорят карты Атласа?

Прежде всего они говорят о неравномерной диалектной дифференциации современной Славии, поскольку на разных картах степень лексической и словообразовательной дифференциации неодинакова: на одних картах она чрезвычайно дробная (см., например, карты на вопросы L 87 'головастик' или L 95 'дождевой червь'), на других — более ровная, характеризующаяся двумя-тремя ареалами (см., например, карты на вопросы FM 2 'zvěř', Sl 15 'лиса'), а иногда даже монотонная (см., например, карты на вопросы F27 '(j)ежъ', FP28 'zajęcъ').

В целом можно сказать, что более дробная и мозаичная картина диалектной дифференциации характерна для южно- и западнославянских языков, тогда как в восточнославянских диалектах картина более однородная (см., например, карту LSl 23 'белка': распространение лексемы *běl-ъk-a*; или карту F(Sm) 4 'divъ(-jъ)//divъ(-jъ)//dikъ(-jъ)': ареал лексемы *dik-ъ* и др.).

Материалы тома свидетельствуют о том, что лексем, имеющих **общеславянское распространение**, сравнительно немного. Это лексемы *zvěr-ь* к. 1 'дикое

животное, зверь', *glist*//-а к. 36 'дождевой червь', //ež-ь к. 10 'еж', *žab-a* к. 31 'лягушка', *myš-ь* к. 14 'мышь', *дѣх-ор-ь* к. 8 'хорь', *крѣт-ь* к. 12 'крот', *šćuk-a* к. 37 'щука'. При этом, несмотря на общеславянский характер их распространения, ареалы оказываются разными.

Так, например, лексема *žab-a* к. 31 'лягушка' имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, тогда как в русских говорах ее ареал является дискретным, поскольку здесь более широкое распространение получила лексема *leḡ-uš-ьk-a*.

Лексема //ež-ь к. 10 'еж' имеет плотный ареал в южнославянских языках, а также в русских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в остальных восточно- и западнославянских языках ее ареал ограничен лексемами //ež-ьk-ь (в чешских диалектах), //ež-ak-ь (в украинских), //ež-ik-ь (в белорусских и частично в русских).

Лексема *myš-ь* к. 14 'мышь' распространена во всех славянских диалектах, однако в польских и украинских она имеет разорванный ареал, так как ее активно теснит лексема *myš-a*, в македонских — островной ареал, так как он ограничен широко распространенной лексемой *gluš-ьc-ь*, а в болгарских — микроареал, так как здесь широко используются лексемы *myš-ьk-a* и *myš-ьk-ь*. Кроме того, в форме *f* она известна в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских.

Лексема *zvěr-ь* к. 1 'дикое животное, зверь' имеет две грамматических формы — *m* и *f*, которые широко представлены в восточно- и южнославянских диалектах; в западнославянских языках форма *m* имеет довольно обширный ареал в польских диалектах, однако ее активно теснят лексемы *zvěr-ε* и *zvěr-in-a*; а форма *zvěr-ь* — в западно- и среднесловацких говорах; в форме *f* эта лексема отмечена в средне- и западнословацких диалектах, причем только в значении 'дичь' (*coll*), но и здесь с ней конкурируют формы *zvěr-ε* и *zvěr-in-a*.

Лексема *glist-a* к. 36 'дождевой червь' имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, кроме того, она отмечена в словацких, в чешских ганацких и в некоторых моравских говорах, в польских, в юго-западных украинских и в некоторых севернорусских вологодских говорах.

Лексема *šćuk-a* к. 37 'щука' широко распространена в восточнославянских, а также в словацких, словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах; небольшие островные ареалы отмечены в польских говорах Силезии и микроареалы — в кашубских (пп. 243, 245), лужицких (пп. 235, 237) и чешских моравских диалектах (пп. 200, 204).

Лексема *дѣх-ор-ь* к. 8 'хорь' широко распространена в украинских, белорусских и словацких диалектах и имеет островные ареалы в западной группе русских говоров (смоленских и брянских), в польских (мазовецких), в моравских чешских диалектах и в некоторых словенских.

Лексема *крѣт-ь* к. 12 'крот' равномерно покрывает всю территорию восточной Славии. В западно- и южнославянских диалектах она ареально ограничена, поскольку в западнославянских языках лексема *крѣт-ь* имеет обширный ареал в диалектах только польского и лужицких языков, тогда как в чешских диалектах ее ареал

ограничен лексемами *krъt-ъk-ъ* и *krъt-ic-a*, а в словацких — лексемами *krъt-ic-a* и *krъt-ъč-ic-a*. В южнославянских диалектах, в частности, в сербских, хорватских, македонских и болгарских, ее вытесняют лексемы *krъt-ic-a* и *krъt-in-a*.

Ареалогический анализ материала этого тома показал, что на картах Атласа представлено значительно больше лексем, которые не имеют общеславянского распространения, однако локализуются в **диалектах трех славянских языковых групп**.

При этом здесь наблюдается несколько лингвогеографических сценариев:

- лексема может быть **широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но при этом иметь ограниченный ареал в западнославянских** (ср., например, распространение лексемы //*qs-ěn-ic-a* к. 46 ‘гусеница’, которая имеет обширный ареал в восточно- и южнославянских диалектах, а также в словацких; в остальных западнославянских диалектах ее ареал является островным: в чешских он локализуется в основном в ляшских говорах; в лужицких — в отдельных пунктах ниже- и верхне-лужицких говоров, в польских диалектах — в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель, а также на юге малопольских и силезских говоров; во всех этих диалектах лексема //*qs-ěn-ic-a* находится в отношениях конкуренции с такими лексемами, как *lix-a*, *liš-ъk-a*, *liš-aj-ъ*, *qs-ěn-a*, *qs-ěn-ъk-a*, *qs-ěv-ьn-ic-a*, *xrob-ak-ъ* и др.; или распространение лексемы *žab-a* к. 32 ‘жаба’, которая широко распространена в восточно- и южнославянских (особенно в болгарских) диалектах и имеет микроареалы в польских и словацких);
- лексема может быть **широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских**, ср., например, распространение лексемы *dъx-or-ъ* к. 8 ‘хорь’, которая имеет обширный ареал в диалектах восточной и западной Славии и ограниченный — в южной (в сербских, болгарских, македонских диалектах), где с ней конкурируют лексемы *dъx-or-ъk-ъ* (серб.), *(kokarž)-a*, *(kokarž)-e* (болг.), *stъrd-uš-ъk-a* (мак.); *zaj-e-c-ъ* к. 11 ‘заяц’: лексема имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских диалектах и островные в словенских (в говорах Каринтии и прекмурских), в хорватских, сербских и юго-восточных македонских диалектах;
- лексема может быть **широко распространена в западно- и южнославянских диалектах, но при этом имеет ограниченный ареал в восточнославянских**, ср., например, распространение лексемы *žab-a* к. 31 ‘лягушка’, которая имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, тогда как в русских говорах ее ареал является дискретным, поскольку здесь более широкое распространение получила лексема *leg-uš-ъk-a*;
- лексема может быть **широко распространена в южнославянских диалектах**, но при этом имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских (ср., например, распространение лексемы //₁*VORB*//₂*-bc-ъ*, к. 25

‘воробей’, которая имеет обширный ареал в южнославянских и словацких диалектах и островные ареалы в чешских моравских и ганацких говорах, а также в юго-западных украинских; сходный ареал имеет и лексема //areb-ic-a к. 23 ‘куропатка’, которая плотно покрывает территорию всей южной Славии, кроме того, она встречается в западно- и среднесловацких говорах, а также в некоторых юго-западных украинских; ср. также распространение лексемы *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’, которая имеет обширный ареал в южнославянских диалектах и ограниченные ареалы в словацких, в чешских ганацких и в некоторых моравских говорах, в польских, в юго-западных украинских и в некоторых севернорусских (вологодских) говорах);

- лексема может быть **широко распространена в западнославянских диалектах**, но имеет ограниченный ареал — в восточно- и южнославянских (ср., например, распространение таких лексем, как *net-o-pyr-ь* к. 15 ‘летучая мышь’: лексема широко распространена в западнославянских диалектах и имеет островные ареалы в русских архангельских и в словенских (горенских и штаерских) говорах; *mot-yl-ь* к. 45 ‘бабочка’: лексема имеет плотный ареал в западнославянских диалектах, а также в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах; в восточнославянских диалектах она широко распространена в украинских и белорусских и имеет небольшой островной ареал в севернорусских вологодских говорах;
- лексема может быть **широко распространена в восточной Славии**, но имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских диалектах (ср., например, распространение таких лексем, как *med-ьv-ěd-ь* к. 5 ‘медведь-самец’: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах, а также в чешских, словацких, словенских, хорватских и сербских и небольшие островные ареалы в польских говорах; *lis-ic-a* к. 3 ‘общее наименование лисицы и название самки лисицы’: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских, польских, словенских, болгарских и македонских диалектах; дискретный — в хорватских и сербских говорах; в остальных западнославянских диалектах получила распространение лексема *liš-ьk-a*, словообразовательная структура которой указывает на то, что лексема *lisica* ранее была известна западнославянским диалектам. По мысли В. Махека, эта новая форма возникла из *lisica*>*lisičьka*>*liščьka*>*liščьka*>*liška* [Machek 1957: 272].

Однако чаще всего на картах Атласа представлен такой ареальный сценарий, когда **лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах**, ср., распространение следующих лексем:

zvěr-in-a к. 1 ‘дикое животное, зверь’: лексема имеет островные ареалы в говорах Правобережной Украины, в словенских диалектах, а также микроареалы в русских архангельских (пп. 577–578) и рязанских (п. 781) говорах, в белорусских (п. 376), в кашубских (п. 241) и великопольских (п. 269), в сербских призренско-тимокских (п. 85) и восточногерцеговинских (пп. 60, 67) говорах;

krȕt-ic-a к. 12 ‘крот’: лексема имеет довольно обширный ареал в сербских и болгарских диалектах и островные — в македонских, хорватских, чешских, словацких и юго-западных украинских говорах;

deť-el-ь к. 20 ‘дятел’: лексема имеет островные ареалы в севернорусских и в западной группе среднерусских (псковских) говоров, в юго-западных и в некоторых юго-восточных украинских, обширный ареал в среднесловацких и в отдельных западно- и восточнословацких; кроме того, она отмечена в моравских и ляхских чешских говорах, в отдельных словенских (ровтарских и штаерских) и хорватских (славонских) диалектах;

motv-ь к. 41 ‘муравей’: лексема имеет обширный ареал в сербских и хорватских диалектах, островной ареал в южнорусских рязанских и воронежских говорах и микроареал — в нижнелужицких (п. 234);

pelpel-ic-a к. 22 ‘перепелка’: лексема имеет обширный ареал в украинских, западно- и среднесловацких, в словенских, хорватских и сербских диалектах; островные ареалы — в западных македонских и среднебелорусских говорах; микроареал — в южнорусских (пп. 778, 788);

last-ov-ьk-a к. 24 ‘ласточка’: лексема широко распространена в украинских и белорусских диалектах, имеет островные ареалы в восточнословацких, в словенских и южнорусских; микроареалы — в польских силезских (п. 308) и чешских ляхских (п. 207) говорах;

skvor-ьc-ь к. 27 ‘скворец’: лексема широко распространена в русских, лужицких, словацких, словенских и болгарских диалектах и имеет островные ареалы в северо-восточных и юго-западных белорусских, в отдельных украинских, на западе польских и в хорватских славонских говорах.

Ареалы этих лексем являются яркой иллюстрацией тех разрушительных процессов, которые происходили в истории славянских диалектов в процессе их исторического развития. Однако, несмотря на «угасание» отдельных праславянских лексем, их «мерцающий» свет может еще долго сохраняться в производных (ср., например, ареал лексемы *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’, которую в польских и словацких диалектах активно теснит лексема *zvěr-e*, а в польских диалектах и лексема *zvěr-in-a*; или ареал лексемы *lis-ic-a* к. 3 ‘общее наименование лисицы’: несмотря на то, что эта лексема отсутствует в чешских, словацких и лужицких диалектах, следы ее просматриваются в возникшей на ее основе лексеме *liš-ьk-a*).

Карты Атласа довольно часто демонстрируют еще один лингвогеографический сценарий, когда лексема распространена в диалектах только **двух славянских языковых групп** и не выходит за их пределы. При этом и здесь наблюдаются разные ситуации:

- лексема **широко распространена в восточнославянских диалектах** и имеет **ограниченный ареал в западнославянских**, ср., например, распространение лексемы *pelpel-ьk-a* к.22 ‘перепелка’, которая имеет обширный ареал в восточнославянских, польских и чешских диалектах и островной —

в восточнословацких; или лексемы *kur-o-p=-at-ъk-a* к. 23 ‘куропатка’, которая также широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет небольшие островные ареалы в польских переселенческих говорах и микроареал — в восточнословацких (пп. 227, 229);

- лексема **имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в западнославянских диалектах**. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, причем обращает на себя внимание тот факт, что большинство изоглосс связывает также восточнославянские, польские и чешские диалекты, ср. распространение следующих лексем:

krys-a к. 13 ‘крыса’: лексема широко распространена в русских диалектах и имеет ограниченные ареалы в украинских (в основном в говорах Левобережной Украины) и белорусских (в северо-восточных говорах), где ее активно теснят лексемы *šcur-ъ*, *pac-ъ* и *pac-uk-ъ*; в западнославянских диалектах она имеет небольшой островной ареал в чешских говорах. Такой ареальный сценарий свидетельствует о том, что он сформировался, по-видимому, довольно поздно: в украинских и белорусских диалектах эта лексема распространилась под влиянием русского языка; в чешских диалектах (как, впрочем, и в литературном языке), возможно, — в результате заимствования из русского языка (см. Rejzek 2001: 316). В самом русском языке лексема в форме м.р. *kryсь* появляется в конце XVII в., а в форме ж.р. — в XVIII в. [Шапошников 2010: 445];

(špak)-ъ к. 27 ‘скворец’: лексема имеет плотный ареал в польских, украинских и белорусских диалектах; островные ареалы — в чешских (ляшских) говорах и в пограничных с польскими словацких; разрушение ареала в чешских диалектах произошло вследствие распространения лексемы *(špač)-ъk-ъ*, производной от *(špak)-ъ*;

las-ič-ъk-a к. 9 ‘ласка’: лексема имеет обширный ареал в чешских диалектах, островные ареалы — в польских и западноукраинских, микроареалы — в нижнелужицких (п. 234) и среднебелорусских (п. 338) говорах.

Лингвогеографический анализ этой группы соответствий показал, что они локализируются, как правило, в **украинских, белорусских и польских** диалектах, где имеют чаще всего обширные ареалы.

Среди этих лексических соответствий особый интерес представляют т. н. **сепаратные изоглоссы**, которые связывают диалекты одного из восточно- или западнославянских языков с диалектами других восточно- и западнославянских языков, ср., например, лексемы, которые имеют распространение из восточнославянских **только в русских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых западнославянских**: *šcur-ъ* к. 36 ‘дождевой червь’: лексема имеет островной ареал в севернорусских диалектах и микроареалы в чешских ганацких (п. 195) говорах; или *kobyl-ъk-a* к. 43 ‘кузнечик’: лексема имеет островные ареалы в севернорусских

и в восточной группе среднерусских говоров, а также в чешских и среднесловацких диалектах;

— **только в украинских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых западнославянских**, ср. распространение лексемы *liš-ьk-a* к. 3 'общее наименование лисицы', которая имеет островной ареал в юго-западных украинских и малопольских говорах, обширный — в словацких, чешских и лужицких диалектах;

— **только в белорусских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых западнославянских**, ср. распространение лексемы *ned-ьv-ěd-ь* к. 5 'медведь', которая имеет островной ареал в юго-западных белорусских говорах, обширный ареал в польских диалектах и микроареалы — в нижнелужицких (п. 234) и чешских (пп. 175, 181) говорах;

— **только в польских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых восточнославянских**, ср. распространение следующих лексем: *lis-ь* к. 3 'общее название лисы': лексема имеет обширный ареал в польских диалектах и в говорах Правобережной Украины; островные ареалы — в белорусских; *di-k-ь* к. 2 'дикий': лексема плотно покрывает территорию восточнославянских и польских диалектов.

Как видно из приведенного материала, и в восточно-, и в западнославянских диалектах в этих сепаратных соответствиях наряду с локально ограниченными ареалами немало представлено и обширных. Причем чаще всего они находятся в **украинских, белорусских и польских** диалектах.

Среди сепаратных соответствий особый интерес представляют т. н. **эксклюзивные** изоглоссы, связывающие попарно отдельные диалекты восточно- и западнославянских языков, ср., например, распространение следующих лексем:

[kuk]-ul-ьk-a к. 21 'кукушка': лексема имеет небольшой островной ареал в белорусских северо-восточных говорах и разреженный — в польских диалектах;

kur-o-p=-ьk-a к. 23 'куропатка': лексема имеет островные ареалы в юго-западных и юго-восточных украинских говорах и в восточнословацких диалектах;

kur-o-p=-at-ьv-a к. 23 'куропатка': лексема имеет обширный ареал в польских диалектах и островные ареалы в юго-западных и западнополесских украинских говорах;

kor-a к. 39 'чешуя рыбы': лексема имеет микроареалы в чешских (п. 195) и белорусских (п. 385) диалектах;

za-uš-ьn-ic-ę к. 40 'жабры рыбы': лексема имеет микроареалы в западнословацких (пп. 213–214) и в юго-западных белорусских (п. 355) говорах.

Ареалогический анализ лексических соответствий, распространенных в диалектах северной Славии, выявил своеобразные «**точки пассионарности**», в которых чаще всего локализируются изоглоссы, формирующие обширные ареалы:

это, прежде всего, **польские** диалекты, а также некоторые **украинские и белорусские**.

Карты Атласа говорят и о том, что большинство ареалов северной Славии сформировалось в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли **языка-донора выступали чаще всего западнославянские диалекты**, преимущественно **польские**. Именно здесь локализуются обширные ареалы лексем, которые «продолжают свою жизнь» в украинских и белорусских диалектах.

Сходный ареальный сценарий формируют изоглоссы, которые связывают восточную и южную Славю. Здесь также наблюдается ситуация, когда лексема **широко распространена в восточнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских**, ср. распространение следующих лексем:

sin-ic-a к. 26 ‘синица’: лексема хорошо известна в восточнославянских, а также в словенских, хорватских и сербских диалектах; в македонских диалектах она имеет лишь небольшой островной ареал в западных говорах;

soľv-bj-b к. 28 ‘соловей’: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских, болгарских и македонских диалектах и микроареал — в сербских прирзенско-тимокских говорах (п. 87).

Ограниченный характер ареала этих праславянских лексем в южнославянских диалектах при его высокой плотности в восточнославянских позволяет высказать предположение, что эти изоглоссы могут быть продолжением северных черт в южной Славии.

Однако среди восточно-южнославянских лексических параллелей, может наблюдаться и другой ареалогический сценарий, когда **лексема имеет ограниченный ареал и в восточнославянских, и в южнославянских диалектах.**, ср., например, распространение лексемы *pyt-ic-a* к. 16 ‘птица’, которая имеет обширные ареалы в русских, сербских, хорватских диалектах, разреженный ареал — в украинских, островной — в белорусских, словенских, македонских и болгарских говорах.

Среди лексических соответствий особый интерес представляют т. н. **сепаратные** изоглоссы, которые связывают диалекты одного из восточно- или южнославянских языков с диалектами других восточно- и южнославянских языков, ср., например, лексемы, которые имеют распространение

— **только в украинских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых южнославянских:** *krьt-in-a* к. 12 ‘крот’: лексема имеет плотный островной ареал в юго-западных украинских говорах и небольшие островные ареалы в сербских и хорватских диалектах;

— **только в македонских диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых восточнославянских:** *per-bj-a* к. 38 ‘плавники рыбы’: лексема имеет плотный ареал в западных македонских говорах и островные ареалы в восточнославянских диалектах.

Среди сепаратных восточно-южнославянских соответствий особый интерес представляют т. н. **ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ** изоглоссы, связывающие попарно отдельные диалекты восточно- и южнославянских языков, ср., например, распространение следующих лексем:

kon-ьk-ъ к. 43 ‘кузнечик’: лексема имеет довольно плотный островной ареал в севернорусских (архангельских, вологодских, ярославских) диалектах и микроареал — в хорватских кайкавских говорах (п. 31);

podъ-las-ic-a к. 9 ‘ласка’: лексема имеет плотный ареал в словенских диалектах и микроареал — в белорусских полесских говорах (пп. 395, 399).

Значительно более разнообразный ареальный сценарий прослеживается на картах Атласа, когда лексема широко распространена в диалектах **только западно- и южнославянской языковых групп и не выходит за их пределы**, ср. распространение следующих лексем:

věver-ic-a к. 7 ‘белка’: лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах за исключением болгарских (где используются лексемы *kat-er-ic-a*, *kat-er-ič-ьk-a*), имеет небольшой островной ареал в западно- и среднесловацких и микроареал в польских говорах Силезии (п. 291);

zvěr-ę к. 1 ‘дикое животное, зверь’: лексема плотно покрывает всю западную Славию и имеет островной ареал в сербских (зетско-сенинских) говорах и микроареал — в хорватских (п. 33);

Однако чаще всего представлен такой ареальный сценарий, когда **лексема имеет ограниченный ареал и в западно-, и в южнославянских диалектах**, ср. распространение следующих лексем:

di-v-Ъ к. 2 ‘дикий’: лексема широко распространена в словацких, лужицких, македонских и болгарских диалектах и имеет микроареалы в кашубских (пп. 241–242) и в чакавских хорватских (п. 25) говорах;

dъvorj-ъ к. 8 ‘хорь’: лексема широко распространена в лужицких, сербских и хорватских диалектах, имеет островные ареалы в кашубских и малопольских говорах, а также микроареал — в северо-западных македонских (пп. 94–95);

(*pantegan*)-ъ, (*pantegan*)-а к. 13 ‘крыса’: эта заимствованная из романских языков лексема [Bezlej III: 68] широко распространена в словенских, словацких, чешских моравских диалектах и имеет островные ареалы в хорватских чакавских говорах;

solъ-ič-ьk-ъ к. 28 ‘соловей’: лексема имеет небольшие островные ареалы в доленских и прекмурских говорах Словении, в моравских и ганацких чешских говорах, в малопольских и силезских говорах и микроареал в западнословацких говорах на территории Венгрии (п. 154);

motъ-j-a к. 41 ‘муравей’ лексема имеет плотный ареал в лужицких и словенских диалектах; небольшие островные ареалы в хорватских кайкавских говорах, микроареалы — в северо-западных македонских (пп. 92–93), в сербских и болгарских говорах на территории Румынии (пп. 167–168);

motv-ьc-ь к. 41 ‘муравей’: лексема широко распространена в западно- и среднесловацких диалектах и имеет микроареалы в чешских (ляшских п. 207), в хорватских (кайкавских пп. 30, 35) и македонских (п. 108) говорах;

qs-en-ьk-a к. 46 ‘гусеница’: лексема широко распространена в чешских диалектах и имеет микроареалы в восточнословацких (п. 231), в малопольских (пп. 301, 312), в словенских (белокраинских п. 15), в хорватских (кайкавских п. 26) и в сербских (призренско-тимокских п. 86) говорах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в западнославянских диалектах наблюдается повышенная **концентрация изоглосс в чешских, западно- и среднесловацких говорах**. Именно здесь чаще всего локализируются обширные ареалы корреспондирующих лексем. Это особенно хорошо видно при сопоставлении с польскими ареалами, которые являются, как правило, либо островными, либо точечными. В южнославянских диалектах выделяются **хорватские и словенские** говоры, хотя корреспондирующие лексемы имеют здесь в основном лишь островные ареалы. Этот факт заслуживает особого внимания, так как изоглоссы, объединяющие словенские и хорватские диалекты с чешскими и словацкими, подтверждают существование переходной зоны между языками западной и южной групп (подробнее см. Ивић 1958). Более того, именно эти изоглоссы являются ориентирами при изучении исторической динамики диалектной карты праславянского языка, см., например, работу Л. В. Куркиной «Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики» [Куркина 1992: 207].

Среди западно-южнославянских лексических соответствий особый интерес представляют т. н. **сепаратные изоглоссы**, которые связывают диалекты одного из западно- или южнославянских языков с диалектами других западно- и южнославянских языков, ср., например, лексемы, которые имеют распространение **только в польских** диалектах, но при этом находят продолжение в некоторых южнославянских:

//*qs-en-a* к. 46 ‘гусеница’: лексема имеет плотный островной ареал в великопольских говорах и небольшие островные ареалы в кашубских, в говорах Силезии, а также в говорах Боснии и Герцеговины; микроареал — в хорватских икавских говорах (пп. 33, 45);

torj-ь к. 8 ‘хорь’: лексема имеет плотный островной ареал в великопольских говорах и небольшие островные ареалы в хорватских чакавских и кайкавских диалектах (пп. 146а, 147а, 148а, 153); микроареал — в словенских прекумских говорах (пп. 21, 149).

Среди этих сепаратных соответствий особый интерес представляют т. н. **эксклюзивные изоглоссы**, связывающие попарно отдельные диалекты западно- и южнославянских языков, ср., например, распространение следующих лексем:

vorb-ьč-ak-ь к. 25 ‘воробей’, лексема имеет островной ареал в западной группе чешских диалектов и микроареал в македонских восточных говорах (п. 105);

//*qs-ěv-ьп-ic-a* к. 46 ‘гусеница’, лексема имеет небольшие островные ареалы в польских кашубских говорах и в словенских приморских;

morv-en-išč-e к. 42 ‘муравейник’, лексема имеет микроареал в приморских словенских говорах (пп. 5, 12) и широко распространена в чешских и западнословацких диалектах;

krъt-ъk-ъ к. 12 ‘крот’, лексема широко распространена в чешских диалектах и имеет микроареал — в болгарских (п. 135).

Обращает на себя внимание и тот факт, что обширные ареалы этих лексических соответствий локализуются чаще всего либо в западнославянских диалектах (особенно в польских при восточно-западнославянских соответствиях или в чешских при западно-южнославянских соответствиях), либо в южнославянских (особенно — в словенских).

Логика исследования различных ареальных сценариев современной Славии требует описания и таких ареалов, которые существуют в рамках **лишь одной языковой группы** и не выходят за ее пределы. Здесь выделяется ситуация в **западнославянских диалектах**, когда лексема равномерно покрывает всю территорию западной Славии и не выходит за ее пределы, ср. распространение следующих лексем:

sik-or-ъk-a к. 26 ‘синица’: лексема широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дискретным, так как наряду с ней распространена и лексема *sik-or-a*;

solv-ik-ъ к. 28 ‘соловей’: лексема плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских говорах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *solv-ič-ъk-ъ*;

pъt-ak-ъ к. 16 ‘птица’: лексема представлена во всех западнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения: в восточнословацких диалектах распространена возникшая на ее основе лексема *pъt-ač-ъk-ъ*; в лужицких диалектах зафиксирована лексема *pъt-aš-ъk-ъ*; в польских кашубских говорах отмечена лексема *pъt-ax-ъ*, а в мазовецких, пограничных с белорусскими диалектами, получила распространение лексема *pъt-aš-ъk-a*.

В южно- и восточнославянских диалектах такая ареальная ситуация наблюдается реже, ср., например, распространение следующих лексем:

gušč-er-ъ, *gušč-er-ic-a* к. 30 ‘ящерица’: лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах;

klju-n-ъ к. 18 ‘клюв птицы’: лексема широко распространена в хорватских, словенских и болгарских диалектах и имеет островные ареалы — в сербских и в западных македонских говорах;

[kuk]-av-ic-a к. 21 ‘кукушка’: лексема имеет обширный ареал в сербских, хорватских, македонских диалектах и островные ареалы — в словенских штаерских и прекмурских говорах, микроареал — в западных болгарских (п. 118);

klju-v-ъ к. 18 ‘клюв птицы’: лексема имеет обширный ареал в русских диалектах, островные ареалы в юго-восточных украинских говорах и микроареал — в белорусских (п. 380).

Карты Атласа говорят и о такой яркой особенности славянских диалектов, как их динамичность. Она проявляется в том, что диалекты всех славянских языков способны к активному порождению эксклюзивных лексем, определяющих их «портретное» своеобразие. Наличие эксклюзивных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия и от литературного языка, и от других диалектов.

Эксклюзивные лексемы — это лексемы, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы, ср., например, следующие эксклюзивы:

русского языка: *mOR*=-*aš*-ъ к. 41 ‘муравей’; (*kalist*)-ъ к. 29 ‘аист’; *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’; *bab-ur-ъk-a, lip-ъk-a, lip-un-ъk-ъ* к. 45 ‘бабочка’; (*veks*)-*a* к. 7 ‘белка’; (*iv*)=-*aš-ъk-a, (van)-ъč-ъk-a* к. 44 ‘божья коровка’; *smol-ъk-a, [čyrk]-un-ъ, [čyrk]-un-ъ* к. 43 ‘кузнечик’; (*sikl*)-ъ=-*ax-a* к. 41 ‘муравей’; *kur-o-pъt-ъ* к. 23 ‘куропатка’; *ry-t-ik-ъ, pŕot-o-rъj-ъ, slěp-ъc-ъ* к. 12 ‘крот’, *kos-at-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’; [*kok*]-*uš-ъk-a* к. 21 ‘кукушка’; *mOR*=-*aš-ev-ъn-ik-ъ* к. 42 ‘муравейник’;

украинского: //*ež-ak-ъ, //ež-uk-ъ, (jarič)-ъ* к. 10 ‘еж’; *liš-ъk-un-ъ* к. 4 ‘самец лисы’; *jeť-el-ъ, jeť-ъl-ik-ъ* к. 20 ‘дятел’; *aręb-ъk-a, kur-o-p-ъč-ъk-a* к. 23 ‘куропатка’; (*ravl*)-*ik-ъ, (lavr)-ik-ъ, slim-už-ъ* к. 35 ‘улитка без раковины’; *pug-o-gŕlv-ъk-ъ, pug-o-gŕlv-ъc-ъ, pug-o-gŕlv-ъk-a, pug-o-gŕlv-ic-a* к. 33 ‘головастик’; *po-plav-ъc-i* к. 38 ‘плавники рыбы’; *ščuic-ъk-a, ščup-ak-a* к. 37 ‘щука’; //*qs-el-ъn-j-a* к. 46 ‘гусеница’; [*svyrk*]-*un-ъ* к. 43 ‘кузнечик’; *kom-ax-a, kom-aš-ъk-a, kom-aš-ъn-in-a* к. 41 ‘муравей’; *kur-a, kur-in-a, kom-aš-ъn-j-a* к. 42 ‘муравейник’; *kop-an-j-a* к. 32 ‘жаба’; *kruk-ъ* к. 31 ‘лягушка’;

белорусского: *pъk-ъ* к. 12 ‘крот’; *veřb-ъj-ъ* к. 16 ‘птица’; *skor//-at-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’; *krŕt-o-gŕlv-ik-ъ* к. 33 ‘головастик’; *mORv-en-ъn-ik-ъ* к. 42 ‘муравейник’; *koz-ъl-ъ, koz-ъl-ik-ъ* к. 43 ‘кузнечик’; (*andrej*)-*ъk-a, (fedor)-ъk-o, //ędr-ъk-a* к. 44 ‘божья коровка’;

польского: *ned-ъv-ęd-ъk-a* к. 6 ‘самка медведя’; (*stękl*)-*ar-ъ, (fliger)-ъ* к. 47 ‘стрекоза’; *jask-ol-ъk-a, jask-ol-ъč-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’; [*kuk*]-*av-ъk-a, [kuk] ol-ъk-a* к. 21 ‘кукушка’; *bab-ъk-a, gъ-pan-in-ъk-a, gъ-pan-en-ъk-a, (petr)-uš-ъk-a* к. 44 ‘божья коровка’; *lix-a, liš-ъk-a, liš-aj-ъ* к. 46 ‘гусеница’; *seť-o-pŶr-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’; *dъžd-ъ=-ov-ъn-ic-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *svět-ъl-ik-ъ, svět-j-ъn-ik-ъ, svět-ъn-ik-ъ* к. 48 ‘светлячок’; *skrě-l-a, skrě-l-e, o-skrě-l-e* к. 40 ‘жабры’; *ply-t-ъv-y* к. 38 ‘плавники рыбы’; *lusk-ъv-a, lušč-ъk-a, lusk-ъv-in-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’; *ščub-ъl-ъ, ščup-ъ=-ak-ъ* к. 37 ‘щука’; *koz-a* к. 43 ‘кузнечик’;

лужицкого: *podpol-j-a* к. 22 ‘перепелка’; *deť-el-ъc-ъ* к. 20 ‘дятел’; *kur-//o-pъt-a* к. 23 ‘куропатка’; (*bar*)-ъ к. 5 ‘медведь’; (*rat*)-ъv-a к. 13 ‘крыса’; *ux-ač-ъ* к. 11 ‘заяц’; //(*krod*)-*av-a* к. 32 ‘жаба’; *ščup-ъl-ъ* к. 37 ‘щука’; *bog-ov-ъ kon-ik-ъ* к. 47 ‘стрекоза’; *lic-a* к. 40 ‘жабры’;

чешского: *krůt-ěk-ъ* к. 12 ‘крот’; *las-ic-е, kol-ьč-av-a, kol-ьč-av-ěk-a* к. 9 ‘ласка’; *čar-ъ* к. 29 ‘аист’; *kur-o-рѣт-ьв-ь, kur-o-рѣт-ьв-j-a* к. 23 ‘куропатка’; *[kuk]-ač-ьк-a* к. 21 ‘кукушка’; *vořb-ьč-ak-ъ* к. 25 ‘воробей’; *(šnek)-ъ, (čnek)-ъ, glem-ežd-ъ* к. 35 ‘улитка без раковины’; *(roc)-ьп-a, něm-ьк-a, něm-ьк-ун-ь=-a* к. 13 ‘крыса’; *svět-ьl-uš-ьк-a* к. 48 ‘светлячок’; *[žiž]-al-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *bed-r-uš-ьк-a, (galin)-ьк-a* к. 44 ‘божья коровка’; *моу-в-j-ьп-ьс-ь* к. 41 ‘муравей’; *моу-в-j-ен-išč-е, моу-в-j-ен-ьč-ak-ъ* к. 42 ‘муравейник’;

словацкого: *krůt-ьč-ic-a* к. 12 ‘крот’; *liš-ьč-ak-ъ* к. 4 ‘самец лисы’; *(gol)-a* к. 29 ‘аист’; *(harkal)-ь* к. 20 ‘дятел’; *рѣт-ač-ьк-ъ* к. 16 ‘птица’; *šprg-ac-ь* к. 15 ‘летучая мышь’; *liš-aj-ь* к. 45 ‘бабочка’; *(mokuš)-ь* к. 7 ‘белка’; *хоу-в-их-ьп-ь=-ač-ьк-a* к. 32 ‘жаба’; *{žab-u}r-ен-ьк-a* к. 33 ‘головастик’; *za-uš-ьп-ic-е* к. 40 ‘жабры’; *съп-ьч-ьк-o* к. 44 ‘божья коровка’;

словенского: *med-ьв-ěd-ун-ь=-a, med-ьв-ěd-ун-a* к. 6 ‘самка медведя’; *(štokl)-a, (štokl)-j-a, (štokl)-е* к. 29 ‘аист’; *{//areb}-ъ* к. 23 ‘куропатка’; *sojv-ьс-ь, sojv-ьč-ьк-ъ* к. 28 ‘соловей’; *моу-в-ьп-ик-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’; *plav-ut-a, plav-ut-i, plav-ut-е* к. 38 ‘плавники рыбы’; *кач-ьв-ь pas-t-ур-ь* к. 47 ‘стрекоза’; *lusk-in-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’; *zel-ен-ьс-ь, (martin)-ьč-ьк-ъ* к. 30 ‘ящерица’;

хорватского: *дѣх-or-ьс-ь* к. 8 ‘хорь’; *[kuk]-ov-ač-a* к. 21 ‘кукушка’; *dět-el-ь* к. 20 ‘дятел’; *kon-it-j-ь* к. 43 ‘кузнечик’;

сербского: *меč-ьк-ъ* к. 5 ‘медведь’; *кѣр-лушч-ь, коу-лжушч-ь, скоу-лжушч-in-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’; *[мѣт]-ol-ak-ъ* к. 33 ‘головастик’; *vi-l-in-ь kon-it-j-ь* к. 47 ‘стрекоза’; *lep//-ур-ьк-ъ* к. 45 ‘бабочка’; *dět-ьl-a* к. 20 ‘дятел’; *съ-рѣж-ь* к. 35 ‘улитка без раковины’;

македонского: *klju-k-o-дѣв-ьс-ь, [rip]-ун-ьс-ь* к. 20 ‘дятел’; *vořb-ьč-ан-ъ* к. 25 ‘воробей’; *gluš-ьс-ь, golēm-ь gluš-ьс-ь* к. 13 ‘крыса’; *stьrd-uš-ьк-a* к. 8 ‘хорь’; *klьv-ун-ь, [rip]-ун-ьс-ь* к. 18 ‘клюв птицы’; *pel-pel-ic-a* к. 22 ‘перепелка’; *v{ěr}ver-ic-a* к. 7 ‘белка’; *(kaluzer)-ьк-a* к. 33 ‘головастик’; *čьrv-ьс-ь* к. 36 ‘дождевой червь’; *рѣж-ав-ъ* к. 34 ‘улитка с раковинной’; *skak-ul-ьс-ь* к. 43 ‘кузнечик’; *моу-в-j-al-ьп-ик-ъ, моу-в-j-ar-ьп-ик-ъ* к. 42 ‘муравейник’;

болгарского: *pri-lěp-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’; *kat-er-ič-ьк-a* к. 7 ‘белка’; *(taral)-ež-ь, (tara)-ež-ь, (taral)-ež-ьк-ъ* к. 10 ‘еж’; *рѣх-ok-ъ, съs-ьl-ъ* к. 13 ‘крыса’; *(kokarž)-a, (kokarž)-е* к. 8 ‘хорь’; *lis-ič-ok-ъ, lis-yg-ур-ъ, lis-ug-ур-ъ* к. 4 ‘самец лисы’; *klьv-ač-ь, klju-v-ač-ь* к. 20 ‘дятел’; *[pьdpьd]-ьк, [pьdpьd]-ьč-ьк-a* к. 22 ‘перепелка’; *sin-ig-ур-ьč-е* к. 26 ‘синица’; *[kuk]-ov-ič-ьк-a* к. 21 ‘кукушка’; *stьrk-ьl-ь* к. 29 ‘аист’; *kal-in-ьк-a* к. 44 ‘божья коровка’; *glist-ь=-a, дьžd-ов-ьп-ик-ъ* к. 36 ‘дождевой червь’; *хрѣ-l-ě* к. 40 ‘жабры’; *кѣр-лушч-ь* к. 39 ‘чешуя рыбы’; *рѣж-ьк-ъ* к. 35 ‘улитка без раковины’; *рѣж-el-ь* к. 34 ‘улитка с раковинной’; *klьv-ьп-ic-a, klьv-ун-ь, [čov]-ьк-a, (gag)-a* к. 18 ‘клюв птицы’; *моу-в-ун-ьк-a, моу-в-in-ьк-a* к. 41 ‘муравей’; *моу-в-il-ьп-ик-ъ* к. 42 ‘муравейник’; *svět-ul-ьк-a* к. 48 ‘светлячок’; *//qs-е* к. 46 ‘гусеница’; *(aeroplan)-ьč-е* к. 47 ‘стрекоза’; *sk//a//k-al-ь, skak-al-ь, skak-ok-ъ* к. 43 ‘кузнечик’; *gušcer-ь* к. 30 ‘ящерица’.

Несмотря на то, что обширные ареалы эксклюзивных лексем встречаются не часто, среди них имеются, однако, такие, когда эксклюзивную лексему отличает

тотальное распространение в тех или иных диалектах (ср., например, распространение лексем *šar-ъ* к. 29 ‘аист’ в **чешских диалектах**; *jask-ol-ъk-a* к. 24 ‘ласточка’ — в **польских**; *(bar)-ъ* к. 5 медведь — в **лужицких**; *pri-lěp-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’, *klъv-ač-ъ*, *klju-v-ač-ъ* к. 20 ‘дятел’ — в **болгарских**; *//ež-ak-ъ* к. 10 ‘еж’ — в **украинских**; *dъx-or-ъ*, *dъx-or-ъk-ъ* к. 8 ‘хорь’, *mOR=aš-ъ* к. 41 ‘муравей’ — в **русских**.

При этом следует отметить, что только в русских диалектах это явление носит массовый характер, так как именно здесь эксклюзивы имеют часто самое широкое распространение (ср., например, ареалы таких русских эксклюзивных лексем, как *kri-dl-yš-ъk-o* к. 19 ‘крылышко’, *(aist)-ъ* к. 29 ‘аист’, *češ-uj-a* к. 39 ‘чешуя рыбы’, *bab-ъč-ъk-a* к. 45 ‘бабочка’ и др.).

Объяснить явление такого широкого распространения эксклюзивной лексики можно, по-видимому, тем, что она стала достоянием литературного языка (ср. **чеш.** лит. *šár*; **плс.** лит. *jaskólka*; **укр.** лит. *іжак*; **рус.** лит. *aist*, *бабочка*, *чешуя* и т. д.), что во многом способствовало укреплению ее «жизненной силы» и, соответственно, распространению. Благодаря этим лексемам происходило «портретное» оформление диалектов того или иного славянского языка.

Анализ эксклюзивных лексем, представленных в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа», показал, что эксклюзивы характерны для всех славянских диалектов, однако самая высокая концентрация их наблюдается в южно- и западнославянских диалектах, особенно в словенских, болгарских, чешских и словацких.

Причем во всех славянских диалектах можно и сегодня наблюдать процесс образования эксклюзивных лексем, о чем свидетельствуют их **микроареалы**, ср., например, распространение следующих эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах: *morč-ъn-ik-ъ* к. 15 ‘летучая мышь’; в **сербских**: *rov-ъc-ъ* к. 12 ‘крот’, *deč-ъl-a* к. 20 ‘дятел’, *morv-in-j-a-dl-o* к. 42 ‘муравейник’. Микроареалы этих эксклюзивных лексем являются величинами позднего времени, о чем свидетельствует прежде всего их словообразовательная структура. Это говорит о том, что в диалектах идет процесс постоянного обновления их лексического состава.

Основная **причина появления эксклюзивов** связана с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений внешнего мира, с той **номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация**. Немаловажную роль здесь сыграли и различия в природных, климатических условиях того или иного ареала.

Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий и, соответственно, разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира проходило по тем языковым моделям, которые были актуальны для данных диалектов.

Другая причина появления эксклюзивных лексем связана нередко с **культурно-историческим влиянием других языков**.

Так, в частности, именно **немецкому влиянию** обязано существование эксклюзивов в лужицких, словенских, словацких, чешских и польских диалектах, ср., например, следующие эксклюзивные лужицкие лексемы: (*bar*)-ъ к. 5 ‘медведь’ (из нем. *Bär* ‘медведь’); (*rat*)-ъv-a к. 13 ‘крыса’ (от нем. *Ratte* ‘крыса’).

В южнославянских диалектах (особенно в словенских и хорватских) к образованию эксклюзивов нередко вело **итальянское культурно-языковое влияние**, ср. слн. (*pantegan*)-ъ, (*pantegan*)-a из ит. *pantegana* ‘крыса’.

Из других романских языков можно отметить **румынское влияние**, причем оно характерно в основном для **болгарских диалектов**. Особенно ярко оно проявляется в болгарских говорах в Банате (п. 167), ср.: (*markul*)-ъ к. 5 ‘медведь’ из рум. диал. *mârcul*; (*patka*)-ъ к. 13 ‘крыса’ из рум. диал. *potcan*; (*pitrylak*)-ъ к. 22 ‘перепелка’ из рум. *pitpalaca*, *pipalac*; (*picigoj*)-ъ к. 26 ‘синица’ из рум. *pițigoi*; (*beşik*)-y к. 40 ‘жабры рыбы’ из рум. *beşikă*.

В болгарских диалектах прослеживается и довольно сильное **турецкое влияние**, поскольку именно здесь больше всего отмечено эксклюзивов, имеющих в своей основе турцизмы, причем основной очаг их локализации находится в **юго-восточных болгарских говорах** (особенно в пп. 140–142, 852–853), ср.: (*geljunžuk*)-ъ к. 9 ‘ласка’ из тур. *gelincik*; (*gag*)-a к. 18 ‘клюв птицы’ из тур. *gaga*; (*kak*)-a к. 18 ‘клюв птицы’ из тур. диал. *kaka*; (*čič*)-o-pěj-ъ к. 26 ‘синица’ от тур. *çiçe*; (*karabaka*)-ъ к. 27 ‘скворец’ из тур. диал. *karabakal*; (*koj*)-ъ к. 29 ‘аист’ из тур. *koğu*; (*kembelek*)-ъ к. 45 ‘бабочка’ из тур. *kelebek*; (*dingang*)-a к. 46 ‘гусеница’ из тур. диал. *göngalak*, *gongalak* и т. д.

Интересно, что **греческое влияние**, которое, как известно, в целом было довольно сильным в славянских языках, не оставило какого-либо заметного следа при образовании эксклюзивных лексем. Показательно, что подобные эксклюзивы характерны в основном также для **болгарских диалектов**, ср. распространение следующих болгарских эксклюзивов греческого происхождения: *muš-ъk-yn-ъ* (*kaltat*)-a к. 9 ‘ласка’ из греч. диал. *καλήτάττα*; (*kaljman*)-ъk-a к. 9 ‘ласка’ от греч. *καλή μάv(v)α*; (*skrapl*)-j-a к. 36 ‘дождевой червь’ из ср.-гр. *εκορπίος*. Объяснить такую ситуацию можно, по-видимому, тем, что это влияние шло в основном через посредство других славянских языков, что, соответственно, снижало уровень эксклюзивности.

Сам этот факт говорит о том, что появление большинства эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является результатом позднего культурного заимствования.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что многие из эксклюзивных лексем, особенно имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также указывает на то, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

Итак, несмотря на праславянский характер лексем, отобранных для картографирования в «Общеславянском лингвистическом атласе», в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении. Материалы Атласа красноречиво говорят о том, что, не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду с типологическим

сходством, в них отчетливо выявляются и различия. Они проявляются в бесконечной вариативности, отклонениях, несовпадениях в использовании лексико-словообразовательных средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая. Не опровергая самого родства языков, они свидетельствуют о своеобразии каждого языка в систематизации форм человеческого мышления при помощи лексико-словообразовательных средств. Поэтому в каждом томе Атласа можно найти обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии практически всех славянских диалектов.

Все это свидетельствует о том, что изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);

другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;

третьи — факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

четвертые — факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности и т. д.

А это значит, что межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости — статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка [Жирмунский 1954: 23].

В этой связи нельзя не привести слова Н. И. Толстого, который писал: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [Толстой 1997: 342]. А это значит, что языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [Степанов 1975: 304].

И поскольку фактор пространства неразрывно связан с фактором времени, то карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе.

Это соответственно допускает возможность стратификации диалектного материала в пространственно-временном аспекте, разграничения архаизмов и инноваций, определения центров иррадиации новых явлений. При этом карта позволяет

не только установить пространственно-временную локализацию изучаемого языкового явления и представить его в виде хроно-топо-изоглоссы, но и объяснить это явление. И в этом проявляется такое ее важное свойство, как **экспланаторность** (или «объяснительность»). В этом смысле карта является безальтернативным источником информации, так как ни один диалектный словарь не дает возможности визуально оценить картину выявленных сходжений.

Это прекрасно осознавал еще А. Мейе, который говорил, что Ж. Жильерон создал «лингвистическую геологию», интересующуюся лексическими наслоениями и с помощью карты показывающую, как различные лексические слои оседали с течением времени один за другим. Поэтому чтобы говорить о хронологической стратификации материала, необходимо провести «лингвистические раскопки».

А это значит, что и карты «Общеславянского лингвистического атласа» нуждаются в таких «лингвистических раскопках». Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленных на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Только тогда лингвистические карты Атласа смогут стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Понятно, что для осмысления сложной картины, представленной на картах Атласа, простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» [Макаев 1965: 15]. Поэтому чтобы понять эту сложную картину, необходимо обратиться к хронологической стратификации материала и провести своеобразные «лингвистические раскопки». В связи с этим закономерно встает вопрос о хронологической интерпретации материала.

Известно, что по технике своего исследования лингвистическая география обращена прежде всего к синхронии. Это ощущение синхронного состояния, совпадения во времени присутствует у читателя при знакомстве с атласами, составленными даже в начале XX в. Между тем в этом синхронном отражении «живого» слова на картах Атласа запечатлена вся его история, а это значит, что сама лингвистическая география прокладывает путь исследования от синхронии к диахронии. И поскольку на картах Атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы развертывания диахронии в синхронии.

Трудность, однако, заключается в том, что в лингвистической географии еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

Действительно, лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, невостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации» [Гриценко 2004: 86].

В связи с этим встает вопрос: какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической интерпретации картографируемого материала? Можно ли вообще найти такие критерии или вслед за Н. С. Трубецким, повторяя, что «каждое слово распространяется в своих собственных границах», следует признать, что оно имеет и свою собственную топографическую историю? А потому от поисков таких критериев следует отказаться.

Поскольку материал Атласа огромный, а надежные критерии разграничения праславянских архаизмов от более поздних инноваций отсутствуют, мы ограничились анализом только одной ситуации, а именно, когда лексема:

- 1) имеет общеславянское распространение или локализуется в диалектах трех славянских языковых групп;
- 2) является непроизводной;
- 3) имеет индоевропейское соответствие;
- 4) значение лексемы является прямым, непереносным.

Представляется, что эти критерии дадут возможность, как говорил О. Н. Трубачев, «опрокинуть» современные диалектные данные на карту праславянского и рассмотреть вблизи картину лексических сходжений славянских языков на основе самого древнего лексического фонда. Они позволят увидеть, как распределяются праславянские лексемы на карте современной Славии и где до сих пор сохраняются «очаги» праславянских диалектизмов.

Лингвогеографический анализ лексем, распространенных в диалектах трех славянских языковых групп, имеющих непроизводную основу и индоевропейские соответствия, позволил определить их репертуар, который, естественно, по языкам варьируется.

Максимальную модель, представленную в русских, украинских, польских, словацких, словенских, хорватских, боснийских и сербских диалектах, образуют следующие лексемы:

- čvrъ-b* < и.-е. *k^wrmī-: *wrm- [Фасмер IV: 335; ЭССЯ 4: 171] к. 36 'дождевой червь';
//ežъ < и.-е. *eg'hjo [Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37] к. 10 'ёж';
glist-a, glist-b=-a < и.-е. *glit-, *gleit- [ЭССЯ 6: 128] к. 36 'дождевой червь';
krъtъ < и.-е. *(s)ker- [ЭССЯ 13: 57] к. 12 'крот';
myšъ (f, m) < и.-е. *mūs- [ЭССЯ 21: 64] к. 14 'мышь';
ščuk-a < и.-е. *skeu-k- [Фасмер IV: 509; Pokorny I: 955] к. 37 'щука';

zvěr-ь < и.-е. *ǵhwēr [Фасмер II: 87; *ǵ^hwuēr Borys: 746]; *ǵ^hwuēr Borys: 746] к. 1 ‘дикое животное, зверь’;

žab-a < и.-е. g^wēbā [Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183] к. 31 ‘лягушка’ и к. 32 ‘жаба’;

žьln-a < и.-е. gel-/gl- [ЕСУМ 2: 202]; g^uel- [Bezlej IV: 477] к. 20 ‘дятел’.

Минимальную модель, характерную для **всех** славянских диалектов, образуют лексемы //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’.

Распределение этих моделей в пространстве Славии оказывается разным, ср.:

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’.

УКРАИНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

БЕЛОРУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’.

БОСНИЙСКО-ГЕРЦЕГОВИНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *čьrv-ь*, *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

ПОЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

ЛУЖИЦКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’.

ЧЕШСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *ščuk-a* к. 37 ‘щука’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’.

СЛОВАЦКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *zvěr-ь*, *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

СЛОВЕНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *šćuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

ХОРВАТСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *šćuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

СЕРБСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

//ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *šćuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’; *žьln-a* к. 20 ‘дятел’.

МАКЕДОНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *муš-ь* (m) к. 14 ‘мышь’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’.

БОЛГАРСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

čьrv-ь к. 36 ‘дождевой червь’; //ež-ь к. 10 ‘ёж’; *glist-a* к. 36 ‘дождевой червь’; *krьt-ь* к. 12 ‘крот’; *муš-ь* к. 14 ‘мышь’; *šćuk-a* к. 37 ‘щука’; *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’; *žab-a* к. 31 ‘лягушка’; *žab-a* к. 32 ‘жаба’.

Картографирование этих лексем показало, что они могут образовывать ареалы разных типов, среди которых выделяются следующие ареальные сценарии:

I. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения:

I.1. Лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в западнославянских, ср.:

žab-a к. 32 ‘жаба’: лексема имеет обширный ареал в восточно- и южнославянских (особенно в болгарских) диалектах и микроареалы в польских и словацких.

I.2. Лексема широко распространена в западно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал — в восточнославянских, ср.:

žab-a к. 31 ‘лягушка’: лексема имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских, тогда как в русских говорах ее ареал является дискретным, поскольку здесь более широкое распространение получила лексема *leg-uš-ьk-a*.

I.3. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских.

Ценность этого ареального сценария определяется тем, что именно на периферии современной Славии до сих пор хорошо сохраняются древнейшие праславянские лексемы, ср.:

//ež-ь к. 10 ‘ёж’: лексема имеет плотный ареал в южнославянских языках, а также в русских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в остальных восточно- и западнославянских языках ее ареал ограничен лексемами *//ež-ьk-ь* (в чешских диалектах), *//ež-ak-ь* (в украинских), *//ež-ik-ь* (в белорусских и частично в русских).

I.4. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских, ср. распространение лексемы *krьt-ь* к. 12 ‘крот’, которая равномерно покрывает всю территорию восточной Славии, но имеет ареальные ограничения в западно- и южнославянских диалектах. В западнославянских языках она имеет обширный ареал в диалектах польского и лужицких языков, тогда как в чешских диалектах ее ареал ограничен лексемами *krьt-ьk-ь* и *krьt-ic-a*, в словацких — лексемами *krьt-ic-a* и *krьt-ьč-ic-a*. В южнославянских диалектах, в частности, в сербских, хорватских, македонских и болгарских, ее вытесняют лексемы *krьt-ic-a* и *krьt-in-a*.

I.5. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации во всех славянских диалектах существуют территориальные ограничения, ср. распространение лексемы *myš-ь* к. 14 ‘мышь’, которая распространена во всех славянских диалектах, однако в польских и украинских она имеет разорванный ареал, так как ее активно теснит лексема *myš-a*, в македонских — островной ареал, так как он ограничен широко распространенной лексемой *gluš-ьc-ь*, а в болгарских — микроареал, так как здесь широко используются лексемы *myš-ьk-a* и *myš-ьk-ь*.

II. Лексема не имеет общеславянского распространения, однако она встречается в диалектах трех славянских языковых групп.

II.1. Лексема широко распространена в диалектах восточной и южной Славии, тогда как в западнославянских языках ареал ее является ограниченным, ср. локализацию лексемы *zvěr-ь* к. 1 ‘дикое животное, зверь’, которая имеет две грамматических формы — *m* и *f*, которые широко представлены в восточно- и южнославянских диалектах; в западнославянских языках форма *m* имеет довольно обширный ареал

в польских диалектах, однако ее активно теснят лексемы *zvěr-ę* и *zvěr-in-a*; а форма *zvěr-ъ* — в западно- и среднесловацких говорах.

II.2. Лексема широко распространена в южнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских. Этот ареальный сценарий представляет особый интерес в связи с тем, что именно южнославянские языки нередко являются средоточием праславянской архаики, ср. локализацию лексемы *glist-a* к. 36 'дождевой червь', которая имеет обширный ареал в южнославянских диалектах, кроме того, она отмечена в словацких, в чешских ганацких и в некоторых моравских говорах, в польских, в юго-западных украинских и в некоторых севернорусских (вологодских) говорах.

II.3. Лексема широко распространена в восточной Славии и имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских диалектах, ср. локализацию лексемы *ščuk-a* к. 37 'щука', которая широко распространена в восточнославянских, а также в словацких, словенских, хорватских, сербских и болгарских диалектах; небольшие островные ареалы отмечены в польских говорах Силезии и микроареалы — в кашубских (пп. 243, 245), лужицких (пп. 235, 237) и чешских моравских диалектах (пп. 200, 204).

II.4. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

čьv-ъ к. 36 'дождевой червь': лексема имеет разреженный ареал в русских, чешских, словенских диалектах, островные ареалы в македонских и болгарских диалектах и микроареалы — в украинских и хорватских;

žьn-a, žьn-j-a к. 20 'дятел': лексема имеет островные ареалы в хорватских, сербских и словенских диалектах и микроареалы — в польских, словацких и украинских говорах.

Повторяемость в локализации ареалов лексем, представленных в диалектах всех трех славянских языковых групп, а главное — их континуальность свидетельствуют о том, что эти ареалы сформировались еще в праславянский период. Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализуются в пространстве terra Slavia неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума. Если попытаться обобщить приведенные факты, то нельзя не заметить, что **самая высокая степень сохранности праславянских лексем, имеющих производные основы и индоевропейские соответствия, наблюдается в южнославянских диалектах**, особенно в словенских (ровтарских, доленских, приморских, штаерских, белоукраинских), хорватских (кайкавских) и сербских (шумадийско-воеводинских, восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских). **В западнославянских языках выделяется островной ареал в восточнословацких диалектах, а в восточнославянских языках — в украинских (полесских) диалектах.**

Думается, что изучение проблемы дифференциации славянских языков по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» обещает выявить новые

интересные данные в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского, поскольку ключ к решению данной проблемы дает лингвогеография с ее методом картографирования и рекартографирования, методом изоглосс и их ретроспективного анализа, позволяющего установить наиболее значимые межславянские языковые связи. Не случайно лингвогеографический метод исследования прочно вошел в арсенал этимологических разысканий, когда решение о диалектных отношениях праславянской эпохи во многом опирается на территориальное распределение этимологических связей и соответствий. Не могу в связи с этим не привести слова Л.В. Куркиной о том, что «путь к воссозданию диалектной карты праславянского языка лежит через исследование методом изоглосс древнейшего словарного состава отдельных славянских языков и диалектных групп» [Куркина 1992: 9].

Литература

Вопросник 1965 — Вопросник «Общеславянского лингвистического атласа» / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965.

Гриценко 2004 — *Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002* / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 2004. С. 86–101.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Жирмунский 1954 — *Жирмунский В. М.* О некоторых проблемах лингвистической географии // *Вопросы языкознания*. 1954. № 4. С. 3–25.

Ивић 1958 — *Ивић П.* Штокавски дијалекат. Нови Сад, 1958.

Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.

Макаев 1965 — *Макаев Э. А.* Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // *Вопросы языкознания* 1965, № 4. С. 3–19.

Степанов 1975 — *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. 1. М., 1997.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.

Шапошников 2010 — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)* / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Rejzek 2001 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Praha, 2001.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München, 1959.

T. I. Vendina

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

vendit@rambler.ru

**AREALOGICAL ANALYSIS
OF THE “SLAVIC LINGUISTIC ATLAS” LEXICON
(VOL. 1 “ANIMAL WORLD”)**

The paper deals with theoretical problems of linguistic geography. The author uses the vast material of “Slavic Linguistic Atlas” and speaks about its high interpretative possibilities in terms of mapped lexicon analysis. The paper gives the Slavic dialect description of the 1st volume of the Atlas “Animal World” taking into account topographic and linguistic criteria which are used to interpret linguistic maps and are aimed to find chrono-topo-isoglosses. The lexical isoglosses are interpreted in genetic, areal and typological aspects. The author tells what kind of new linguistic information the Atlas maps give to existing conception of the Slavic dialect landscape differentiation.

Keywords: “Slavic linguistic atlas”, comparative linguistics, dialectology, linguistic geography.

References

Bezljaj F. *Eimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.

Gricenko P. Ye. *Ob interpretacii lingvisticheskikh kart* [On Linguistic Map Interpretation]. *Obshchslavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya. 2001–2002* [Slavic Linguistic Atlas: Materials and Studies. 2001–2002]. Ed. V. V. Ivanov. Moscow, 2004. C. 86–101.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Vols. 1–42–. Eds. O. N. Trubachev etc. Moscow, 1974–2021–.

Etymologichnyy slovnyk ukrains'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nychuk. Vols. 1–6. Kyiv, 1982–2012.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vols. I–IV. 4th edition, stereotypic. Moscow, 2003.

Ivić P. *Štokavski dijalekat*. Novi Sad, 1958.

Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhno-slavyanskoy leksiki* [Dialect Structure of Proto-Slavic Language according to the South Slavic Lexicon]. Ljubljana, 1992.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.

Makayev E. A. *Problemy i metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija* [Problems and Methods of Comparative Linguistics]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1965. # 4. P. 3–19.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern — München, 1959.

Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Praha, 2001.

Shaposhnikov A. K. *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vols. 1–2. Moscow, 2010.

Stepanov Yu. S. *Metody i principy sovremennoy lingvistiki* [Methods and Principles of Modern Linguistics]. Moscow, 1975.

Tolstoy N. I. *Izbrannye trudy. Slavyanskaya leksikologiya i semasiologiya* [Selected Works. Slavic Lexicology and Semasiology]. Vol. 1. Moscow, 1997.

Voprosnik "Obshchoslavyanskogo lingvisticheskogo atlasa" ["Slavic Linguistic Atlas" Questionnaire]. Ed. R. I. Avanesov. Moscow, 1965.

Zhirmunskiy V. M. *O nekotorykh problemakh lingvisticheskoy geografii* [On Some Problems of Linguistic Geography]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1954. # 4. P. 3–25.

А. Ференчикова

*Институт языкознания Людовита Штура Словацкой академии наук
(Братислава, Словакия)
adriana.ferencikova@juls.savba.sk*

СЛОВАЦКИЕ ДИЛЕКТНЫЕ ПРЕДИКАТИВЫ *NAČIM, NAČIN И NADBE, NABE*¹

На базе полевых исследований, собранных по вопроснику для Атласа словацкого языка, на основе данных картотеки Словаря словацких говоров, также на материале опубликованных диалектных текстов в статье устанавливается территориальная распространенность словацких предикативов *načim, način, nadbe, nabe*, при этом отдельное внимание мы уделяем их функциональным характеристикам. Также мы учитываем специфику употребления предикатива *način (-m)* в словацких анклавных говорах Венгрии и Сербии. Модальное значение долженствования или необходимости, которое выражают лексемы *nadbe, nabe* представлено в сравнительно небольшом числе сел, образующих при этом микроареал в рамках восточной части южно-среднесловацкой диалектной зоны. По нашим предположениям, формы *nadbe, nabe* — также, как их русский эквивалент *надо* — восходят к праслав. форме **nadobě* (Д. п. ед. ч., П. п. ед. ч. от **nadoba*).

Ключевые слова: словацкие диалекты, лингвогеография, языковые ареалы, предикативные конструкции, генетическое родство.

Цель вопроса Sx 3108° в Вопроснике «Общеславянского лингвистического атласа»² (далее ОЛА) состояла в получении информации, какими лексико-семантическими средствами в славянских диалектах выражено значение необходимости либо долженствования делать/сделать определенное действие. Лингвисты при этом должны были установить, выражается данное значение в обследуемых диалектах при помощи сочетания соответствующей формы модального глагола с инфинитивом полнозначного глагола либо же посредством конструкции модальный предикатив + инфинитив полнозначного глагола, а также может ли использоваться наряду с инфинитивной иная эквивалентная синтаксическая конструкция. В этом должны были помочь иллюстративные примеры: *Это надо нужно сделать.* —

¹ Статья написана в рамках проекта VEGA 2/104/18 ‘Общеславянский языковой атлас как отражение естественного развития языка’.

² Вопросник ОЛА.

Mora se to uraditi || *Treba to da se uradi* || *Treba to uraditi*. — *Trzeba to zrobić* || *Musi się to zrobić*.

Ответы на вопросы, которые в Вопроснике обозначены индексом Sx перед непосредственно порядковым номером и знаком ° за ним, должны были быть получены только в селах, внесенных в редкую сеть населенных пунктов³, поэтому в словацкой картотеке ОЛА при ответах на вопрос Sx 3108° отсутствуют данные из пп. 208, 210–212, 214–215, 219, 222 и 226. Для оставшихся 20 обследованных сел, которые в ОЛА являются репрезентантами Словакии, а также для трех словацких сел в северной Венгрии (пп. 154–156) мы имеем следующие записи: 154 *Treba to spraviť*. — 155 *To načim spraviť*. — 156 *Toto treba zrobić*. — 209 *Treba to spraviť*. — 213 *Treba to urobiť*. || *Mosi: sa to urobiť*. — 216 *Treba to urobiť*. — 217 *Treba to urobiť*. — 218 *Treba to urobiť*. || *Misi: sa to urobiť*. — 220 *Treba to spraviť*. — 221 *Treba to spraviť*. — 223 *Treba to spraviť*. — 224 *Načín to spraviť*. — 225 *Treba to urobiť*. — 227 *Treba to zrobić*. || *Muši še to zrobić*. — 228 *Treba to zrobić*. — 229 *Treba to zrobić*. || *Muši še to zrobić*. — 230 *Treba to zrobić*. — 231 *Treba to zrobić*. — 232 *Treba to zrobić*. — 233 *To treba urobiť*. Употребление предикатива *načim* (-in) представлено в говорах, относящихся к южно-среднесловацкой подгруппе.

Материалы картотеки Атласа словацкого языка (далее ASJ), собранные в середине прошлого столетия при помощи сплошного обследования по вопроснику⁴ практически каждого села на компактной словацкой языковой территории, демонстрируют, что ареал предикатива *načim*, *načín* достаточно обширен — он включает в себя большую часть южно-среднесловацких говоров, часть северных среднесловацких говоров (верхнее Понитрие) и часть говоров северо-западнословацкой группы.

Отображение этих данных на карте «надо было (ждать)» показывает, что в сетке выбранных пунктов лексема *načim* в западной Словакии уступает позиции синониму *treba*⁵. Данная область на нашей карте дополнена штриховкой, маркирующей данные картотеки ASJ.

При обследовании по вопроснику фиксировалась только встречаемость лексемы *načim*, но не ее синтаксические функции. Данные, которые демонстрировали бы ее функционирование в конструкции с инфинитивом полнозначного глагола, мы брали из соответствующих диалектных текстов, находящихся в архиве Института языкознания им. Л. Штура, а также из опубликованных источников.

Примеры: *Ľebolo načín zaveľa čakati*. Турички LUČ (ASJ 205; OLA 224)⁶ — *Poton ňitku načín do ňi'eujňiz nat'jahnuť*. Доброч LUČ (202) — *Kravaj načím dojiťi*. Лешть МК (192↔200) — *Bolo ih načín len vipáckaťi*. Дворники KRU (189↔190) — *Vodu*

³ См. ОЛА 1994: 36.

⁴ Вопросник для исследования словацких говоров (1947) был нацелен на то, чтобы получить максимально полную картину территориальной дифференциации фонетических и морфологических явлений. Ареальные характеристики лексемы *načim* устанавливались на основании анализа территориальной дистрибуции форм *treba bolo*, *trebalo*, *tra bolo* (вопрос 448).

⁵ См. ASJ IV 1984: 393 (карты), 252 (комментарии)

⁶ Номер после названия населенного пункта (с сокращенным указанием района) соответствует номеру пункта в ASJ, знак ↔ указывает его положение между двумя соседними пунктами.

bolo načim prihataŕi. Человце МК (193↔194) — *Način len rukávi visúkad' a dat' sa do roboti*. Глиник над Гроном NB (166↔168) — *Način mu to dat'*. Житавце VRB (176) — *Bolo mu načim ta it'i*. Бановце над Бебравой BĀN (70↔137) — *Načim ci uš' isc*. Зарьчье РСН (79↔80) — *Ždi som plat'el do krankase a nič som ňedostal, ŕebo, chválabohu, som bol zdraví, nuž ňebolo mi načim* (получать поддержку). Фачков ŽIL (87).

Самая старая фиксация лексемы *načim* в словацком языке относится к северо-западнословацкому диалектному типу — в соответствующей статье в Историческом словаре словацкого языка приводится пример из района г. Тренчин, датированный 1587 г.: *rubaly sme prutie, drwa a czo naczin nam bolo* [HSSJ 2: 367]. Подтверждением того, что в прошлом лексема была знакома также носителям южной подгруппы западнорословацких говоров, может служить фиксация от 1652 г. из окрестностей Модры (19↔21) *ponewacz se obiraczka pryblissuge, giž nacžin bude sudy pobiat* (= *robíjať*) *a chistat* [HSSJ 2: 368].

Наряду с фонетическими вариантами *načín*, *načim*, при полевом обследовании для ASJ также были зафиксированы *načím*, *načín*⁷. В литературном языке этимологически прозрачную форму *načín* вытеснил вариант *načím*, характерный для говоров, где происходила замена *-n > -m* в конце слова [Králik 2015: 377]⁸. Синтаксический тип «модальное наречие *načín* (-*im*) + инфинитив полнозначного глагола» широко распространен в южно-среднесловацких говорах, а также стабильно появляется в речи жителей многих словацких сел на территории современных Венгрии и Сербии, чьи предки переселились туда с юга средней Словакии⁹.

⁷ Напр., *načim* Горна Стрегова МК, Требатице PIE, *načín* Долне Младонице KRU, Подолие NMV.

⁸ См. ASJ 1 1968: карта XIX, 5. Э. Йона отмечает, что в литературных текстах наречие появлялось главным образом у авторов, происходивших из данной диалектной области. Попытки объяснить его генезис через сращение предлога *na* с творительным падежом местоимения *čo* 'что', т. е. *čím*, Э. Йона отвергает как семантически необоснованные, сомневаясь, что вряд ли «может найтись иное объяснение, чем версия с формой **na-čín*» [Jóna 1938/1939: 226, 230, 231]. Ш. Пецяр возводит наречие *načim*, *načín* к существительному *načín*, указывая на тот факт, что во всех южнославянских языках данная лексема имеет в качестве основного значение 'способ, образ действия', однако «наибольшее богатство семантики с тонкими оттенками» она обнаруживает в хорватском и сербском языках. Говоря его словами: «Несомненно, значение 'долженствования' у сущ. *načín* развилось из значения 'возможности, образа действия, т. е. хорошего (правильного) образа действия', поскольку то, что является возможным, для чего имеется верный способ, правильная мера, то, что мы считаем хорошим и правильным, кажется нам 'должным'. Существительное *načín*, выражавшее 'необходимость, долженствование', потом легко в определенных синтаксических конструкциях могло стать наречием». Еще один путь возникновения наречия исследователь видит в субстантивации формы мужского рода прилагательного *načín*, -*a*, -*o* [Peciar 1941/1942: 197–199]. В. Махек [1957: 316] интерпретирует слово *načín* как лексикализованную предложную конструкцию *na čin*. Ср. также ЭССЯ 21: 228.

⁹ Наряду с анклавами словацкого этноса, которые представляют собой остатки исторически целостного заселения вдоль словацко-венгерской границы (пункты ОЛА 154–156), за пределами Словацкой Республики находятся многие села, где проживают потомки словацких колонистов, которые после ухода турок (1683 и 1697) последовательно заселяли обезлюдевшие земли в южной венгерской части габсбургской монархии (т. н. Нижняя земля).

В частности, Йозеф Штолц пишет, что в говорах южно-среднесловацкого типа в окрестностях Будапешта наречие *načim* последовательно используется в значении литературного *treba*. Это подтверждают фрагменты диалектных текстов, приведенные в его фундаментальной монографии, в качестве иллюстрации приведем здесь примеры: *načim dnuká iz* Эчер; *načim i zo dvoru* Эчер; *za huz načim platit'* Ирса; *aj tan robid' načim* Менде [Štolc 1940: 229, 257, 244, 289].

На тот факт, что для говоров среднесловацкого типа на территории Венгрии характерно выражение модальности при помощи предикатива *načín (-m)*, указывает также Павел Ондрус [1956: 147]. Наряду с примерами записей из Северной Венгрии он также приводит образцы речи словаков, проживающих в южной и юго-восточной Венгрии, напр.: *tel'ko bolo načín dávat', čo ňenačín aňi zakrivat'* Медьешдихаза CSANÁD; *skäde načim id' do Dome* Питварош BÉKÉS¹⁰.

В «Атласе словацких говоров в Венгрии» [Fügedi, Gregor, Király 1993] территориальное распределение модальных наречий *načim (-n)* и *treba* демонстрируется в рамках сетки, состоящей из 48 населенных пунктов¹¹. Указано, что в говорах восточнословацкого типа употребляется лишь слово *treba*, в говорах среднесловацкого типа — лексема *načim (-n)*, а в говорах западнословацкого типа используются оба эти наречия; кроме того, в комментарии отмечено, что во многих обследованных пунктах значение долженствование вида «(с)делать что-то» чаще выражается при помощи модального глагола *musiet'*.

Результаты обследования, проведенного Й. Штолцем (1968)¹² в ряде словацких сел на территории Сербии, также подтверждают, что в синтаксической системе говоров южно-среднесловацкого происхождения модальный предикатив *načim (-n)* широко распространен. К примеру, в записях диалектных нарративов из сел Петровец, Гложани, Кулпин, Арадач, Стара Пазова лексема *načim*, *načín* на 34 страницах текста встречается 14 раз, в то время как ее синоним *treba* там же не появляется ни разу¹³.

Напротив, в говоре западнословацкого типа, к которому относится идиом с. Пивница, Д. Дудок¹⁴ фиксирует лишь фразы с предикативом *treba*; в частности, в сообщениях о действии в прошлом употребляется форма *trebalo*¹⁵. Он показывает, что говор данного села генетически восходит к южнотренчьянским и поважским говорам. Исходная область, откуда велось переселение, приведенная в монографии данного автора на карте в приложении, коррелирует с территорией, которую в ASJ покрывают пункты 56–61, 63–65. В данной области расположены в т. ч. села, где параллельное употребление модальных наречий *načín (-m)* и *treba*

¹⁰ Чанад и Бекеш являются названиями жупаний.

¹¹ Карту № 174 «нужно» подготовил П. Кирай, автором комментария является Ф. Грегор (с. 66).

¹² J. Štolc «Reč Slovákov v Juhoslávii». Bratislava 1968.

¹³ Štolc 1968: 234–268. См. также с. 192.

¹⁴ Dudok 1972.

¹⁵ Форма *trebalo* возникла в результате контракции *treba + bolo*.

было зафиксировано при обследовании по вопроснику для ASJ, в нашем приложении они обозначены на карте штриховкой.

Подтверждение того, что в говоре с. Пивница наречие *načim* также сохранилось до наших дней, мы находим в следующем тексте: „*Hádam žena kúpi do domu, čo načim do domácnosti. Treba jest', treba sa oblést', treba sa oblékat', žena musí to robiť*“ [Štolc 1968: 274]. При этом *načim* и *treba* в приведенном отрывке выполняют функцию предиката в разных конструкциях — *načim* управляет винительным падежом существительного (местоимения), а *treba* подчиняет инфинитив полнозначного глагола.

Распространение ареала модального наречия *načín* со словацкой языковой территории в приграничный моравский говор отмечает Ф. Бартош. В «Диалектном словаре моравском» (1906) он ее, еще в составе предложной конструкции, приводит в статье «čín»¹⁶ — ср.: *Je mi to na čín* = мне (это) необходимо. *Tak ti na čín!* = так хорошо — и далее в отдельной словарной статье со следующими фразовыми примерами: *Nebylo ti toho načín.* — *Budu tvoja, ale ne včil', až ně bude muža načín*¹⁷. В современных исследованиях восточноморавских говоров модальный предикатив *načín* не упоминается¹⁸, в картотеке словаря чешских говоров примеры употребления данного наречия взяты из словаря Бартоша¹⁹.

Впрочем, лексема *načín* (-m) во всем ареале своего распространения также может управлять существительным/местоимением как в односоставных, так и в двусоставных предложениях, напр.: *To tu načím.* Местечко PCH (79↔80) — *Vieš, čo k tomu načín?* Мартин над Житавой ZM (172↔173) — *To bude načím.* Каньянка PDZ (135↔142) — *Načín bi bolo lepších čias.* Печенице LVI (184↔185) — *Musej son teľa predať, keď mi bolo načín peňiaze.* Терани KRU (188↔189) — *Ešte nám bude tento ku stuški načín.* Навойовце TOP (137↔138) — *Tu ňenačím druhá reľas.* Завада МК (199↔203) — *A či tode znáňke bole načín?* Оздин LUČ (205↔206) — *Této (vajcia) sa (= sú) mi načín, této ňi.* Зелене LUČ.

Для более глубокого понимания распространенности данных конструкций необходимо располагать расширенным корпусом текстов, причем следует четко определять падеж существительного, образующего с предикативом единую синтагму, а также учитывать, есть ли во фразе глагол-связка и в какой форме он стоит²⁰.

¹⁶ См. также Bartoš 1886: 204 — ср. *Je to na čín* = мне (это) необходимо. *Tak ti na čín!* = так хорошо.

¹⁷ Bartoš 1906: 49, 215. См. также статью «potos» (с. 320), где приводятся записи из приграничного села Страни, которое от словацкого села Моравске Льескове (ASJ пункт 60) отделяет лишь государственная граница. Последний пример взят из народной песни.

¹⁸ Ср. Michálková 1971: 40–41; также ср. Chloupek 1971 и Šipková 1993: 50.

¹⁹ За любезно предоставленную информацию благодарю доктора Мартину Иреинову.

²⁰ Данной проблематике было уделено особое внимание при подготовке Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) — см. Программа собирания сведений, вопрос № 124; ДАРЯ 3 Комментарии к картам: 18.

Даже в тех средне- и западнословацких говорах, где предикатив *način* (-m) в конструкциях с инфинитивом вытесняется или уже вытеснен синонимичным *treba*, данное наречие продолжает употребляться в фразеологизированных высказываниях вида *tak mi načim* ‘ему и так хорошо’ (выражение злорадства); *bolo mi to načim?* о человеке, который сам виновен в своих неудачах.

Примеры: *Tag mi načim, keď je takí hlaváň hlavatí*. Ешкова Вес PDZ — *Tak ci načim, nebulo sa tam treba*. Гуорка РСН — *Tak ci način, nemav si tam ícit*. Шипкове РІЕ — *Bolo mi to načim, takto sa dokatovaťi?* Турье Поле МК.

Фразеологизмы с наречием *način* в районе г. Приевидза и Нова Баня могут выражать высокую/исключительную либо необходимую интенсивность действия. Ср., напр.: *Napöu sa, ag način*. Приевидза ‘напился сверх всякой меры’; *Tag ho zd'eríem, pangharta, len tomu način*. Приевидза ‘я его как следует побью’ — *Tak sa zvřtau, len tomu način*. Приевидза ‘с большим воодушевлением, изо всех сил’; *višivaná ha'ena, ak tomu način*. Полувсие PDZ ‘такая, как следует, как полагает’; *Zahrbau son krumplou do toho popola a upjekli sa, ak tomu način*. Тековска Брезница NB ‘очень хорошо’.

В масштабе славянской языковой территории ареал модального наречия *način* (-m) крайне невелик, однако в сравнении с ним ареал синонимичного ему *nadbe, nabe*, с которым оно граничит на востоке почти в десять раз меньше. Данная лексема с модальным значением необходимости/долженствования характерна лишь для говоров юго-западного Гемера²¹. В ASJ 4 область его распространения представлена пунктами 208–210, 212, 215–216. На нашей карте территориальная распространенность лексемы приводится как на основе данных, полученных при помощи сплошного обследования по вопроснику в каждом селе, так и на базе обширной антологии гемерских диалектных текстов²². В общеславянском масштабе этот ареал столь невелик, что не нашел отражение ни в одном пункте сетки ОЛА — собственно, он расположен между пунктами 224 и 225²³. Несмотря на минимальный размер области и на тот факт, что с севера и востока она граничит с компактным ареалом распространения предикатива *treba*, а с запада — с ареалом предикатива *načim*²⁴, которые в т. ч. кодифицированы в качестве литературных, лексема занимает прочное место в системе средств, выражающих данное значение в гемерских говорах.

Примеры конструкции *nadbe* + инфинитив²⁵: *Potom ih (nite) nadbe do ni'eu'niž_a do brda naberáč*. Брадно — *Ñebolo nadbe pána pošjetati het*. Кокава над Римавай. — *Aj svječići bolo nadbe, aj m'leči bulo nadbe*. Римавска Баня — *Mñe ñenadbe dávatí*.

²¹ Речь идет о части района г. Римавска Собота (RS).

²² См. Tóbič 2018.

²³ В ОЛА пункт 224 (Турички) является репрезентантом восточно-новоградских говоров, пункт 225 (Сирк) представляет говоры среднего Гемера.

²⁴ На юге ареал лексемы *nadbe* граничит с венгерской языковой территорией.

²⁵ За исключением примера из с. Шпанье Поле, приводимые примеры относятся к говору сел района г. Римавска Собота.

Римавска Легота — *Tin ňebolo ňigda nadbe rosказovatĭ*. Вишни Скалник — *Nadbe pohámi pritĭskatĭ*. Мале Терьяковце — *A kodeže to (Гan) nadbe tĭhatĭ?* Черенчани — *Na polĭ robiĭči nadbe* Вишна Покорадз; *nabe* + инфинитив: *Mi ho (drevo) porĭbaž_nabe*. Бабинец — *Aj žatvĭĕren nabe odŋĕž_obet*. Луковиштĕя — *Tášike ňenabe viberáč*. Луковиштĕя — *Nabe nám xlapó na koseŋĭje voláč*. Липовец — *Bulo nabe aj tam plaĭĭč*. Липовец — *Tu nabe zapálic svĭĕšku*. Стриежовце — *Nabe si tan rozum namušic!* Остриани — *Do kotlă nabe uheĭ kláš*. Будиковани — *Šĭed nabe kosiĭ košerini, uš se dobre zelenĕju* Гостишовце — *A ši aj ván nabe mláčic?* Тепли Врх — *Nabe mi najtro do Soboti iĭ*. Шпанье Поле REV.

Примеры употребления *nadbe, nabe* + винительный падеж: *Đĭĕuka tu bĭva z dĕtma, tag_in aj groše nadbe*. Черенчани — *Nadbe mi novĭ kabát*. Коцига — *Ved in inšie ňenadbe*. Понделок — *To starimu ňinadbe*. Римавске Залужани — *Tag mali šitko, šĭo in bolo nabe*. Стрьежовце — *Ko to fšĭa nabe peŋaze*. Грушово RS — *Dreva nabe do né (do ресе) dvacăž metró*. Слиске — *Sopan ('мыло') mi teráz ňenabe*. Ровне.

Примеры употребления *nadbe, nabe* + именительный падеж: *Tu rextor nenabe* Будиковани RS — *Kin deĭci zo školi vinišli, bulo nabe opatera*. Тепли Врх — *Rĭĕkó mi, ež mi operácĭja nabe*. Остриани — *Aŋi sol' mu ňebola nadbe*. Сушаны — *Aj kočĭšen bole nadbe takĭje d'eske*. Коцига — *To in boĭ nadbe vel'ki nákladok*. Мале Терьяковце — *Zato be dĭež boĭ nadbe!* Горне Загорани — *Dakodi bĭrdá nebuli nabe ani darne*. Дръенчани.

Учитывая сравнительно высокую частотность конструкции *nadbe, nabe* + номинатив, примеры конструкции *nadbe, nabe* + аккузатив с глаголом в форме настоящего времени / с существительным или местоимением среднего рода даже в диахроническом аспекте носит дискуссионный характер и должны быть верифицированы на достаточно обширном фактическом материале, где бы предикатив сочетался с существительным женского рода либо с одушевленным мужского.

Впрочем, и в этой области в диалектные тексты проникают ареально наиболее частотный литературный синоним *treba* — ср. напр. *Iba vel'je nadbe xodĭti*. // *Tin už ňebud'e treba jestĭ* Римавске Врбовце; *Opravujú todi stroj, ko je uš treba, ko je už nabe* Остриани — в проанализированном корпусе диалектных текстов частотность лексемы *nadbe, nabe* во много раз выше. Можно утверждать, что *treba* появляется в них достаточно редко.

Убедительные доказательства жизнеспособности выражения *nadbe, nabe* можно найти в работе «Говор села Черенчани или радость от изучения этого говора», изданной в 2021 г., где в диалектных записях лексема *treba* вообще не фиксируется.²⁶ Из них для иллюстрации приведем следующие примеры: *Pri roboťe nadbe aj hlavou pohnúti*. — *Na zimu pre statog vel'je kĭrmu nadbe*. — *Už muože dĭeš padati, ved aj na kukuriz_a repu nadbe*. — *Tag mu nadbe, kod je hamĭžni*. — *Tag naš son jej sen xodĕu, ši mĕ to nadbe?*

²⁶ Bardi 2021: 54–56. Автором является местный житель, не имеющий филологического образования.

В письменных источниках наречие *nadbe*, *nabe* не зафиксировано; нет его и в HSSJ 2. В печатных текстах лексема начинает появляться лишь во второй половине 19 века в опубликованных фольклорных прозаических текстах, записанных собирателями, а также в трудах П. Добшинского, составителя трех томов 'Простонародных словацких повестей', также в статьях о легендах, поверьях, народных обычаях и детских играх. Из данных текстов приведем следующий пример: *A nadbe vám vedieť, že aj pán farár bol na jedno (oko) slepý a na druhé nevidel.*

В конце 19 в. в словацкой культурной среде принято было подчеркивать особенности словацкого языка на фоне других славянских, а также считалось, что необходимо сближать литературный язык и народную речь. Отражением данных тенденций стала кодификация литературного языка, предпринятая С. Цамбелом на основе т. н. мартинского узуса. С. Цамбел в своей кодификации под названием «Руководство по словацкому литературному языку», наряду с наиболее частотным *treba*, указывает также гемерское слово *nadbe*, а также территориально достаточно распространенное *načim* (лишь в словарной части, оба без комментариев)²⁷.

В художественной литературе слово *nadbe* в качестве средства, характеризующего речь персонажей из простого народа, появлялось у авторов, которые исходно употребляли его в своем родном диалектном идиоме. Издательство в Мартине его иногда заменяло его русизмом *nádobno*.

В «Словаре словацкого языка» (т. 2) слово *nadbe* уже квалифицируется как диалектизм, равно как и *nádobno*²⁸. В случае с *nádobno* это, впрочем, не соответствует действительности, поскольку — как мы уже отмечали выше — речь именно о редакторской правке. Из словацкой диалектной лексики в словаре представлено лишь прилагательное *nádobný* в значении 'красивый, симпатичный; очень хороший, приятный' и наречие *nádobne* в значении 'очень красиво; очень хорошо, приятно'²⁹.

ESSJ о словацких диалектных выражениях *nadbe*, *nabe* не упоминает³⁰. В. Махек ошибочно полагает, что «словац. *nadbe*, *nadbä*, *nábe* (нужно, необходимо), восходит к *nádobno*, которое представляет собой русизм»³¹. Мы не склонны полагать, что русское *надо* равно как его словацкие диалектные корреляты *nadbe* и *nabe* восходят к старославянской форме *nadobъ* — точнее, к Д. п. ед. ч. от слова *nadoba*³². В то время как русское *надо* произошло от слова *надобъ* в результате утраты его конечного слога, словацкое *nadbe* могло возникнуть из формы *nadobe* (<**nadobъ*), где во втором слоге был утрачен гласный *o*, после чего имело место упрощение консонантной группы *-db-* > *-b-*, в результате чего, по всей вероятности, возникла форма *nabe*. Хотя по отношению ко всей славянской языковой

²⁷ См. Blanár, Jóna, Ružička 1974: 198–189; Czambel 1919: 207, 286, 313.

²⁸ SSSJ 2: 222. Оба слова вынесены в заглавие словарной статьи.

²⁹ См. SSN 2: 256.

³⁰ См. ЭССЯ 22: 9–10.

³¹ См. Machek 1957: 316; статья *nádoba*.

³² Об этимологии русского *надо* см. Фасмер: 38.

территории ареал их распространения крайне невелик, они могут быть генетически связаны с рус. диал. *на́добе*, староукр. *надобѣ*, *надобе*, *надоби* и старобелорус. *надобе*, все лексемы в значении ‘надо, нужно’³³.

Слова, которые характерны для говоров лишь одного славянского языка и при этом за границы конкретной языковой территории не выходят, Т. И. Вендина³⁴ называет эксклюзивными лексемами. Таковыми, несомненно, являются словацкие диалектные предикативы *načín*, *načím* и *nadbe*, *nabe*.

Сокращения административных центров

BÁN — Бановце над Бебравой, BB — Банска Бистрица, KRU — Крупина, LUČ — Лученец, LVI — Левице, MK — Модри Камень, NB — Нова Баня, PDZ — Приевидза, PCH — Пухов, PIE — Пьештяны, REV — Ревуца, RS — Римваска Соброта, TOP — Топольчаны, VRB — Врабле, ZM — Злате Моравце, ŽIL — Жилина.

Литература и источники

Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М. — СПб., 2014.

Вопросник ОЛА — Вопросник «Общеславянского лингвистического атласа» / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Выпуск III. М., 1996.

ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы, справочные материалы. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва, 1994.

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Москва, 1946.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Том III. Москва, 1971.

ЭССЯ (ESSJ) — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 21–22. Москва, 1994–1995.

ASJ 1 — Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá. Mapy. Časť druhá. Úvod — Komentáre — Materiály. Bratislava, 1968.

ASJ 4 — Atlas slovenského jazyka IV. Lexika. Časť prvá. Mapy. Časť druhá. Úvod — Komentáre — Dotazník–Indexy. Bratislava, 1984.

Bárdi 2021 — *Bárdi M.* Nárečie v obci Čerenčany alebo Radosť z poznania tohto nárečia. Čerenčany, 2021.

Bartoš F. Dialektologie moravská. První díl. Nářečí slovenské, dolské, valašské a lašské. Brno, 1886.

Bartoš 1906 — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.

³³ См. ESSJ 22: 10; там приведен также список источников.

³⁴ См. Вендина 2014: 255.

- Blanár, Jóna, Ružička 1974 — *Blanár V., Jóna E., Ružička J.* Dejiny spisovnej slovenčiny II. Bratislava, 1974.
- Czambel 1919 — *Czambel S.* Rukoväť spisovnej reči slovenskej. 3. vyd. Turčiansky Sv. Martin, 1919.
- Dotazník pre výskum slovenských nárečí (Atlas slovenského jazyka) / Zostavili E. Pauliny a J. Štolc. Bratislava, 1947.
- Dudok 1972 — *Dudok D.* Nárečie Pivnice v Báčke. Martin, 1972.
- Fügedi, Gregor, Király 1993 — *Fügedi E., Gregor F., Király P.* Atlas slovenských nárečí v Maďarsku / Atlas der slowakischen Mundarten in Ungarn. Budapest, 1993.
- HSSJ 2 — Historický slovník slovenského jazyka. II. K — N / Ed. M. Majtán. Bratislava, 1992.
- Chloupek 1971 — *Chloupek J.* Aspekty dialektu. Brno, 1971.
- Jóna 1938/1939 — *Jóna E.* Treba a načim // Slovenská reč. 1938/1939. Roč. 7. S. 229–233.
- Jóna E.* Novohradské nárečia. Bratislava, 2009.
- Kálal K., Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.
- Králik 2015 — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- Matejčík J.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin, 1975.
- Michálková 1971 — *Michálková V.* Studie o východomoravské nářeční větě. Praha, 1971.
- Ondrus 1956 — *Ondrus P.* Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike. Bratislava, 1956.
- Orlovský J.* Gemerský nářečový slovník. Martin, 1982.
- Peciar 1941/1942 — *Peciar Š.* K etymologii slovenského *načim* — *način* // Slovenská reč. 1941/1942. Roč. 9, č. 7. S. 196–202.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. II. diel. / Ved. red. Š. Peciar. Bratislava, 1960.
- SSN — Slovník slovenských nárečí. II / Ved. red. I. Ripka. Bratislava, 2006.
- Šipková 1993 — *Šipková M.* Stavba vety v mluvených projevoch (Syntax hanáckých nárečí). Jinočany, 1993.
- Štolc J.* Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949.
- Štolc 1968 — *Štolc J.* Reč Slovákov v Juhoslávii. Bratislava, 1968.
- Tóvik 2018 — *Tóvik Š.* Gemerské nárečia I. Časť druhá. Gemerská nářečová čítanka. Prešov, 2018.

A. Ferenciková

L'. Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences

(Bratislava, Slovakia)

adriana.ferencikova@juls.savba.sk

SLOVAK DIALECT PREDICATIVES NAČIM, NAČIN AND NADBE, NABE

On the basis of data obtained through questionnaire field research for the *Atlas slovenského jazyka* (Atlas of the Slovak Language), as well as examples from the card file for the *Slovník slovenských nářečí* (Dictionary of the Slovak Dialects) and dialect texts, the article defines the territorial occurrence of the Slovak predicatives *načim*, *način*, *nadbe*, *nabe* [it needs] and describes their functions. Attention is also paid to the occurrence of the predicative *način* (-m) in the dialects of the Slovak enclaves in Hungary and Serbia. The modal meaning of necessity or inevitability is expressed by the lexemes *nadbe*, *nabe* in the dialects of a small number of municipalities, forming a micro-area within the eastern part of the South-Central Slovak dialect region. We assume that the forms *nadbe*, *nabe* — as well as their Russian equivalent *надо* — originate in Proto-Slavic form **nadobě* (which is the Dsg and Lsg of **nadoba*).

Keywords: Slovak dialects, linguistic geography, dialect areas, predicative constructions, genetic relatedness.

References

Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus. Časť prvá. Mapy. Časť druhá. Úvod — Komentáre — Materiály. Bratislava, 1968.

Atlas slovenského jazyka IV. Lexika. Časť prvá. Mapy. Časť druhá. Úvod — Komentáre — Dotazník– Indexy. Bratislava, 1984.

Bárdi M. *Nárečie v obci Čerenčany alebo Radosť z poznania tohto nárečia.* Čerenčany, 2021.

Bartoš F. *Dialektologie moravská. První díl. Nářečí slovenské, dolské, valašské a lašské.* Brno, 1886.

Bartoš F. *Dialektický slovník moravský.* Praha, 1906.

Blanár V., Jóna E., Ružička J. *Dejiny spisovnej slovenčiny II.* Bratislava, 1974.

Chloupek J. *Aspekty dialektu.* Brno, 1971.

Czambel S. *Rukoväť spisovnej reči slovenskej.* 3 vyd. Turčiansky Sv. Martin, 1919.

Dialektologicheskij atlas ruskogo yazyka. Centr Yevropeyskoy chasti Rosii [Dialect Atlas of the Russian Language. Centre of the European Russia]. Vol. III. Moscow, 1996.

Dotazník pre výskum slovenských nářečí (Atlas slovenského jazyka). Zostavili E. Pauliny a J. Štolc. Bratislava, 1947.

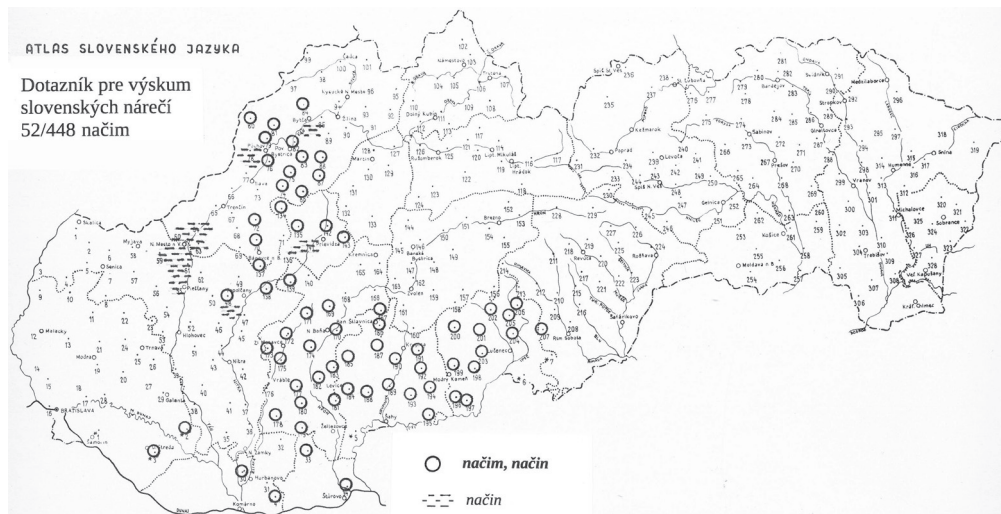
Dudok D. *Nárečie Pivnice v Báčke.* Martin, 1972.

Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Vols. 21–22–. Ed. O. N. Trubachev. Moscow, 1994–1995.

- Fügedi E., Gregor F., Király P. *Atlas slovenských nářečí v Maďarsku. Atlas der slowakischen Mundarten in Ungarn*. Budapest, 1993.
- Historický slovník slovenského jazyka*. II. K — N. Red. M. Majtán. Bratislava, 1992.
- Fasmer M. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vol. III. Moscow, 1971.
- Jóna E. *Treba a načim*. *Slovenská reč*. 1938/1939. Roč. 7. S. 229–233.
- Jóna E. *Novohradské nárečia*. Bratislava, 2009.
- Kálal K., Kálal M. *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*. Banská Bystrica, 1923.
- Králik Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.
- Matejčík J. *Lexika Novohradu*. Vecný slovník. Martin, 1975.
- Micháľková V. *Studie o východomoravské nářeční větě*. Praha, 1971.
- Obshchесlavjanskij lingvističeskij atlas. Vstupitel'nyy vypusk. Obshchiye printsipy. spravochnye materialy* [Slavic Linguistic Atlas. Opening Volume. General Principles. References]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 1994.
- Ondrus P. *Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike*. Bratislava, 1956.
- Orlovský J. *Gemerský nářečový slovník*. Martin, 1982.
- Peciar Š. *K etymologii slovenského načim — načín*. *Slovenská reč*. 1941/1942. Roč. 9, č. 7. S. 196–202.
- Programma sobiraniya svedeniy dlya sostavleniya dialektologičeskogo atlasa ruskogo jazyka* [Program of Data Collection for the Dialect Atlas of the Russian Language]. Moscow, 1946.
- Slovník slovenského jazyka*. II. diel. Ved. red. Š. Peciar. Bratislava, 1960.
- Slovník slovenských nářečí*. II. Ved. red. I. Ripka. Bratislava, 2006.
- Šipková M. *Stavba věty v mluvených projevech (Syntax hanáckých nářečí)*. Jinočany, 1993.
- Štolc J. *Nářečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku*. Bratislava, 1949.
- Štolc J. *Reč Slovákov v Juhoslávii*. Bratislava, 1968.
- Tóbbik Š. *Gemerské nárečia I. Časť druhá. Gemerská nářečová čítanka*. Prešov, 2018.
- Vendina T. I. *Tipologiya leksičeskikh arealov Slavii* [Typology of Slavia Lexical Areas]. Moscow — Saint Petersburg, 2014.
- Voprosnik "Obshchесlavjanskogo lingvističeskogo atlasa"* ["Slavic Linguistic Atlas" Questionnaire]. Ed. R. I. Avanesov. M., 1965.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

Карта № 1

Карта № 2

▲ *nadbe* △ *nabe* ◌ OLA 224 ◌ OLA 225

В. П. Русак

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы

НАН Беларуси

(Минск, Беларусь)

nanb_vp_rusak@tut.by

**ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ БЕЛОРУССКОГО АКАНЬЯ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫПУСКА «РЕФЛЕКСЫ *А»
«ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА»**

В статье на основе исследования рефлексов праславянского *а в разных типологически значимых позициях в слове рассмотрены ареально-лингвистические закономерности белорусского аканья в контексте славянского диалектного континуума. Соотнесены основные научные гипотезы явления аканья в лингвистике. Установлена связь рефлексов *а с исходным качеством гласного, а также с ударной/безударной позицией в слове. Выявлена ареальная репрезентация рефлексов *а (в начале слова; после согласных палатальных, твердых, палатализованных; в открытом слове и в новом закрытом; в конце слова). Отражена реальная дифференциация славянских диалектов и динамика этой дифференциации на картах выпуска.

Ключевые слова: ареальное исследование, «Общеславянский лингвистический атлас», белорусское аканье, славянские языки/диалекты.

Самой яркой и характерной особенностью современного белорусского языка считается фонетическое явление «аканье», которое широко распространено как в живых народных говорах, так и в литературном устном и письменном языке. Считается, что в современном литературном языке гласный [а] является самым частотным — на каждые 100 произнесенных звуков обычно приходится в среднем 18 [а]. При образовании звука нижняя челюсть опущена, а язык незначительно поднимается в направлении к средне-задней части нёба. Губы при этом занимают нейтральное положение. Кончик языка оттянут от нижних зубов внутрь ротовой полости. Таким образом, в современном белорусском литературном языке звук [а] характеризуется как гласный нижнего подъема, средне-заднего ряда, неогубленный. В положении после мягкого согласного, а особенно между мягкими согласными, звук [а] сдвигается несколько вперед [Кривіцкі, Падлужны 1984: 22–23].

Сущность этого фонетического явления давно привлекает интерес самого широкого круга исследователей. В современной лингвистике данный термин

употребляется в двух значениях. Под аканьем в широком смысле слова понимается нейтрализация гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах и звуках, «качество которых может зависеть от позиционных условий как после твердых, так и после мягких согласных: *вада́, трава́, в'асна́, п'ата́*. В этом значении «аканье» противопоставляется «оканью», при котором наблюдается отличие гласных фонем неверхнего подъема: *вода́, трава́; с'естра́, уз'ала́*» [Нарысы 1964: 42]. В узком — «аканьем называют чередование в произношении ударных гласных [о], [е] после твердых согласных с безударным гласным [а], когда с них сходит ударение: [*но́ги — нага́*], [*кол — калы́*], [*дрéмл'е — драмл'у́*], [*цéгла — цагл'аны́*]» [Фанетька 1989: 319]. Такое совпадение гласных наблюдается как в предударных, так и в заударных слогах: *балóта, хóлад, лiтара, крáтар*. Наряду с аканьем в таком значении отмечаются и различные типы яканья — неразличение гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после парных мягких согласных. В этом смысле термин «аканье» противопоставляется «яканью» и «еканью», это значит разным видам неразличения гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных: [*з'амл'а́, в'азáц'у́; з'емл'а́, в'езáц'у́*]. Таким образом, первый предударный слог после твердых/мягких согласных является наиболее характерным при определении различных типов акающего/якающего вокализма.

Абсолютному большинству белорусских говоров характерно аканье. Так, соответственно данным лингвогеографии, оно распространено на территории Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской, северной части Брестской и восточной части Гомельской областей [ДАБМ; ЛГ]. И только на юге Беларуси (территория южной части Брестской области и восточной части Гомельской области) функционируют окающие говоры. Они занимают территорию от западной границы Беларуси до Мозыря на востоке. Северный рубеж оканья проходит выше Пружан и Березы, ниже Ивацевичей, Ганцевичей, Старобина — на Петриков, Ельск, ниже Наровли, вниз по Припяти до границы с Украиной, на самом юге частично заходит за Припять [Нарысы 1964: 46].

Первая группа говоров составляет основной тип белорусского диалектного произношения по совокупности общих фонетических особенностей, характерных для объединения территориально родственных диалектов, хотя и существенно отличающихся между собой. В составе основного типа устной речи выделяются северо-восточное, юго-западное, среднебелорусское (переходное) произношение, связанное рядом общих черт с литературным произношением. Вторая, полесская группа говоров, которая противопоставляется основному массиву белорусского диалектного языка, представляет западнополесское произношение, которое в этом отношении можно считать периферийным.

Белорусское аканье часто оказывалось в центре исследований ученых как в качестве самостоятельного, так и сравнительного материала [Карский 2006; Вайтовіч 1968; Касаткин 2013]. Наиболее детально аканье описано в книге Н. Т. Войтович, в которой подробно рассмотрены типы аканья на всей белорусской территории. Автор, придерживаясь редукционной гипотезы Р. И. Аванесова о возникновении аканья, опирающейся на диалектологические материалы, считает, что фонетическое

явление распространялось на Беларуси с востока, и первоначально было диссимилиативным. Продвигаясь далее на запад в районы окающих говоров, аканье видоизменялось, превратившись в полное. В подтверждение приводятся доводы о периферийном положении диссимилиативного белорусского аканья в отношении к общему массиву восточнославянского аканья, существование окающе/акающих говоров, а также наличие неполного аканья на границе недиссимилиативного. На позднее происхождение недиссимилиативного аканья указывает также тот факт, что «на стыке аканья и диссимилиативного аканья недиссимилиативное аканье могло развиваться под воздействием акающего вокализма соседних говоров и по причине этнографического смешения окающего и акающего населения» [Вайтовіч 1968: 202].

Проблема происхождения аканья в восточнославянских языках сложная и до этого времени не решенная не только в славистике, но и в лингвистической науке вообще. До настоящего времени многочисленные монографии, сборники, статьи, опубликованные на разных языках, посвященные раскрытию различных аспектов фонетического явления аканья, тем не менее не приблизили его к однозначному решению [Георгиев 1968; Жилко 1963; Ивич 1969; Риглер 1964; Трубецкой 1987]. Установление хронологии аканья, больше чем иного другого явления в исторической фонологии, остается очень спорной темой. Решенным является то, что возникло оно как результат ослабления гласных в безударных слогах, как результат редукции безударных гласных, но вопрос о том, чем была вызвана редукция, остается [Шахматов 2002; Аванесов 1952].

Новое обращение к территориальной стратификации праславянского языкового явления аканья актуализировал подготовленный к изданию фонетико-грамматический том «Рефлексы *а» в славянских языках. Выпуск основан на материале ответов на вопросы, которые сгруппированы в вопроснике ОЛА под рубриками 1 и 2 [Вопросник ОЛА: 23]. Для более широкого представления фонетического явления аканья в содержание тома включены отдельные материалы выпусков фонетико-грамматической серии, которые были напечатаны в предыдущие годы. Лингвогеографическое описание проблемы аканья впервые рассматривается на материале славянских диалектов, собранных по единой программе в 853-х населенных пунктах, размещенных во всех славянских странах и в приграничных с ними территориях. Выпуск ориентирован на показ славянских диалектных различий, которые были связаны с рефлексацией праславянского гласного *а, чьи континуанты могли менять фонологический статус исходного элемента и имели достаточно широкую репрезентацию на всей славянской территории. Неравномерность развития диалектных систем, умноженная на исключительное разнообразие праславянских континуантов, представленных на картах, позволяет установить последовательность разных стадий исторической эволюции праславянской фонемы *а.

Материалы 48 лингвистических карт тома Атласа позволяют в деталях выявить весь спектр рефлексов праславянского гласного *а во всех диалектных разновидностях, показать суть изменений в рефлексации по различным славянским

диалектам, уточнить, в каких моментах его рефлексация являлась наименее позиционно обусловленной. Особенности рефлексации гласного *а связаны с такими явлениями славянской фонетики, которые определяют формирование и динамику фонетических систем отдельных славянских языков/диалектов. Прежде всего за формирование и состав системы вокализма разных говоров, особенно безударного, проблема возникновения аканья, механизм соответствующих языковых изменений и т. д.

Освещение проблемы дифференциации славянских языков с позиции белорусских диалектов позволяет по-новому посмотреть на факты истории фонетических систем славянских диалектов и в связи с формированием такого явления как аканье, установить последовательность различных стадий исторической эволюции фонемы *а, внести коррективы в представления об общих закономерностях развития славянского вокализма и представить соответствующую диалектную дифференциацию лингвистического ландшафта современной Славии.

Современный эвристический метод картографирования языкового материала *Общеславянского лингвистического атласа*, с помощью которого проводится не просто сопоставление исследуемых явлений, но их систематизация и стратификация «на огромном пространстве terra Slavia придает картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений» [Вендина 2009: 11]. Лингвогеографическая интерпретация рефлексации праславянского гласного *а на всей славянской территории позволяет уточнить содержание изоглосс, которые традиционно приписываются отдельным ареальным языковым фрагментам. Это может касаться как диахронического, так и структурно-типологического значения изоглосс. Картографирование явления аканья, которое отражает рефлексацию праславянской фонемы *а в конкретных словоформах в том виде, как это представлено в современных диалектах, позволило составить обобщающие карты. На них *а выступает как компонент системы в позиционных связях с фонетическим контекстом и суперсегментными явлениями в масштабе Славии. Это — фонетические различия в рефлексации *а, отношение *а к ударности/безударности слога, изменения *а под воздействием контекста. Карты такого содержания показывают устройство славянского континуума, динамику его дифференциации через совмещение территориального, хронологического, структурного аспектов и в контексте существующей в славянском языкознании интерпретации.

Для белорусских говоров особенности реализации праславянского гласного *а связаны с такими явлениями славянской фонетики, которые определяют формирование и динамику фонетических систем отдельных диалектов. Это прежде всего состав системы вокализма разных говоров (от пяти до семи единиц) в ударной позиции, и особенно в безударной, по чем устанавливаются разные типы акающего и якающего вокализма.

Отличие между составом гласных, выступающих в слоге под ударением и в безударных слогах, в современных говорах может быть обусловлено только

фактором места ударения. В принципе, праславянский долгий гласный [ä] в восточнославянских языках перед твердыми согласными изменился в [a], а перед мягкими согласными в [’a]. При различении видов аканья/яканья определяющим является первый предударный слог после твердых и мягких согласных, по которому устанавливаются приведенные типы вокализма. Безударная позиция содействует изменениям интенсивности гласного, его напряженности и, как результат этого, изменению его артикуляции. Именно такого рода особенности синтагматики *а в первом предударном слог определяют в белорусских говорах два главных типа слияния безударных гласных в предударном слог: 1) независимо от того, какой гласный стоит в следующем ударном слог; 2) качество гласного в предударном слог зависит от гласного, находящегося под ударением.

Первый предударный и заударный слоги после твердых согласных и заднеязычных представлены в праформах **n/a/p̣ṛstoḳь*, **daṿno*, **la’pata*, **kašal’*, **kṛvaṿь(jь)*, **gḷt/a/ḷь*, **paoḳь*; после мягких согласных гласный [’a] представлен в праформах **z’am’l’a*, **n’a’z’el’a*, **ṃenjajeṭь*, **ṿežaḷь*, **sṿetja*, **medja*, **kameṇь*, **’zajac*.

Большинству говоров белорусского языка свойственны изменения по модели недиссимилятивного аканья с предударным гласным [a]. Они распространены на значительной территории Минской, Гродненской, нескольких западных районах Могилевской областей, в восточной части Гомельской и северной части Брестской областей. Таким образом, зона его распространения захватывает южную часть северо-восточного диалекта, многие среднебелорусские говоры и говоры юго-западного диалекта. При недиссимилятивном аканье гласный [a] в первом предударном и заударном слогах после парных твердых согласных и заднеязычных всегда совпадает с [a] независимо от качества ударного гласного и соседних согласных, как это, например, фиксируется на конкретных именных картах: *la’pata* (пп. 385–388, 334, 391–393, 331–332); *na’parstyk* (пп. 327, 353), *na’p’orstak* (пп. 349, 398), *na’p’erstak* (пп. 353, 397, 399–400); *’kašal’* (пп. 334, 336–340, 343–347, 353–358, 364–368, 376–378, 387–388, 391–393, 396–397).

При недиссимилятивном типе яканья после мягких согласных в аналогичной предударной позиции фиксируется стабильный [’a], как, например, в словах: *z’am’l’a* — северо-восточный диалект (пп. 327, 331–332, 334), юго-западный диалект (пп. 343–344, 364–365, 376, 384, 398), среднебелорусские говоры (пп. 348, 366); *m’a’za* — северо-восточный диалект (пп. 327, 331–332, 334), юго-западный диалект (пп. 336–339, 343–345, 353–356, 376, 384, 391–392, 396–398, 400), среднебелорусские говоры (пп. 346, 357–358, 366–367, 377–378, 386–387); в заударной позиции, как в слове *’zajac* — северо-восточный диалект (пп. 328, 333, 350), юго-западный диалект (пп. 345, 353, 364–365, 384, 376, 391–392, 397–398), среднебелорусские говоры (пп. 339, 346, 358, 377–378, 387). Соответственно, такой вокализм теряет отличие трех уровней подъема и сохраняет только два — верхний и неверхний (нижний). Такое последовательное неразличение гласных фонем на месте *е, *ё, *а после мягких согласных в первом предударном слог в лингвистической литературе называется еще сильным [Вайтович 1968: 69].

Недиссимилятивное сильное яканье локализовано в центральной части белорусских говоров, наиболее широко оно распространено на территории Гродненской, юге Минской, западе Могилевской, средней части Гомельской и севере Брестской областей, по сетке ОЛА: пп. 334, 336, 339, 343–346, 354, 356–358, 367, 377, 387, 391, 396, 398. Указанный тип яканья локализован в центральной части белорусских говоров и относится к сильному, при котором всегда фиксируется пред- и заударный [’а].

С востока и севера к указанной территории примыкают говоры с диссимилятивным типом аканья, а с юга — окающие говоры Мозырской группы. Практически в группе Мозырских говоров отмечается неразличение предударных гласных [а] и [о], но уже путем их сопадения с [о] (а не с [а], как это бывает при аканьи): пп. 389–390, 394–395, 399; фиксируется также параллельное употребление форм с [о] и [а]: пп. 391–393, 396–398, 400. Исключение составляет небольшая группа говоров этого региона, где фиксируются словоформы *’doyno* с лабиализацией ударного гласного [о] в позиции перед неслоговым губно-губным [у]. Тем не менее, диалектологами отмечается, что в белорусских говорах прогрессирует аканье: в безударном конечном открытом слоге, как в словах *’malo* — *’mala* (п. 400), *daŭ’no* — *’dayna* (пп. 331–332, 339–340), оно захватывает даже территорию с традиционным оканьем.

Второй тип аканья — диссимилятивный — зафиксирован в северо-восточной части Беларуси, на территории Витебской, Могилевской, на северо-восточной окраине Минской и северной части Гомельской областей (пп. 329–330, 333, 335, 342, 350–352, 360, 369–371, 379–381). При этом типе аканья реализация гласного предударного слога зависит от качества ударных гласных. Противопоставление белорусских говоров основано на наличии/отсутствии антиципации гласного ударного слога при выборе того гласного, в котором совпадает предударный [а] или [’а]. Специфической особенностью вокализма первого предударного слога в типе аканья считается восточномогилевское произношение диссимилятивного аканья и яканья. Оно является отличительной чертой северо-восточного диалекта, которая характеризуется варьированием в употреблении в одних и тех же морфонематических условиях при акцентуации гласных [а], [е], [о] рефлексов [а] и [ы (и)] в зависимости от характера гласного в ударном слоге. При отмеченных изменениях, когда в слоге под ударением выступает любой гласный, кроме [а], тогда в первом предударном слоге отмечается звук [а]: *ča’sy*, *ja’lovy*, *jar’mo*, *dav’no*, *b’a’roza*^{*1}, *jačm’en*^{*}. В этих условиях выразительный гласный [а] фиксируется как после твердых, так и после мягких согласных звуков.

В этих же говорах отмечается и обратное явление, когда в ударном слоге выступает гласный [а], тогда в первом слоге реализуется обычно иной гласный «не а», а [ы (и)]. Неустойчивый по своему образованию, он имеет широкий диапазон вариативности и может отличаться в разных говорах. В работах по белорусской

¹ Звездочкой после слова отмечены примеры, взятые из других выпусков ОЛА.

диалектологии выделяются различные его разновидности. Это может быть «редуцированный, ослабленный гласный нейтрального образования, среднего подъема среднезаднего ряда, однако уже при незначительном подъеме языка редуцированный гласный склоняется к [ы], который может произноситься как звук полного образования, либо более кратко, ослаблено» [Вайтовіч 1968: 11]. Для обозначения гласного «не а» в белорусских говорах в транскрипции ОЛА используются знаки: [ə], [y], [ы]. Например, предударные реализации: *ły'pata* (пп. 327, 352, 369, 371, 379), *m'i'ža* (пп. 328–330, 333, 335, 340–342, 369–371, 379–382, 388), *my'ža* (п. 362), *v'izaɥ* (пп. 328–330, 333, 340, 342, 347–352, 369–371, 379–381); заударные реализации: *'kam'in'* (пп. 327–333, 338–342, 347, 359–360, 369, 371, 379–381, 388, 393), *'katyn'* (п. 362), *'zajic* (пп. 327, 329–330, 334, 340–342, 347, 359–360, 369–371, 379–382, 388). Названный тип диссимилятивного аканья и яканья в лингвистической литературе получил название белорусского (в русской классификации — архаического или жиздренского). Подобное явление фиксируется в говорах северо-восточной части Беларуси, на территории Витебской (кроме северо-восточных районов), Могилевской (кроме юго-западной части), северной половины Минской и северо-восточной окраины Гомельской областей: пп. 328–330, 333, 342, 347–350, 359–360, 369–371, 379–381.

Именно такое качество звуков практически воспринимается на слух при достаточно выдержанном восточномогилевском произношении: после твердых согласных — *ny'parstyk* (пп. 329, 333), *ny'p'arstyk* (пп. 330, 380), *ły'pata* (пп. 333, 350, 369, 371, 380), *'kašyɫ'* (пп. 327, 333, 341, 359). Идентичное произношение довольно последовательно отмечается при продвижении на юг в полоцко-минских говорах *'kašyɫ'* (пп. 350, 352, 379, 369, 371) и даже встречается в среднебелорусских говорах (п. 348).

После мягких согласных в отмеченных слогах диссимилятивное яканье встречается в праформах **z'am'l'a*, **'zajac*, **n'a'z'el'a*, **m'a'n'ajic'*. Например, реализация словоформы *z'im'l'a* зафиксирована в пунктах 328–330, 333, 335, 340–342, 352, 359–360, 369 северо-восточного диалекта. Аналогичное территориальное распределение имеют рефлексy в словах *n'u'z'el'a* и *m'u'n'ajic'*. Широкое распространение рефлекса [и] в заударной позиции демонстрирует слово *'zajic*: северо-восточный диалект (пп. 327, 329–330, 334, 340–342, 351–352, 359–360, 369–371, 379–381), юго-западный диалект (пп. 361–362, 382 393), среднебелорусские говоры (пп. 348–349, 388). В аналогичном положении, но только при условии, что последующим является губной согласный, может использоваться звук [y]: *ly'pata* (пп. 329–330, 360).

В говорах северо-восточного диалекта выделяется еще один отличительный тип диссимилятивного аканья/яканья, когда [и (ы)] («не а») фиксируется:

перед ударным [a] < (из *a), как в словах *z'am'l'a* (пп. 328–330, 333, 335, 340–342, 349–352, 359–360, 369–371, 379–381, 388, 392), *m'i'ža*, *m'in'ajic'*; ареал распространения рефлексации в подобных фонетических условиях довольно значительный;

перед [ʼe] < (из *ě), как в словах *n'u'z'el'a* (пп. 335, 343, 351–353, 362, 374, 382, 392) и *n'u'v'esta*, перед [ʼe] < (из *e): *p'ičec'* (п. 351), *p'ik'ec'* (п. 352), *večer'a* (пп. 335, 351–352), *r'išato* (пп. 335, 351–352);

перед иными ударными гласными, в том числе перед [o] и [u] < (с *o и *q соответственно), как в словах *dav'no* и *paq'kь*, фиксируются рефлексы [a].

В границах Беларуси этот тип диссимилятивного аканья/яканья по месту его распространения принято называть витебским. В русской диалектологической литературе — умеренно диссимилятивным либо мосальским. Белорусские и русские говоры с этими типами диссимилятивного аканья/яканья близки территориально. В витебском типе диссимилятивного яканья промежуточное состояние занимает реализация гласного перед непарными твердыми согласными [ж], [ш], [ч], которая представлена в праформах **sve'tja*, **me'dja*: *s'w'i'ča* (пп. 328, 350, 380), *s'v'i'ča* (пп. 361, 379), *'sv'ička* (пп. 362, 372, 374), *'s'w'ička* (п. 373); *m'i'ža* (пп. 328–330, 333, 335, 340–342, 347–352, 359–360, 369–371).

В системе консонантизма самой яркой и значительной особенностью северо-восточного диалекта является восточногилевское и витебское произношение, в следствие которого эти говоры дополнительно называются «мяккаэрыми». Произносятся [p] и [pʼ] в положении, в котором реализуются соответственно иные парные твердые и мягкие согласные звуки:

[p] — *brat* (пп. 335–381), *jarmo* (пп. 335, 351–352, 387–388);

[pʼ] — *bur'a* (пп. 335, 351–352, 360, 371, 379–381), *v'ičer'a* (пп. 335, 351–352), *r'išato* (пп. 335, 351–352).

Большинству современных белорусских говоров свойственна твердость согласного [r]. Как указывают авторитетные источники, затверждение мягкого [rʼ] в Беларуси отмечается еще с XIV в. [Карский 2006: 306].

В центральной части белорусских говоров локализовано недиссимилятивное сильное яканье, когда независимо от гласного в следующем слого происходит совпадение предударных /ʼe/, /ʼa/ в одном гласном /ʼa/: *z'am'l'a*, *m'a'ža*, *s'v'i'ča* (пп. 346, 357–358, 367, 377–378, 386–387).

На юге Беларуси размещаются говоры, в которых гласные неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слого совпадают в едином варианте — [e]. Такое совпадении гласных на месте [*e], [*ě], [*a] в [e], которое происходит независимо от качества ударных гласных и твердости/мягкости последующих согласных, называется еканьем. Последовательно предударный гласный [e] отмечается в тех же примерах, что и при [ʼa]. Екающие говоры усвоили аналогичный принцип фонетической смены гласных неверхнего подъема в одном звуке, но с другой фонетической реализацией. Еканье фиксируется на юго-восточной языковой территории, в отдельных районах Минской и Брестской областей, в западной части Гомельской области: пп. 363, 375, 385, 389–390, 394–395, 399–400. Как показывают предыдущие исследования, такой переход 'а в е устойчиво распространен на юге и юго-западе Беларуси [Карский 2006]. С другой

стороны, на юге отмечается совпадение с этой чертой в североукраинских говорах [Жилко 1963].

Между говорами с диссимилятивным и недиссимилятивным типами аканья, представленными последовательно, отмечаются говоры переходного характера с вокализмом смешенного типа, при котором либо сосуществуют оба типа аканья, либо превалирует один из них — диссимилятивное или недиссимилятивное, при наличии элементов другого типа. По сетке ОЛА эти говоры представлены населенными пунктами 328, 340–341, 348–349, 359. В говорах этого типа перед всеми ударными гласными, кроме [а], гласные *o* и *a* реализуются в звуке [а] полного образования: *paqkь*, *давно*. Но в положении перед ударным [а] уже нет последовательности в реализации. У пунктах 328, 349, 359 гласные *o* и *a* реализуются в редуцированном рефлексе [э] либо гласном более верхнего образования [ы] (*lə'pata*, *lɨ'pata*); вместе с тем, зафиксированы единичные случаи отражающие [а] полного образования, как в слове *na'ya** (пп. 331, 337–338, 344, 357). Таким образом, тут совмещается принцип недиссимилятивного и диссимилятивного аканья с преимуществом последнего. В пунктах же 340–341, 348 отмечается обратная ситуация — при последующем совпадении рефлексов /o/ и /a/ в [а] выявлено sporadическое употребление [э], [ы] на месте /o/ (*bo'gaty(-jɨ)*, но *lə'pata*, *lɨ'pata*), что указывает на тип недиссимилятивного аканья с элементами диссимилятивного. Отмеченная неустойчивость при образовании гласного звука, который соответствует /o/, /a/, перед ударным [а], указывает на переход от диссимилятивного к недиссимилятивному аканью, на что указывают и данные более ранних лингвогеографических исследований. Подобная картина иллюстрирует ослабление диссимилятивного аканья в направлении с востока на запад и с севера на юг, его поступательную замену на недиссимилятивное.

Таким образом, установленные ареально-лингвистические закономерности типов белорусского аканья/яканья позволяют утверждать, что в самой Беларуси оно, возможно, расширилось с северо-востока на юго-запад, с говоров витебско-могилевского региона на юго-западные говоры, которые не имеют аканья в заударных конечных открытых слогах, в которых сохраняется принцип оканья. Диссимилятивное яканье белорусского и витебского типов отмечается и после твердых теперь шипящих и *r*, соответственно, это яканье возникло до отвердения названных согласных, а точнее уже на границе XIII–XIV вв. Синхронные факты территориального расширения показывают, что аканье распространяется, вытесняя оканье. Еще один довод о северо-восточном происхождении белорусского аканья — отсутствие аканья в безударных слогах в большинстве североукраинских говоров, кроме тех районов, которые граничат с белорусской территорией и переняли эту черту от последней, как, например, в словах *'pałac'*, *'kam'an'a*, *zəm'n'e* (п. 403).

Избранный нами подход к лингвогеографическому описанию позволяет увидеть и поставить проблему в общем виде, определить характерное для белорусского языка от распространенного, хотя бы примерно развести спорное и бесспорное, а также предварительно оценить вероятность предложенных ранее решений и наметить возможные пути дальнейшего исследования причин праславянских

фонетических изменений рефлекса *а. В этом отношении «Общеславянский лингвистический атлас» является грандиозным лингвогеографическим проектом историко-сравнительного и синхронно-типологического языкознания, аналогов которому славистика не знает. В нем обобщен опыт славянской и европейской лингвистической географии, впервые представлена территориальная стратификация многих праславянских языковых явлений и лексических параллелей.

Литература

Аванесов 1952 — *Аванесов Р. И.* Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.

Вайтовіч 1968 — *Вайтовіч Н. Т.* Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск, 1968.

Вендина 2009 — *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.

Вопросник ОЛА — Вопросник «Общеславянского лингвистического атласа» / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965.

Георгиев 1968 — *Георгиев В. И. и др.* Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Жилко 1963 — *Жилко Ф.* Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слав'янськими. Київ, 1963.

Ивич 1969 — *Ивич П.* О древности аканья в славянских языках // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 59–69.

Карский 2006 — *Карский Е. Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. Исторический очерк звуков белорусского языка. Т. II. Кн. 1. Мінск, 2006.

Касаткин 2013 — *Касаткин Л. Л.* Русское и белорусское аканье: происхождение и история // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013.

Крывіцкі, Падлужны 1984 — *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

ЛГ — Лінгвістычная геаграфія і групойка беларускіх гаворак / Рэд Р. І. Аванесаў і інш. Мінск, 1969.

Нарысы 1964 — Нарысы па беларускай дыялекталогіі: Вучэбны дапаможнік для філалагічных факультэтаў універсітэтаў і педінстытутаў / Рэд. Р. І. Аванесаў. Мінск, 1964.

Риглер 1964 — *Риглер Я.* К проблеме аканья // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 36–45.

Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* О развитии фонетической системы русского языка и распаде общерусского языкового единства. М., 1987.

Фанетыка 1989 — Фанетыка беларускай літаратурнай мовы / Рэд. А. І. Падлужны. Мінск, 1989.

Шахматов 2002 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Репр. изд. М., 2002.

V. P. Rusak

*Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches
of the National Academy of Sciences of Belarus
(Minsk, Belarus)
nanb_vp_rusak@tut.by*

**LINGUISTIC GEOGRAPHY OF THE BELARUSIAN AKANNE:
BASED ON THE MATERIALS OF THE VOLUME “REFLEXES *A”
OF “SLAVIC LINGUISTIC ATLAS”**

In the article area linguistic regularities of “Belarusian akanne” (the pronunciation of unstressed “o” as “a”) in the the Slavic dialect context are described. The basis of the analysis is Proto-Slavic *a reflexes in different typologically significant positions in the word. Basic scientific hypotheses of akanne phenomenon in linguistics are correlated. The relation of reflexes *a and the original vowel quality is established, as well as stressed/unstressed position in syllable. Areal representation of reflexes *a (at the beginning of words and after palatal consonants, hard consonants, palatalized; in open and a new closed syllables, at the end of the word) is identified. The real differentiation of the Slavic dialects and the dynamics of this differentiation on the maps of the volume is reflected.

Keywords: areal study, Slavic languages/dialects, Belarusian akanne, “Slavic linguistic atlas”.

References

Avanesov R. I. *Lingvisticheskaya geografiya i istoriya ruskogo yazyka* [Linguistic Geography and the History of the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1952. # 6. P. 25–47.

Dyialektalagichny atlas belaruskay movy [Dialect Atlas of the Belarusian Language]. Minsk, 1963.

Fanetyka belaruskay litaraturnay movy [Phonetics of the Belarusian Standart Language]. Ed. A. I. Padluzhny. Minsk, 1989.

Georgiev V. I. etc. *Obshcheslavyanskoye znachenije problem akan'ya* [Slavic Importance of Akanne Problem]. Sofia, 1968.

Ivich P. *O drevnosti akan'ya v slavyanskikh yazykakh* [On Akanne Antiquity in the Slavic Languages]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1969. # 3. P. 59–69.

Karskiy Ye. F. *Belorusy. Yazyk belorusskogo naroda. Istoricheskiy ocherk zvukov belorusskogo yazyka* [Belarussians. Belarusian People Language. Historical Essay on the Sounds of the Belarusian Language]. Vol. II. Book 1. Minsk, 2006.

Kasatkin L. L. *Ruskoye i beloruskoye akan'ye: proiskhozhdeniye I istoriya* [Russian and Belarusian Akanne: Origin and History]. *Slavyanskoye yazykoznaniye. XV Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rosiyskoy delegacii*

[Slavic Linguistics. XV International Slavic Congress. Minsk, August 21–27 2013. Russian Delegation Contributions]. Eds. A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya. Moscow, 2013.

Kryvitski A. A., Padluzhny A. I. *Fanetika belaruskay movy* [Phonetics of the Belarusian Language]. Minsk, 1984.

Lingvistychna geagrafiya i grupovka belaruskikh gavorak [Linguistic Geography and the Classification of the Belarusian Dialects]. Eds. R. I. Avanesov etc. Minsk, 1969.

Narysy pa belaruekay dyalektologii: Vuchebny dapamozhnik dlya filalagichnykh fakul'tetav universitetav i pedinstitutav [Essays on the Belarusian Dialectology: Tutorial for Philological Faculties of Universities and Pedagogical Institutes]. Ed. R. I. Avanesov. Minsk, 1964.

Rigler Ya. *K problem akan'ya* [On Akanne Problem]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 1964. # 5. P. 36–45.

Shakhmatov A. A. *Ocherk drevneyshego perioda istorii ruskogo yazyka* [Essay on the Oldest Period of the Russian Language History]. Reprint. Moscow, 2002.

Trubeckoy N. S. *O razvitii foneticheskoy sistemy ruskogo yazyka I raspade obshcheruskogo yazykovogo yedinstva* [On Development of the Russian Language Phonetic System and on Disintegration of the Russian Language Unity]. Moscow, 1987.

Vaytovich N. T. *Nenatsiskny vakalizm narodnykh gavoral Belarisi* [Unstressed Vocalism of the Folk Dialects of Belarus]. Minsk, 1968.

Vendina T. I. *Ruskiye dialekty v obshcheslavyanskom kontekste (leksika)* [Russian Dialects in the Slavic Context (Lexicon)]. Moscow, 2009.

Voprosnik "Obshcheslavyanskogo lingvisticheskogo atlasa" ["Slavic Linguistic Atlas" Questionnaire]. Ed. R. I. Avanesov. M., 1965.

Zhilko F. *Fonologichni osoblivosti ukrains'koy movy v porivnyanni z inshimi slavyans'kimi* [Phonological Peculiarities of the Ukrainian Language Compared to Other Slavic Languages]. Kyiv, 1963.

Л. Дворниicka

Институт языкознания Людовита Штура Словацкой академии наук

(Братислава, Словакия)

lubica.dvornicka@juls.savba.sk

НАИМЕНОВАНИЕ СВЕТЛЯЧКА В СЛОВАЦКИХ ГОВОРАХ В ЗЕРКАЛЕ МОТИВАЦИИ¹

В статье представлены ранее не публиковавшиеся материалы, собранные во время полевых экспедиций для лексического тома Атласа словацкого языка и полученные как ответ на вопрос о народных наименованиях светлячка (*Lampyris postilusa*) на территории Словакии. Эти данные дополняются сведениями из иных опубликованных или еще не публиковавшихся источников. Материалы позволяют уточнить представленный в «Общеславянском лингвистическом атласе» ареал распространения народных названий светлячка в словацких говорах, мотивированных днем св. Иоанна Крестителя. Вместе с тем выделяются микроареалы лексических единиц, мотивированных названиями света и другими признаками, которые в ОЛА либо не отражены вовсе, либо представлены в качестве единичных или эксклюзивных терминов. Многие названия возникли в результате контакта словацких говоров с неславянскими языками. При этом мотивационные признаки в наименованиях светлячка указывают на их связь или параллели с ареалами в других славянских языках и диалектах.

Ключевые слова: диалектология, ареальная лингвистика, диалектная лексика, мотивация, народные названия светлячка

0. Неотъемлемую часть диалектологических исследований в рамках национальных и международных лингвогеографических проектов в тематической области «Животный мир» составляет в т. ч. довольно обширный круг вопросов, связанных с наименованиями некоторых видов насекомых. Исследуемый материал при этом, как правило, характеризует большое количество разнообразных терминов

¹ Статья была создана в рамках работы по проекту VEGA № 2/0123/22 *Общеславянский языковой атлас* (словацкое участие в международном проекте) и № 2/0114/22 *Словарь словацких говоров т. 4*. В статье приводятся названия словацких сел и районов в соответствии с концепцией *Словаря словацких говоров*, т. е. согласно административному членению 1948 г. (ср. *Slovník slovenských nářečí I*: 38–39). В рамках данного узуса мы по возможности корректировали также идентификацию населенных пунктов, обследованных для Атласа словацкого языка.

и высокая степень образности номинаций. В данной статье мы бы хотели представить в первую очередь материалы внутренних источников отдела диалектологии Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук, которые были собраны во время полевых экспедиций по вопроснику для лексического тома Атласа словацкого языка (далее ASJ), и рассмотреть здесь те ответы на вопрос № 232 ‘светлячок’, которые в рамках соответствующего тома не были опубликованы. В качестве дополнительных мы также привлекаем данные других источников (картотека отдела диалектологии и уже опубликованные работы). Ценные для нашего исследования сведения также были почерпнуты нами из Исторического словаря словацкого языка (далее HSSJ). Словацкий материал рассматривается на фоне других славянских языков, прежде всего на основании данных, опубликованных в «Общеславянском лингвистическом атласе» (далее ОЛА), откуда были взяты ответы на вопрос L 117 ‘насекомое, которое светится в летние ночи’ [ОЛА 1: 177–178; ОЛА 2022: 269–274] и в Чешском языковом атласе (далее ČJA 2), из которого к анализу привлекались ответы на вопрос 1397 ‘светлячок’ [ČJA 2: 129–131]. Как известно, в ОЛА картографирован материал 26 сел, расположенных на словацкой языковой территории — из них одно село с русинским населением (п. 233), и три словацких села, находящиеся на территории Венгрии. Полевые экспедиции для лексического тома ASJ 4 проводились на основе «Вопросника для обследования словацких говоров» (далее Вопросник II), первую, лексическую часть которого подготовил А. Габовштъяк. Обследование всегда проводилось как минимум в 335 населенных пунктах включая 7 сел в области со смешанным словацко-венгерским населением, 5 горальских и 7 русинских (ср. ASJ 4: 19). Результаты анализа дополняют общую картину распространенности отдельных наименований и мотивационных моделей данных названий в рамках славянских языков; предоставляют свидетельства контактов славянских языков с неславянскими.

Светлячок — официальный словацкий зоологический термин *svietivka svätô-jánska* (*Lampyrus postiluca*) — известен прежде всего своими биолюминесцентными свойствами, которые ярко выделяют его из всех остальных представителей царства насекомых в нашем географическом поясе. В словацких диалектах для обозначения светлячка используется свыше тридцати одно-, двух- и трехсловных наименований, в которых находит свое отражение ряд характеристик, связанных с внешним видом насекомого, способностью светиться и появлением в определенный период².

1. Основной чертой, отличающей светлячков от других насекомых, является сам факт их свечения. Дериваты от праславянского **svěťь*, в частности **svět-ьль*, **světiti* (ср. Králik 2015: 569) представлены в славянских языках наибольшим количеством наименований. Это отражается также в литературных языках (хорв. *svitac*, *svitnjak*; босн. *svitac*; срб. *свитац*, *свитњак*; мак. *светка*, *светулка*; болг. *светулка*; чеш. *světluška*; пол. *światlik*; белор. *святляк*; укр. *світляк*; рус. *светлячок*). В выпуске ОЛА «Славянское слово в ареальном контексте», который является ареалогическим комментарием к 1 тому «Животный мир», картографировано

² На материале русских диалектов данной проблематикой занималась Н. А. Красовская, см. [Красовская 2020].

13 морфонологических производных от основы **svěť* (*svět-bl-b=-ak-ъ*; *svět-bl-b=-ač-ъk-ъ*; *svět-ul-ъk-a*; *svět-ul-ъk-a*; *svět-ъn-ъ=-ak-ъ*; *svět-ъc-ъ*; *svět-ъk-a*; *svět-bl-uš-ъk-a*; *svět-idl-ъk-o*; *svět-idl-ъk-a*; *svět-bl-ik-ъ*; *svět-ъn-ik-ъ*; *svět-j-ъn-ik-ъ*), а также 18 отдельных названий с картографируемым корнем и 35 описательных конструкций, где один из компонентов восходит к праслав. основе **svěť* (см. ОЛА 2022: 272–274³). Они представлены в первую очередь в южно- и восточнославянских диалектах, из западнославянских подобные формы встречаются в чешских и польских говорах. В ОЛА дериваты от праслав. **svěť* для словацких говоров не зафиксированы. Данные полевого исследования лексики по Вопроснику II для ASJ 4 позволяют скорректировать эту картину.

1.1. Форма *světluška* (*svět-bl-uš-ъk-a*) на территории Славии распространена в соответствующих фонетических вариантах в чешских говорах (ср. ОЛА 2022: 269⁴; ČJA 2: 130). В словацких говорах наименование *svetluška* при полевом обследовании зафиксировано не было. Вместе с тем оно отмечено в HSSJ для 17 и 18 вв.: *swetlusska w nocy blysstj se* (1685⁵); *swetlusska, swetly chrobáček, který w noci swjiti* (1763) [HSSJ 5: 579]. В другом источнике встретилось лексикализованное сочетание *svetlí chrobáček*, которое также во время полевых обследований для ASJ 4 и для Словаря словацких говоров зафиксировано не было.

1.2. Во время обследования по Вопроснику II для ASJ 4 в восточной Словакии была отмечена описательная номинация, обозначающая светлячка: *muška, co švici* (Бунковце SOB), а также двусловные наименования, где адъективная часть является производной от слов ‘светить’ или ‘свет’: *švecaca muška* (Трстене при Горнаде KOŠ), *švicaca muška* в ряде восточнословацких сел (Абрагамовце BAR; Бистре GIR; Нижна Ситница STR; Словенска Волова HUM). На смешанной территории с русинским населением встретились названия *svitlača muška* (Ливов BAR) и *svet'lača 'muxa* (Чукаловце SNI). В селе Гута (венг. Галгагута) в Венгрии при обследовании для ОЛА были отмечены два ответа на вопрос L 117 ‘светлячок’ — одним из них является наименование *svjěti:cki xroba:k — svět-ič-ъsk-ъ xrob-ak-ъ* [ОЛА 2022: 269], которое также относится к группе наименований с указанной мотивацией. Аналогичные вышеприведенным лексикализованные словосочетания и описательные номинации в говорах других славянских языков⁶ демонстрируют, что речь идет о разновидности наименований, распространенных на славянской языковой территории, ареал подобных слов включает в себя, согласно данным ASJ 4 также словацкие говоры.

³ Авторы карты Т. Шалаева и С. Утешени.

⁴ Пп. 179–180, 183, 185–187, 189–190, 195.

⁵ При каждом примере в HSSJ приводится в сокращении источник, а также год записи. Мы не указываем здесь даты: они требуют отдельного комментария и в рамках данной статьи представляются излишними.

⁶ Например: *čъrv-it-j-ъ kъ-j-b svět-bl-i-tъ* (п. 24); *svět-bl-et-j-A mux-a* (пп. 413–414); *svět-j-ot-j-A mux-a* (п. 276); *svět-bl-A mux-a* (п. 18); *svět-bl-A muš-ъk-a* (пп. 237, 466); *svět-bl-et-j-A muš-ъk-a* (п. 412); *svět-idl-ъn-ъ žič-ъk-ъ* (п. 410); *svět-bl-ъ (bag)-ъ* (п. 147a); *svět-bl-iv-ъ (bog)=-ъc-ъ* (п. 150) и т. д. (ср. ОЛА 2022: 273–274).

1.3. В славянской культуре светлячки могли быть связаны с т. н. блуждающими огоньками. Во втором томе «Энциклопедии народной культуры Словакии» (далее EĽKS) указано, что ‘svetlonos’ (также ‘svetlá nos’, ‘svetielko’, ‘bludička’) представляет собой «демоническое существо в форме блуждающего мигающего огонька, который появляется ночью на болотах, в лесных чащах и вблизи источников воды» [EĽKS 2: 222]. На близость светлячка как зооморфного существа и демонологического образа блуждающих огоньков, в которых люди видели воплощение душ покойников, обращает внимание в своем исследовании А. В. Гура [Гура 1997: 502].

В материалах ОЛА для обозначения светлячка зафиксированы два сложных наименования: *svetlonos*⁷ (Бучани НЛО) и *svetlonoc* (Трновец над Вагом ŠAL). В обоих селах в том же значении параллельно используется, термин, наиболее распространенный на словацкой языковой территории, т. е. *svatojánska muška*.

2. Следующим мотивационным признаком для наименований светлячка в славянских языках является частое появление насекомых в период летнего солнцестояния, к которому также относится день св. Иоанна Крестителя (24 июня). Это находит свое отражение в т. ч. в литературных языках: слн. *kresnica*; хорв. *krijesnica* (ср. Skok 1971: 194–195); чеш. *svatojánská muška*; слц. *svätöjánska muška*; верхнелуж. *swjatojánska muška*; нижнелуж. *janowa wacka*). В словацких говорах, данная, наиболее распространенная, мотивация связана прежде всего с адъективным компонентом двусловных сочетаний, однако она может порождать также ряд однословных номинаций. В трехсловных наименованиях светлячка никакой иной мотивации зафиксировано не было.

С днем Иоанна Крестителя в традиционной культуре связан комплекс обычаев, первоначально относившихся к наиболее важному для славян празднику — к дню летнего солнцестояния, что подтверждают многочисленные свидетельства путешественников 11–12 вв. Одной из важнейших для славян стихий было солнце и связанный с ним огонь. Огонь почитали и приписывали ему магическую охранную и очистительную силу [EĽKS 1: 211–213]. Верили, что человек, который поймал светлячка и носил его с собой, будет удачлив [Там же]. Поверья о светлячках в широком славянском контексте⁸ анализирует А. В. Гура в труде «Символика

⁷ А. В. Гура в книге «Символика животных в славянской народной традиции» отмечает множество случаев, когда с душами умерших отождествляются бабочки, в т. ч. ночные. «В Ровенской обл., когда видят ночную бабочку, говорят: “Прылетила чьясь душа“ ... На юге Украины считают, что, если не раздавать подавания за упокой души, души умерших залетают вечерами в хаты в виде ночных бабочек и кружат около свечей (Херсонская губ. ...)» [Гура 1997: 487]. В ASJ 4 в качестве ответа на вопрос № 228 ‘бабочка, летающая ночью, которую можно увидеть в первую очередь возле источника света, ночная бабочка, нужда, несчастье’ в Литовке была зафиксирован термин *svetlonos* (Смречаны LM), что в данном контексте также представляет интерес [ASJ 4: 79–80].

⁸ Символическую взаимосвязь светлячка с днем св. Иоанна Крестителя отражает легенда, опубликованная А. Н. Афанасьевым в труде «Поэтические воззрения славян на природу», лингвистические комментарии к которой издал А. Ф. Журавлев в книге «Язык и миф»: «У словенцев Ивановский светящийся жук... пользуется особой любовью за то, что летал по дому родителей Иоанна Предтечи и освещал колыбель святого младенца» [Журавлев 2005: 768].

животных в славянской народной традиции». Он обращает внимание на поверья, отождествляющие светлячков с человеческими душами (на Украине и в Малой Польше), также на связь наименований светлячка с днем св. Иоанна в западнославянских, хорватских и частично в русских говорах [Гура 1997: 502]. Очень интересной также представляется символика, связывающая светлячка со скотом. Практически все эти мотивы мы находим и в словацких диалектных терминах.

2.1. В то время как наименований, соотнесенных со светом, в словацких говорах представлено сравнительно немного, круг названий, мотивированных днем св. Иоанна Крестителя с компонентом *svätôjânsky*, весьма обширен. Как показывают обследования, проведенные для ОЛА и ASJ 4, термин *svätôjânska muška* (*svet-o-(jan)-ьsk-A muš-ьk-a*) в соответствующих фонетических вариантах, к примеру, *svatoja:nska*, *svatoja:nska:*, *svetoja:nska/a:*, *svatovjanska*, *švetojanska*, *svetojaňska*, *svatojaňska*, *s'jato'jan's'ka muška*, является в словацких диалектах доминирующим. Из более чем 335 населенных пунктов данная форма была отмечена в 291 селе, иногда параллельно с иным наименованием. В HSSJ она фиксируется начиная с 18 в.: *musske swatoganske usuš a rozotri gjch na prach!*

На позитивное отношение к светлячкам указывает в данных двусловных номинациях не только сама их связь с Иоанном Крестителем, но и деминутивная форма существительного. В качестве иллюстрации приведем несколько фраз, содержащих сравнения: *Ale Zuzo, šak ti tuši:m aňi sukňu nema:š, šak ti rit svi:ti: zdaleka jak svatoja:nske:j muške!* (Скалица); *Ta:to lampa b'inka: ako svatojanska: muška* [Zgúth, Turiec 1943: 242]; *Švetojaňske muški tak švicaci litaju* (Длга Лука BAR); *Svatojanske muški še večar šumňe blišča* (Смижани SNV).

2.1.1. Название *muška* (*muš-ьk-a*) без уточняющего определения встретилось в селах Палудза LM и Ребрин МСН. Такой тип номинаций также отражен в материалах ОЛА, где зафиксирована недеминутивная форма *мух-а* на русской языковой территории в пункте 570 (Ковжа, Архангельская обл., Каргопольский р-н.).

2.1.2. Вариант *svätôjânska mucha* (*svet-o-(jan)-ьsk-A mux-a*) с субстантивным компонентом в недеминутивной форме отмечается в HSSJ: *lampyrus: swetlusska, swatojânska mucha* (1795; HSSJ 5: 569). Согласно ответам, собранным по Вопроснику II, отдельные случаи встречаются в среднесловацких говорах: *svatoja:nska muxa* (Саца ZVO), *svatojanska muxa* (Важец LM), также в западнословацких: *svatoja:nska muxa* (Кубрица TRČ; Годи GAL) и в горальских *švuntojansko muxa* (Ждьяр POP). В славянских материалах ОЛА данный тип зафиксирован не был.

В ČJA констатируется, что «[н]едеминутивная форма *svatojânská moucha* типична для с. Кладско», что подтверждает ее появление в селах Главнѳв, в районах Наход (п. 116), Слане (Slone), Полско (пп. 118–119), Якубовице (Jakubowice); форма *svatojânská mucha* зафиксирована в с. Езержани, район Зноймо (п. 626) [ČJA 2: 130]. Компактного ареала со словацкими пунктами данные села не образуют.

2.1.3. Наименование *svätôjânska* (*svet-o-(jan)-ьk-a*), возникшее в результате универбизации, в материалах ОЛА фиксируется в чешских и в одном польском пункте (пп. 190, 205–206, 283). ČJA 2 относит данный вариант к северной и средней

части восточноморавских говоров, форма мужского рода *svatojánek* встретилась в нескольких городах вдоль южной силезской границы [ČJA 2: 129–130]. При обследовании по Вопроснику II для ASJ 4 форма *svatojanka* была зафиксирована в с. Валаска Бела PDZ, которое граничит со среднесловацкими говорами, однако само относится к западнословацкому диалектному типу.

2.1.4. Наименования с компонентом *mucha/muška*, обозначающие светлячка, в научном плане являются достаточно условными, поскольку по факту данные животные относятся к жукам. Этот факт находит свое отражение в такой номинации, как *svetojanski chrobačok* (Чергов TRB), которая в материалах ОЛА с морфонологической реконструкцией *svět-o-(jan)-ьsk-Ъ Xrob-ač-ьk-ъ* фиксируется в польских говорах (в пунктах 239, 245, 247, 249, 253–254, 256–258, 260–262, 266, 268–271, 274–275, 278, 282, 286–287, 291, 294–295, 298, 301, 303–305, 312, 317, 320–322, 326).

Прилагательное *svätojánsky*, согласно лексическому Вопроснику II для ASJ 4 отмечается также в составе термина *svetojanski bugár* (Лудинце ŠTÚ), где существительное *bugár* восходит к венг. *bogár* ‘жук’. В с. Гута (венг. Галгагута), расположенном в Венгрии, наряду с уже упомянутым наименованием *sviēti:cki xroba:k*, используется заимствованное из венгерского языка *sentjánožbogár* (ср. ОЛА 2022: 269).

2.1.5. Последним зафиксированным лексикализованным сочетанием с компонентом *svätojánsky* является *svatojanski janik* (Муранска Здишава REV). В силезских говорах представлена форма *šv'ntojuńsk'i jańiček* (п. 207) с иной деминутивной формой существительного. Именно в восточной Силезии для обозначения светлячка чаще всего употребляется лексема *jańiček* (ср. ČJA 2: 129–130). Форма с морфонологической реконструкцией *(jan)-ič-ьk-ъ* была отмечена в ОЛА в пунктах 203, 207, 308 на территории Чехии и Польши.

2.2. Данные названия подводят нас к группе наименований, производных от мужского имени *Ján*. В гемерских говорах распространены однословные термины *ja:nik* (Шиветице ROŽ, Влахово ROŽ; Хижне REV); *ja:nik* (Миколчани REV; Кунова Теплица ROŽ) и форма множественного числа *janiki* (Бетлиар ROŽ).

Лексема *(jan)-oš-ik-ъ* представлена также в материалах ОЛА (п. 225 — Сирк), в данном случае это единичный случай с картографированным корнем. В районе г. Ревуца она подтверждается также в обследовании по Вопроснику II для ASJ: *ja:noši:ki sviāta:* (Сирк REV); *ja:noši:k* (Каменяни REV). Ср.: «*Jánoš* является восточнословацкой и венгерской расширенной формой имени *Ján*» [Lalíková 2014: 68]. Формы *janik* и *jánošik* образованы при помощи паронимического аффикса *-ik*.

2.3. Равно как у прилагательного *svätojánsky*, лексикализованные словосочетания с адъективным компонентом *jánsky*, *jánovský* или с притяжательным *Jánov*, *Jánovú* соединяются с существительными *muška*, *chrobáčik/chrobáčok/chrobáček*. Синонимом слова *chrobáčik* ‘жучок’ является лексема *bobáčik* (*bob-ač-ik-ъ*). SSN 1 ее фиксирует в значении ‘жучок; личинка насекомого’ в одном северо-западнословацком населенном пункте (Бошаца TRČ) также как единичный случай [SSN 1: 134].

Наши разыскания дополняют новые материальные и ареальные данные для SSN. С компонентом *bobáčik* при обследовании по вопроснику для ASJ 4 были отмечены следующие лексикализованные словосочетания: *ja:nski boba:čik bruškon svę:ti, čez Ja:na lę:ta* (Оздин LUČ), *Jánoví bobáčik* (Вишна Покорадз RS).

В качестве единичных случаев были также зафиксированы термины *ja:nška muška* (Липовани LUČ, здесь параллельно с *svątoja:nška muška*) и *janoyska muška* (Нижни Грабовец VRN). Остальные наименования с компонентом *muška*, распространенные в восточнословацких говорах в районе г. Римауска Собота, связаны с притяжательным прилагательным *Jánov: Ją:nova: muška* (Кокава над Римавицей RS), *Jánova: muška* (Поток RS), *Janova muška* (Малцов BAR; Строчин SVI; Вишне Ремети, Хоньковце SOB; Ранковце KOŠ; Маргань GIR; Жалобин, Давидов VRN). Данные из пункта 232 в ОЛА (Жалобин VRN) подтверждают форму *(jan)-ov-A muš-ьk-a* [ОЛА 2022: 269].

В материалах ОЛА название *Janoví hrobaček* фиксируется в словацких диалектах на территории Венгрии, которые относятся к восточнословацкому диалектному типу: (п. 156, Стара Гута, венг. Охута). В материалах, собранных по Вопроснику II для ASJ данную форму мы находим в с. Трстене при Горнаде KOŠ. Ф. Буффа в Словаре шарийских говоров лексикализованное сочетание *Janovo xrobački* квалифицирует как восточношарийское, и для среднешарийских говоров приводит сочетание с несклоняемым компонентом *janu: Janu xrobag lita okolo Jana* [Buffa 2004: 107, 112].

В части восточнословацких говоров представлены дминутивные формы лексем *chrobák: Janoví xrobačok* (Минёвце, Тисинец STR; Порубка HUM); *Janov hrobaček* (Нижна Гутка KOŠ); *Janov xrobaček* (Кузмице TRB) также множественное число *Janovo xrobački* (Округле BAR; Хотча STR).

2.4. С праздником св. Иоанна Крестителя связаны трехсловные наименования светлячка в словацких говорах. При обследовании по Вопроснику II для ASJ 4 были зафиксированы два случая. В восточнословацкой шарийской области это *xrobački svateho Jana: Šezel'i sebe na mezi a kukali, jak kolo nih l'itaju xrobački svateho Jana* (Прешов). Кроме того, Ф. Буффа приводит в качестве среднешарийского выражение *xrobaček svateho Jana* [Buffa 2004: 107].

У трехсловного термина *svatoho Jana kravi* (Стретавка VK) в субстантивной части представлена мотивация, связанная с обозначением скота. На этот факт обращает внимание А. В. Гура, основываясь на материалах, опубликованных в ОЛА 1, карта № 8⁹. «В наименованиях светлячка выражена также символика, соотносящая этого жучка со скотом: рус. вологод. *коровка*, арханг. *конёк*, укр. волын. *коза свитюща*» [Гура 1997: 502]. В ČJA среди некартографированных лексем приводится словосочетание *svatojánská koza* (ср. ČJA 2: 130).

3. Отдельный интерес представляет группа слов, у которых название светлячка образовалось путем переноса обозначения иного жука — семиточечной божьей

⁹ Ср. *korv-ьk-a* (п. 625); *svęt-qt-j-A koz-a* (п. 401); *koz-b=ul-ьk-a t-A čb-to svęt-i-tь* (п. 394) [ОЛА 2022: 269–274].

коровки (*Coccinella septempunctata*), которая тоже воспринимается носителями языка позитивно¹⁰.

3.1. В HSSJ в значении ‘светлячок’ фиксируются лексикализованные словосочетания, содержащие существительное *lienka* с определениями *svätojánsky* и *jánsky*: *swatoyanske lienky lietagjce su* (1666; HSSJ 5: 569); *ljenka jánska swjtj w nosy, ale gen samček* (1798; HSSJ 7: 511). Об этом значении слова *lienka* писал, в частности, Л. Новак в статье «Значение турчьянского словаря проф. Важного для словацкой исторической лексикологии». Он отмечает использование данного термина в липтовских говорах (Губова, Швошов RUŽ), «хотя там же известно более позднее наименование *svätojánske muški*, т. е. составная номинация» [Novák 1962: 132]. Лексеме *lienka* и лексикализованное словосочетание *svätojánska lienka* можно найти в автобиографии Г. Н. Зехентера-Ласкомерского¹¹ «Пятьдесят лет словацкой жизни I»: *Tackajúc sa z boka na bok konal tú cestu trojnásobne, šibrinkujúc kahancom semtam s'aby svätojánska lienka* [Zechenter-Laskomerský 2010: 47]; *Rozmetali šuhajov na všetky strany, ani už nepamätám, koho a kam, ale sa motali ako lienky na svätého Jána* [Там же: 173]. В материалах полевого обследования по вопроснику для лексического тома ASJ в части южно-среднесловацких говоров, для наименования светлячка фиксируется однословная форма *l'jenka* (Старе Гори BB; Коциха, Тисовец RS; Чьерни Балог, Гронек BRE). Для обозначения божьей коровки в этих говорах используются, в соответствующих фонетических вариантах, словосочетания *pámbožkova* и *pámbož'okova kravička*.

3.2. Подобный тип переноса номинации также подтверждается для юго-западной Словакии. Божья коровка в данной диалектной области обозначается наименованием *katarínka* в соответствующих фонетических вариантах (ср. SSN 1: 756). При обследовании по вопроснику для ASJ 4 было зафиксировано лексикализованное сочетание *svatoja:nska: kateriňka* (Польни Кесов НИТ).

4. Данный тип транспозиции не является для славянских диалектов уникальным. Ср. *myš-ьj-ak-ъ* (п. 590); [*svьrč*]-*ьk-ъ* (п. 660); *ku-zn-ьc-ь* (п. 793); *ku-zn-ьč-ik-ъ* (п. 793); *svět-ьl-ьt-j-ь xrust-ъ* (п. 299) и подобные лексемы и лексикализованные словосочетания, представленные в материалах ОЛА в качестве наименований светлячка [ОЛА 2022: 269–274].

4.1. Диминутивная форма лексемы *hudec* из праслав. **gosti*, **gōdьcь* [Králík 2015: 214], *hudačok* (Лучки МСН) относится к группе лексем, встречающихся окказионально. Наименование могло возникнуть в результате того же переноса названия, который наблюдается для лексем *lienka* и *katarínka*. Светлячок, согласно традиционным представлениям, не издает, в отличие, напр., от сверчка, никаких

¹⁰ На тот факт, что в русском языковом пространстве практически невозможно найти подтверждения негативной оценки данного насекомого, указывает Н. А. Красовская [Красовская 2020: 382].

¹¹ Густав Казимир Зехентер Ласкомерский (1824–1908) — словацкий прозаик, публицист и общественный деятель национально-освободительного движений (в первую очередь в период Матицы Словацкой). Родился в Банской Быстрице, там же окончил гимназию, позднее вернулся в родной город и какое-то время работал там врачом. В т. ч. благодаря его свидетельствам мы можем говорить о ряде случаев синонимии названий светлячка и божьей коровки.

специфических звуков. Н. А. Красовская приводит формы *чиркун*, *турчёлка*, *сверкун* [Красовская 2020: 388–389], которые в русских говорах также были зафиксированы окказионально со сходной мотивацией; приводимые исследовательницей примеры как будто противоречат нашим утверждениям: *Сверкун* — *когда летит, сверкает* (красндр.); *Светляки эти трещат и трещат* (влад.) [Там же]. Автор статьи предполагает, что «...подобное смешение происходит не из-за реальных фактов действительности (похожесть объектов номинации), а, скорее, из-за корневой омонимии» [Там же]. Как мы видим, подобный тип номинации встречается в пространстве Славии.

4.2. В словацком селе Силеш (венг. Вертешёллеш), которое расположено на территории Венгрии и при этом относится к западнословацкому диалектному типу, также единично встретилось название *smral:aví xroba:k* (*smord-yl-j-av-Ъ xrob-ak-ъ*). Как и в предыдущем случае, здесь не вполне понятно, что могло мотивировать появление подобной номинации. Возможным объяснением может служить наличие наименований вида: *gni-l-ъ=-ak-ъ* (п. 383 — *hn'íl'ak* ‘в пне’); *gni-l-ъ=-ač-ъk-ъ* (п. 337 — *hníl'a'čok*); *gni-l-in-ъk-a* (п. 557 — *gn'íl'inka*); *pođx-ъn-o* (п. 472); *pođx-ъn-ъ=-av-ъk-a* (п. 361), которые также окказионально встречаются в материалах ОЛА. Н. А. Красовская связывает название *гнилушка* с тем фактом, «что гнилая древесина ...может светиться...», при этом указывает на материальное подтверждение того, что «светлячки могут жить в гнилушках» [Красовская 2020: 386]. Запах гниющего дерева мог быть перенесен на жуков, которые жили в подобных местах.

4.3. У следующих лексикализованных сочетаний мотивация прозрачнее. В наших широтах обитает много видов светлячков. Отдельные виды отличаются друг от друга не только специфическим способом свечения, но также окраской испускаемого света. По этим наименованиям даже можно понять, о каком виде светлячка идет речь. Вид *Phausis splendidula* L. испускает зеленоватый свет: ему, вероятно, соответствует термин *zelená muška* (Нитрянска Блатница НИТ). Вид *Lampyris postilusa* светится скорее желтым, этот желтоватый блеск мог стать мотивантом для лексикализованных сочетаний *'zlata 'mucha*, *'zlata 'muška* (Чукаловце SNI) и *zlati janik* (Рейдова ROŽ). Исследования, проведенные для ОЛА, показывают, что наименования вида *zolt-A mih-a* сохранились в сербском и хорватском говорах на территории Венгрии (пп. 152–153), а *zolt-Ъ čьrv-ъ=-ač-ъk-ъ* (п. 679) — в русских говорах.

4.4. В славянских диалектах также встречаются наименования, связанные с переносным источником света, заимствованные из неславянских языков, ср.: (*lixtar*)-*ik-ъ* (п. 430) от нем. *Leuchter* ‘подсвечник’; (*fonar*)-*ik-ъ* (п. 810) от греч. *φανάρι(ο)ν* ‘светильник’ [ОЛА 2022: 273]. Сходным образом обстоит дело с лексемой *lampás* ‘переносная лампа’ «из венг. *lám-pás*, которая происходит от лат. *lampas* ‘светильник’, далее см. *lampra*», где мы находим исходную греческую лексему *λαμπάς* ‘факел’ от *λάμπω* ‘горю, свечу’ [Králik 2015: 317]. При обследовании по Вопроснику II для ASJ 4 в спишских и шаршских говорах в качестве обозначения светлячка была зафиксирована лексема *lampás*: *lampáški šumňe švičeca* (Жакарровце GEL); *lampášk* (Мокролуг BAR). К этому же типу относится наименование, отмеченное в ČJA: *lucernička* [ČJA 2: 130].

Заключение

В результате обработки и ареалогической интерпретации полученных данных в готовящемся томе ОЛА было зафиксировано более 200 этимонов наименований светлячка. На словацком материале однословные номинации фиксируются лишь в трех населенных пунктах, в этом плане территория Словакии представлена на карте ОЛА весьма схематично. При этом нельзя отрицать, что сам ОЛА, с учетом выбранной сетки обследования, является корректным и достаточно точным атласом. Это подтверждает тот факт, что интерпретация явлений в рамках крупных лингвогеографических проектов является не целью, но средством и стимулом для дальнейших, более подробных и детальных исследований, раскрывающих специфику конкретных явлений и множество взаимосвязей в более мелких диалектных ареалах в рамках отдельных национальных языков. Именно в этом заключается смысл частных дополнительных исследований, в которых представлены как опубликованные, так и ранее не публиковавшиеся материалы исследований словацких и славянских говоров в Словакии для ASJ 4. Согласно этим данным, словацкие диалекты входят в ареал наименований, производных от праслав. *svěť-, также выявляются микроареалы номинаций, которые в ОЛА вообще не зафиксированы либо представлены как единичные и эксклюзивные. Мы стремились продемонстрировать мотивационные взаимосвязи и параллели в отдельных славянских языках и их диалектах, разнообразие и богатство которых (не только) на лексическом уровне поистине неисчерпаемо и в сущности необозримо.

Обозначения районов: BAR — Бардейов, BB — Банска Бистрица, BRE — Брезно, GAL — Галанта, GEL — Гелница, GIR — Гиралтовце, HLO — Глоговец, HUM — Гуменне, KOŠ — Кошице, LM — Липтовски Микулаш, LUČ — Лученец, MCH — Михаловце, NIT — Нитра, PDZ — Приевидза, POP — Попрад, REV — Ревуца, ROŽ - Рожнява, RS — Римауска Собота, RUŽ — Ружомберок, SNI — Снина, SNV — Спишска Нова Вес, SOB — Собранце, STR — Строкков, SVI — Свидник, ŠAL — Шаля, ŠTÚ — Штурово, TRB — Требишов, TRČ — Тренчин, VK — Вельки Кртиш, VRN — Вранов, ZVO — Зволен.

Литература

- Вопросник II — *Havoštiak A. Dotazník pre výskum slovenských nárečí. II. 1. Lexikálna časť.* Bratislava, 1964.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Красовская 2020 — *Красовская Н. А.* Название светлячка в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб., 2020. С. 382–392.
- Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- ОЛА 1 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 1. Животный мир / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва, 1988.

ОЛА 2022 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-слово-образовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир) / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.–СПб., 2022. (в печати)

ASJ 4 — Atlas slovenského jazyka. IV. Lexika. Časť druhá. Úvod — komentáre — dotazník — indexy / Zost. A. Habovštiak. Bratislava, 1984.

Buffa 2004 — *Buffa F.* Slovník šarišských nářečí. Prešov, 2004.

ČJA — Český jazykový atlas. 2 / Aut. J. Balhar a P. Jančák a dr. Elektronické, opravené a doplněné vydání, Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2012 (2. díl). Dostupné na <https://cja.ujc.cas.cz/CJA2/>.

ELKS — Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Zv. 1–2 / Ved. red. J. Botík, P. Slavkovský. Bratislava, 1995.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka / Ved. red. M. Majtán. Zv. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Králik 2015 — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Lalíková 2015 — *Lalíková T.* Mená členov Jánošíkovej družiny // Zo studnice rodnej reči. 2. Bratislava, 2014. S. 66–73.

Novák 1962 — *Novák L.* Závažnosť turčianskeho slovníka prof. Vážného pre slovenskú historickú lexikológiu // Jazykovedný časopis. 1962. Roč. 13, č. 2. S. 127–137.

Skok 1971 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. A — J. Zagreb, 1971.

SSN — Slovník slovenských nářečí / Ved. red. I. Ripka, A. Ferenčíková. Zv. I–III. Bratislava, 1994–2021.

Zechenter-Laskomerský 2010 — *Zechenter-Laskomerský G. K.* Päťdesiat rokov slovenského života. I. Bratislava, 2010.

Zgúth, Turiec 1943 — *Zgúth P. P.* Nárečové slová. (Turiec II.) // Slovenská reč. 1943. Roč. 10, č. 7–8. S. 241–246.

E. Dvornická

L'. Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences

(Bratislava, Slovakia)

lubica.dvornicka@juls.savba.sk

NAMES OF FIREFLY IN THE SLOVAK DIALECTS FROM THE MOTIVATION POINT OF VIEW

The paper presents hitherto unpublished materials from the questionnaire field research to the lexical volume of the *Atlas slovenského jazyka* (Atlas of the Slovak Language), which were obtained in response to a question focused on the folk names of firefly (glow-worm — *Lampyris noctiluca*) in the Slovak language area. The data are supplemented by other already published or yet unpublished sources. This material makes it possible to confirm the area of occurrence of folk names for firefly in the Slovak dialects

motivated by St. John's day, as it is captured in the *Slavic Linguistic Atlas* (SLA). At the same time, however, it shows micro-areas with lexical units motivated by expressions for light (and other motivations) that are either not presented by SLA at all, or appear as individual or exclusive. Several names also prove contacts of the Slovak dialects with non-Slavic languages. On the basis of the motivation of the names of the firefly, the connection or parallels in motivational factors with areas in other Slavic languages and their dialects are pointed out.

Keywords: dialectology, areal linguistics, dialect lexicon, motivation, folk names of firefly.

References

Atlas slovenského jazyka. IV. Lexika. Časť druhá. Úvod — komentáre — dotazník — indexy / Zost. A. Habovštiak. Bratislava, 1984.

Buffa F. *Slovník šarišských nářečí*. Prešov, 2004.

Český jazykový atlas. 2. Aut. J. Balhar a P. Jančák a dr. Elektronické, opravené a doplněné vydání, Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2012 (2. díl). Dostupné na <https://cja.ujc.cas.cz/CJA2/>.

Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Zv. 1–2. Ved. red. J. Botík, P. Slavkovský. Bratislava, 1995.

Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, 1997.

Havovštiak A. *Dotazník pre výskum slovenských nářečí. II. 1. Lexikálna časť*. Bratislava, 1964.

Historický slovník slovenského jazyka. Ved. red. M. Majtán. Zv. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Králik Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava, 2015.

Krasovskaya N. A. *Nazvaniye svetlyachka v russkikh govorakh* [Names of Firefly in the Russian Dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya* [Lexical Atlas of the Russian Dialects. Materials and Studies]. Ed. A. S. Myznikov. Saint Petersburg, 2020. P. 382–392.

Lalíková T. *Mená členov Jánošíkovej družiny. Zo studnice rodnej reči. 2*. Bratislava, 2014. S. 66–73.

Novák Ľ. *Závažnosť turčianskeho slovníka prof. Vážného pre slovenskú historickú lexikológiu. Jazykovedný časopis*. 1962. Roč. 13, č. 2. S. 127–137.

Obshchесlavjanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vol. 1. Zhivotnyy mir [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Animal World]. Ed. R. I. Avanesov. Moscow, 1988.

Obshchесlavjanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Slavyanskoye slovo v areal'nom kontekste (Zhivotnyy mir) [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Slavic Word in Areal Context (Animal World)]. Ed. T. I. Vendina. Moscow — Saint Petersburg, 2022. (in print)

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1. A — J. Zagreb, 1971.

Slovník slovenských nářečí. Ved. red. I. Ripka, A. Ferenčíková. Zv. I–III. Bratislava, 1994–2021.

Zechenter-Laskomerský G. K. *Päťdesiat rokov slovenského života.* I. Bratislava, 2010.

Zgúth P. P. *Nárečové slová. (Turiec II.). Slovenská reč.* 1943. Roč. 10, č. 7–8. S. 241–246.

Zhuravlyov A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'eva „Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu“* [Language and Myth. Linguistic Commentary to A. N. Afanas'ev Work „Poetic Views of the Slavs on Nature“]. Moscow, 2005.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

А. Панчевска

Центр ареальных исследований им. Божидара Видоевского
Македонская академия наук и искусств
(Северная Македония, Скопье)
angelina@manu.edu.mk

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСТРИБУЦИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ КОРНЕЙ ГЛАГОЛА СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ЗВАТЬ, ПОЗВАТЬ КОГО-ЛИБО’ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются корни глагола со значением ‘звать, позвать кого-нибудь’ на славянской языковой территории. Интерес представляют глагольные формы, производные от данных корней, их географическая дистрибуция и этимология. Для анализа используются материалы *Общеславянского лингвистического атласа*. Выделяются четыре главных корня с широким ареалом распространения: *zov-e-*, *vol-a-*, *klič-e-*, *vyk-a-*. За некоторым исключением большинство исследуемых корней имеют происхождение от единиц звукоподражательного характера.

Ключевые слова: этимология, географическая дистрибуция, ОЛА, глаголы, ‘звать, позвать кого-нибудь’, славянские языки.

На славянской территории используются несколько глаголов со значением ‘звать, позвать кого-либо’. Для рассмотрения инвентаря форм и их географической дистрибуции будут использованы материалы *Общеславянского лингвистического атласа*. Данный материал отмечен в вопросе из Вопросника «Общеславянского лингвистического атласа» под номером L 1432 «звет кого-нибудь», а его обработка представлена в *Лексическом томе № 9*, тема *Человек* (Выпуск 9. Человек / Под ред. Я. Сятковского и Я. Ваняковой. Kraków, 2009. Карта номер 66, с. 174–176).

Материал показывает, что могут быть выделены четыре основных корня, от которых образуются глаголы со значением ‘звать, позвать кого-нибудь’, имеющие широкое ареальное распространение: *zov-e-*, *vol-a-*, *klič-e-*, *vyk-a-*.

Помимо этого, ограниченное распространение имеют еще несколько корней: *guk-a-*, *jъten-*, еще реже встречаются корни *rĕk-a-*, *prav-i-*, *ok-a-*, *šum-i-*, *ruk-a-*, *gark-a-* и производные от них глаголы.

Корень *zov-e-*

Первый корень *zov-e-* употребляется, в основном, в русском языке, на большей части территории Белоруссии, в некоторых областях Украины, а также в южносла-

вянских языках, за исключением македонского и болгарского; в словенском языке этот корень встречается только в нескольких пунктах. В фонетическом варианте *zъv-/zъv-* этот корень, т. е. образованный от него глагол, распространен на украинской территории, в одном русском и двух белорусских пунктах.

Согласно словарю М. Фасмера [Фасмер II: 85], происхождение корня связывается со ст.-слав. *зъвати, зовѣ*. Также прослеживается этимологическое родство с лит. *žavėti* ‘заговаривать, очаровать’, латыш. *zavēt* ‘заговаривать, чаровать’, др.-инд. *hávati* ‘зовет’, авест. *zavaiti* ‘зовет, кличет’, арм. *jaunem* ‘посвящаю’, греч. *καυχᾶσθαι* ‘хвастать’, ирл. *guth* ‘голос’. Разделяет предположение М. Фасмера и П. Скок. Он добавляет, что согласный *z* происходит от индоевропейского палатального *ǵh* в корне *ǵhau-*, который встречается в лит. *žavėti*, в санскритском *hávate* и др. Также П. Скок предполагает, что греческая редупликация *καυχᾶσθαι* из индоевропейского **ǵhauǵhau* ‘гордиться’ имеет природу звукоподражания. Праславянское *zъv-* имеет нулевую ступень чередования, которая не имеет балтийских параллелей, а также параллелей в других индоевропейских языках [Skok III 1973: 665–666]. Р. Дерксен связывает этот глагол с индоевропейским **ǵ^huH-e-/ǵ^houH-e-* [Derksen 2008: 551].

Корень *vol-a-*

Вторым будет рассмотрен корень *vol-a-*. Согласно материалам ОЛА, он встречается в основном в западнославянских языках, а именно в польском и словацком, имеется также в нескольких пунктах на территории распространения чешского языка. Однако корень не выходит за пределы указанных ареалов и не встречается в других языках.

По мнению [Boryś 2008: 707–708], глагол с данным корнем имеет праславянское диалектное происхождение из **volati* ‘говорить громко’ и, вероятно, родственен латыш. *valoda* ‘язык, речь’. Корень означает ‘говорить громко, кричать, чтобы привлечь к себе внимание, требовать’, ‘объявлять, заявлять’. Автор указывает, что глагол встречается и в древнерусском языке *volati* ‘кричать, звать’, в украинском *volaty* ‘кричать, взывать, подталкивать’, а также диалектное белорусское *vólac’/valac’* ‘кричать’. А. Брюкнер считает, что речь идет о западнославянском глаголе, который, помимо польского, употребляется также в чешском и лужицком языках [Brückner 1985: 630]. И в словаре [Rejzek 2001: 719] находятся подтверждения существования данного корня в чешском языке, от которого производными выступают множество глаголов (префиксальных); также отмечается родство с латыш. *valoda* с оговоркой, что происхождение может связываться со звукоподражанием.

Корень *klič-e-*

Корень *klič-e-* также имеет ареал распространения на южнославянской языковой территории: он встречается в украинских и в восточно-белорусских диалектах, в направлении к югу — в словенских. Восточное и южное направление формирует компактный ареал распространения. На востоке корень может употребляться в единичных русских диалектах.

Производный от данного корня глагол *кликать*, *кличу*, согласно Фасмеру [Фасмер II: 250], имеет происхождение от праславянского **klikti*. Также отмечается родство с лит. *klikti*, *klinkù* 'взвизгнуть, вскрикнуть', затем с латыш. *kliekt* 'громко кричать' и со ср.-нж.-нем. *lī(h)en* 'говорить, сообщать'. Происхождение связывается со звукоподражанием. Похожая этимология дана и в [Bezlaĵ II: 42]. Та же версия дается и в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ 1983: 40–41], где приводятся близкие балтийские и немецкие производные звукоподражательные глаголы, а форма **kličati* 'издавать крик' связывается с **kličь* 'крик, зов'.

Корень *вук-а-*

Корень *вук-а-* имеет ограниченное употребление в западных южнославянских языках, встречается в македонском и болгарском, а также некоторых сербских и черногорских диалектах. В «Болгарском этимологическом словаре» [БЕР I: 146–147] указывается южнославянское происхождения слова, которое было образовано от основы **ū-ko-*, **ū-kā*. Также отмечается родство с лит. *ap-úokas* 'филин', латыш. *aiķa* 'шторм', заимствование в албанском — *vikás*, *vikát* 'звать'. Глагол с данным корнем БЕР связывает с глаголом *вие* — *вия* 'издавать сильный пронзительный звук, завывание', 'охать от боли'. Встречается и в других славянских языках. Считается, что глагол происходит от индоевропейского *ū* с первичным значением 'кричать у-у', который имеет родство со др.-инд. вед. *ūtih* 'крик', ср.-верх.-нем. *ūwila* 'кукушка', англосаксонского *úle* и англ. *owl* 'филин' и др. [БЕР I: 158–159]. В [Miklosich 1886: 397] указывается связь корня *вук-* с *ву-*, от которого происходит глагол *вие*. Как было упомянуто ранее, предполагается, что глаголы, имеющие происхождение от корня *вук-*, распространены в южнославянских языках (*viknuti*, *vikati*, *vijuknuti* : *вучь*, *выть*, *вүти*). На это указывает и П. Скок, говоря, что они употребляются только в южнославянских языках (здесь он называет македонский и болгарский) и что глагол праславянский, но не встречается в старославянском [Skok III: 592]. В [Buck 1988: 1251] есть версия, что данный глагол имеет более позднее происхождение по сравнению с глаголом *kričati*, и автор связывает его со старославянским *вүти* (по данным Ф. Миклошича и А. Брюкнера).

Другие корни с меньшим ареалом употребления

Рассмотрим остальные корни, которые не имеют широкого ареала употребления на славянской территории.

Прежде всего, назовем корень *ГУк-а*, который принадлежит компактному ареалу русской и украинской территории. Этот глагол Фасмер связывает с *гук* 'приглушенный звук, крик филина', и от него производным является глагол *гукать*, который он отмечает в украинском, белорусском, а также в южнославянских языках. Глагол является звукоподражательным, происходит от звука *гу!*. Согласно Фасмеру, вероятней всего прослеживается связь со словом *говор* [Фасмер I: 472].

Глагол от основы *јѣтє-* употребляется на чешской территории. Происходит от праславянского существительного *јѣтє* 'имя' [Rejzek 2001: 253]. Рассматривая форму **јѣтє* (*јѣтєно*), В. Махек [Machek 1968: 230–231] упоминает др.-инд. *nāma*,

лат. *pōten*, гот. *patō*, формы с начальным **pō-*, однако добавляет, что связь между ними не прослеживается четко.

Также ограничено употребление на чешской территории производный глагол от корня *rěk-a-*. Согласно [Rejzek 2001: 552], глагол происходит от праславянских **rykati*, **ryčeti*, имеющих звукоподражательную основу от корня **rū-*. В. Махек утверждает, что этот глагол обозначает зов, крик животных, рычание, и речь идет об общеславянском глаголе, который может иметь связь с лит. *rākti*, латыш. *rūkt*. [Machek 1968: 527].

Также на чешской территории образуются глаголы от корня *prav-i-*. В словаре [Rejzek 2001: 552] его происхождение объясняется через праславянское **praviti*, полученное из **pravъ* ‘настоящий, истинный’ со значением ‘говорить правду’ [Rejzek 2001: 496–497]. Похожую этимологию выводит и [Boryś 2008: 480], отмечая праславянское **praviti* со значением ‘делает что-то просто, исправляет, корректирует и др.’, производный от **pravъ* ‘прямой, правильный...’.

В болгарских говорах употребляется глагол, производный от корня *ok-a-*. В БЕР этот глагол со значением ‘кричать, говорить громко; звать кого-нибудь’ обозначен как звукоподражательный, его происхождение связывается с *ok*. Согласно [БЕР IV 2012: 829–830], в болгарском языке существуют похожие звукоподражательные глаголы: *хокам, укам, хукам*.

В нескольких отдаленных пунктах русской территории встречается производный глагол от корня *šum-i-*. По материалам словаря Фасмера [Фасмер IV: 486] из корня *шум* образуются глаголы *шуметь, шумлю*, этот корень встречается и в других славянских языках. Вероятно, он родственен др.-инд. *kāuti* ‘кричать, вопить’, а также лит. *šaikti, šaukiù* ‘кричать, громко звать’, чье происхождение связано с индоевропейским корнем **k(ʷ)ěu-* ‘завывать, кричать, вопить’ [Snoj 2016: 767].

Глагол с корнем *ruk-a-* ограничен в употреблении территорией южных болгарских говоров, однако его можно назвать продуктивным. Согласно БЕР, глагол имеет звукоподражательный характер и происходит от индоевропейского **rue-*, **rū-*, ср. лит. *rūkti*, латыш. *rūkt* ‘рык, рычание’, др.-инд. *ruvāti*, лат. *rumor, ravus, raucus* [БЕР VI: 340–341]. Этот корень имеет общее происхождение с корнем *rěk-a-*.

По материалам ОЛД последний корень, от которого образуется глагол с данным значением, имеет самый ограниченный ареал распространения и встречается в русских говорах. Корень *gark-a-* также происходит от корня звукоподражательной природы и встречается в других славянских языках, согласно Фасмеру (болг. *гаракам* ‘производить шум’, чеш. *hrkati* ‘звать’, словен. *grkati* ‘звать’ и др.). Проводятся параллели с латыш. *gārkt, gārgt* ‘храпеть, тяжело дышать’, со лит. *gargėti*, ‘журчать’, *garguoti* ‘тяжело дышать’ [Фасмер I: 393–394].

После краткого анализа инвентаря глаголов со значением ‘звать, позвать кого-нибудь’, которые предлагает *Общеславянский лингвистический атлас*, можно сделать вывод, что на славянском языковом ареале в основном функционируют глаголы, производные от четырех корней; меньший охват имеют еще несколько корней, которые ограничены территорией распространения отдельных языков. Общим для них является звукоподражательное начало. Исключением являются корни *jьmen-*, *prav-i-* и *šum-i-*.

Литература

- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев и др. Т. 1–8–. София, 1971–2017–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 9. Человек / Ред. J. Siatkowski, J. Waniakowa, Kraków, 2009.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 2-ое. М., 1986–1987.
- Bezlaj — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.
- Boryś 2008 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 2008.
- Brückner 1985 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Buck 1988 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European. Chicago, 1988.
- Derksen 2008 — *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden — Boston, 2008.
- Machek 1968 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1968.
- Miklosich 1886 — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Rejzek 2001 — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Vožice, 2001.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Snoj 2016 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.

A. Panchevska

*Research Centre for Areal Linguistics “Božidar Vidoeski”,
Macedonian Academy of Sciences and Arts
(North Macedonia, Skopje)
angelina@manu.edu.mk*

GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION AND ETYMOLOGY OF THE ROOTS OF THE VERB MEANING ‘TO CALL SOMEONE’ IN THE SLAVIC LANGUAGES

The article deals with the geographical distribution and etymology of the verbs that mean ‘to call someone’ which are used in the Slavic language territory. The linguistic

material from *The Slavic Linguistic Atlas* shows that mainly four roots are used for deriving in the largest areas: *zov-e-*, *vol-a-*, *klič-e-*, *vyk-a-*. The remaining roots/verbs are located in smaller areas, usually within one language territory. Etymologically, most verbs, almost all, have in common that their origin is onomatopoeic. Only three verb roots are exceptions — *jьmen-*, *prav-i-* and *šum-i-*.

Keywords: etymology, geographical distribution, verb ‘to call someone’, Slavic languages.

References

- Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.
- Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow, 2008.
- Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985.
- Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European*. Chicago, 1988.
- Bylgarski etimologičen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Eds. V. I. Georgiev etc. Vols. 1–8–. Sofia, 1971–2017–.
- Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden — Boston, 2008.
- Etimologičeskiy slovar’ slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond)* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Vols. 1–42–. Eds. O. N. Trubachev etc. Moscow, 1974–2021–.
- Fasmer M. *Etimologičeskiy slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. 2nd ed. Vols. I–IV. Moscow, 1986–1987.
- Machek V. *Etimologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1968.
- Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen*. Wien, 1886.
- Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 9. Chelovek* [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-formational Series. Vol. 9. Man]. Eds. J. Siatkowski, J. Waniakowa. Kraków, 2009.
- Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Vožice, 2001.
- Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, 2016.

Перевод с македонского Н. И. Кикило

Т. В. Шалаева
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
koulkuk@gmail.com

СЛАВЯНО-РУМЫНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Статья посвящена анализу распространения лексических заимствований из румынского языка в славянские диалекты на основе данных «Общеславянского лингвистического атласа» с привлечением сведений из «Общекарпатского диалектологического атласа». В результате, делаются выводы о происхождении отдельных славянских форм, а именно прилагательного *škrt* ‘жадный, скупой’ и обозначений металлических деталей плуга с внутренней формой «железо» (**želězo*, **želězko*, **gvozdje* и др.).

Ключевые слова: славянская лингвогеография, этимология, «Общеславянский лингвистический атлас», «Общекарпатский диалектологический атлас».

Всестороннее изучение истории и диалектологии языка невозможно без обращения к его связям с соседствующими языками. Этот аспект особенно наглядно проявляется в лингвогеографии, когда объектом картографирования является или целая языковая группа (пример — «Общеславянский лингвистический атлас»), или территориально смежные родственные и неродственные языки (пример — «Общекарпатский диалектологический атлас»).

Наше исследование посвящено славяно-румынским лексическим связям, а именно анализу географического распространения и количественной представленности румынизмов в славянских языках. Также оно предполагает некоторые выводы о возможном привлечении полученных результатов при этимологизации славянской лексики.

Материалом для анализа послужили сведения «Общеславянского лингвистического атласа» (9 томов лексико-словообразовательной серии)¹, которые позволяют

¹ Изучение локализации румынизмов в славянских диалектах на материале всего корпуса опубликованных томов ОЛА производится впервые, ранее этот вопрос рассматривался в рамках одного тома «Профессии и общественная жизнь» [Siatkowski 2004: 119–120]. Кроме того, каждый том лексико-словообразовательной серии ОЛА включает сводные карты заимствований из различных языков, в том числе из румынского [Вендина 2019: 303–304].

наглядно показать влияние румынского языка на значительную часть славянского языкового континуума, в то время как работы, посвященные конкретным славянским языкам и диалектам, (монографии, словари, атласы) описывают его частные связи с отдельными славянскими идиомами.

На карте-схеме № 1 очерчен ареал распространения румынских заимствований в славянских языках: его центр локализуется в северных болгарских, северо-восточных сербских и юго-западных украинских говорах, непосредственно граничащих с румынским языком, а также в восточных словацких диалектах. Менее часто, но регулярно румынизмы фиксируются на остальной территории Болгарии, Украины и Словакии, на востоке Сербии, в Македонии, на востоке Чехии и на юге Польши. Кроме того наиболее массово румынский элемент ожидаемо представлен в лексике славянских диалектов в Румынии и Молдавии, конкретно в болгарских, сербских и украинских населенных пунктах.

Подобные сведения о географии распространения лексических заимствований из соседних языков могут быть использованы при определении происхождения отдельных славянских слов. Авторы «Общекарпатского диалектологического атласа» писали по этому поводу следующее: «Несомненное преимущество «Общекарпатского диалектологического атласа» состоит в том, что особая его направленность позволяет с большой степенью точности изучать ареал тех или иных исконных и заимствованных лексических единиц (и их семантику) одновременно во всех славянских диалектах макрзоны, что особенно важно во втором случае, так как более надежным оказывается установление источника иррадиации заимствования из неславянского (румынского, венгерского и под.) лингвистического пространства, которое отделяет (разделяет) северную (карпатскую) и южную (балканскую) части Славии и вместе с тем одновременно соединяет их, выступая с качестве медиатора» [Бернштейн 2000а: 258].

Например, изучение локализации унгаризмов на славянской территории по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» позволило атрибутировать как венгерские заимствования следующие глаголы: укр. диал. *фiт'кати* 'свистеть', хорв. *fićkati, fućkati* 'то же', словен. *fūčkati, fūckati* 'то же'. Они, очевидно, представляют собой дериваты венгерского корня *-fűty-/fity-* (ср. венг. *fűtyül* 'свистеть'), будучи известными исключительно на юго-западе Украины, на востоке Словении и на севере Хорватии, то есть в славянских диалектах, вобравших в себя наибольшее количество венгерских слов [Vaščenkóvá — Šalajevoúá 2019: 362; Ващенко — Шалаева 2020: 168–169]. То же происхождение весьма вероятно и для формы *kukurica* 'растение кукуруза', отмечаемой исключительно в словенских говорах на востоке Словении и в Венгрии, а также в хорватских говорах в Австрии и в Венгрии. А именно, по-видимому, она представляет собой заимствование из венгерского языка, в котором лексема *kukurica* употребляется как фонетический вариант от *kukurica*, в свою очередь заимствованной из славянских языков, ср. чешск. диал., словац. диал., польск. диал. *kukurica* [Vaščenkóvá — Šalajevoúá 2019: 362–363; Ващенко — Шалаева 2020: 169].

Представляется, что изучение ареала и румынской по происхождению лексики может быть полезным для славянской этимологии. «Внимание к румынским заимствованиям объясняется тем, что славяно-румынские контакты и взаимоотношения в карпатской (и шире — карпато-балканской) микронеоне осуществлялись — в различной форме и с разной степенью интенсивности — на протяжении почти полутора тысячелетий (и продолжают до сих пор)» [Клепикова 1998: 170]. «Очевидно, что исследователь “карпатизмов” не должен ограничиваться только славянскими языками. В этом отношении очень велика роль румынского языка, который не только территориально объединяет украинские и болгарские “карпатизмы”, но и сам является источником многих “карпатизмов” и “балканизмов”» [Бернштейн 2000б: 125].

Так, в южно- и западнославянских языках известен корень *-škr̥t-* (ср. словен. *škr̥t* ‘жадный, скупой’, серб., хорв. *škr̥t* ‘то же’, макед. *шкрт* ‘то же’, чешск. *škrtit* ‘скряжничать’). П. Скок предположил его генетическую связь с румынским прилагательным *scurt* ‘короткий’ (арумын. *șcurtu* ‘то же’), выводимого из лат. *excurtāre* ‘сокращать’ от *curtus* ‘короткий’ или напрямую из *curtus* [Skok II: 244–245; Skok III: 403–404; ОЛА 12: 205–206; Ciorănescu 2007: 701; Papahagi 2013: 1148]. Эта гипотеза признается несостоятельной с точки зрения и структуры, и семантики, поскольку есть вполне надежные основания считать прилагательное *škr̥t* ‘жадный, скупой’ продолжением праславянского имени **škr̥tьь* (**škr̥tьь*) [Machek 1957: 504; Gluhak 1993: 611; Furlan 2005: 76]. Лингвогеография, в свою очередь, дает наглядное опровержение версии П. Скока, так как на южнославянской территории *škr̥t* ‘жадный, скупой’ и его дериваты известны в словенском, хорватском, сербском и македонском языках, в то время как на юге Славии румынизмы локализуются в большинстве случаев в болгарском, македонском и северо-восточных диалектах сербского (см. выше). Следовательно, вопрос о румынских истоках славянского *škr̥t* снимается окончательно.

Однако интересным представляется тот факт, что в славянских диалектах карпато-балканского ареала тем не менее присутствуют формы, родственные рум. *scurt* ‘короткий’: это укр. диал. *къртій* ‘короткий’, словац. диал. *kurtý* ‘то же’, ‘низкорослый (о человеке)’, которые были заимствованы из венгерского языка (ср. венг. *kurta* ‘короткий’), куда в свою очередь проникли из средневековой латыни, см. выше лат. *curtus* ‘короткий’ [Benkő 1993: 852; Клепикова 1985: 88; Клепикова 2004: 83; ЕСУМ III: 158; Machek 1957: 249; SSN I: 914]. В южнославянских языках дериваты того же корня представлены, в частности, в виде хорв. *kürtast*, *kürtav* ‘короткий, укороченный’, словен. *kürtast* ‘то же’, возводимых к лат. *curtus* ‘короткий’, возможно, через посредство итал. *corto* ‘то же’ [Клепикова 2004: 83; ЕСУМ III: 158; Skok II: 244–245; Bezljaj II: 114]. Но значения ‘жадный, скупой’, вопреки П. Скоку, указанные лексемы ни в одном из диалектов не развивают.

Одной из задач этимологии является определение внутренней формы слова, если она по каким-то причинам затемнена. Рассмотрение лексики неродственных языков, реализующей идентичные первичные признаки номинации, считается

эффективным при определении происхождения словарного состава языка. Хотя этот подход далеко не всегда предполагает однозначное решение вопроса о конкретном этимоне: «наличие славяно-неславянских параллелей в сфере мотивационных признаков... может интерпретироваться или как общее наследие индоевропейского прасостояния..., или как заимствование из славянского в неславянский и vice versa (=калькирование), или, наконец, как конкретная реализация процесса формирования языковой общности конвергентного типа через появление отдельных фрагментов в лексико-семантической сфере» [Бернштейн 2000а: 270].

В этом отношении при изучении славяно-румынских лексических связей очень показательны материалы «Общекарпатского диалектологического атласа». Так, они содержат названия насекомого божья коровка (*Coccinella*), многие из которых имеют мотивацию «коровка (корова) Бога» (польск., словац., укр.) или «овечка Бога» (польск., чешск. морав.). Тот же мотивационный признак отражен в румынских обозначениях этого насекомого [Там же; Клепикова 1992: 127–128]. «Пространственная дистанцированность славянских и романских форм допускает амбивалентную интерпретацию, исходящую, с одной стороны, из их внутренней связи (при том, что центром иррадиации могут быть признаны славянские диалекты), а с другой — из предположения о независимом и параллельном возникновении данного признака в романском и славянском лингвистическом пространстве» [Бернштейн 2000а: 271]. Сходное толкование предлагается и для источника мотивационного признака «обращенность к солнцу» в наименованиях склона горы, освещенного солнцем. Он представлен в польских, чешских моравских, словацких, украинских, сербохорватских и румынских говорах [Там же].

В качестве примера заимствования румынским языком славянской внутренней формы авторы «Общекарпатского диалектологического атласа» приводят названия отвала плуга (металлической пластины, откидывающей на бок поднятый пласт земли), где первичным признаком номинации является «доска». Он характерен для польского, чешского (моравские говоры), словацкого, украинского (Закарпатье), сербохорватского, македонского и румынского языков [Там же; Клепикова 1992: 126–127].

Обратное направление заимствования усматривается в обозначениях чересла, или предплужника, — части плуга, которая подрезает землю, располагаясь в передней части лемеха, то есть нижней металлической детали, на которой плуг движется по дну борозды. По данным «Общекарпатского диалектологического атласа», мотивация «железо» свойственна восточнословацким (*spodnie železo*), карпатоукраинским (*perédne želizo*, *dólge želizo*) и румынским говорам (*fier*, *sier* «железо», *sier lung* «длинное железо»). «Соотношение ареалов и их характеристики указывают на первичность использования данной «внутренней формы» в восточнороманском диалектном континууме и затем — калькирование ее в славянских говорах» [Бернштейн 2000а: 271–272; Клепикова 1992: 126]. При этом семантическое развитие в данном наименовании трактуется как метонимический переход от «материал (из которого изготовлен предмет)» к «предмет (из этого материала)» [Клепикова 1992: 129]. В добавление к приведенным румынским диалектным обозначениям

предплужника можно указать следующие²: *fierul al mare* «большое железо»; *fierul al mic* «малое железо»; *fierul plugului*, *serul plugului* «плужное железо»; *serul dinainte*, *fierul dinainte* «переднее железо»; *fierul plugului dinainte* «переднее плужное железо» [ALR I: карта № 19]; а также аналогичные названия лемеха: *seră*, *sere* «железо»; *ser lat*, *herul (serul) cel lat* «широкое железо»; *serul cel mic* «малое железо»; *ser de plug*, *sierul plugului* «железо плуга, плужное железо»; *ureta de la sier* «плуг из железа, железный плуг» [ALRG III: карта № 843].

Однако материалы «Общеславянского лингвистического атласа», более обширные, чем данные «Общекарпатского диалектологического атласа», позволяют пересмотреть версию Г. П. Клепиковой. А именно в томе ОЛА «Сельское хозяйство» на карте «Железная часть плуга, которая подрезает землю снизу» лексемы **želězo*, **želězko*, **gvozdje* и словосочетания с ними представлены в том числе за пределами преимущественного влияния румынского языка — в западных чешских, словенских и хорватских говорах (см. карту-схему № 2)³. Также они фиксируются на юго-западе Украины, в Словакии, на востоке Чехии и на юго-западе Польши. При том что указанные диалекты регулярно объединяются общими исконно славянскими изоглоссами [Ващенко — Шалаева 2018: 80–81]⁴. Следовательно, есть основания полагать, что и названия металлических частей плуга с внутренней формой «железо» представляют собой славянские образования, которые были калькированы румынским и венгерским языками (ср. венг. *ekevas* ‘лемех’, буквально «плужное железо», *szántóvas* ‘то же’, буквально «пахотное железо», *czúszovas* ‘то же’, буквально «скользящее железо», *laposvas* ‘то же’, буквально «плоское железо» [Там же; МНУА I: карты №№ 126–127]).

Тем не менее обращает на себя внимание характер территориального распределения славянских форм **želězo*, **želězko*, **gvozdje*, с одной стороны, и содержащих их описательных конструкций — с другой. А именно однословные наименования представлены более широко: в чешских, словацких, юго-западных польских, юго-западных украинских (в том числе в Румынии), словенских (в том числе в Австрии) и северных хорватских говорах (в том числе в Венгрии) (см. карту-схему № 3). В то время как названия плуга типа **plužьno želězo*, **plugovo želězo*, **želězo oť pluga*, **ořьno želězo*, **jьzpodьno želězo*, **široko želězo*, **oźьko želězo* свойственны меньшему числу диалектов и ареально ограничены южными словацкими (в том числе в Венгрии), юго-западными украинскими, восточными словенскими

² Благодарю П. Дембовяка за консультации по румынскому материалу.

³ Карты-схемы №№ 2–4 составлены по материалам карты № 31 по вопросу L 563 ‘железная часть плуга, которая подрезает землю снизу’, автор — Ф. Климчук [ОЛА 4: 94–95].

⁴ «Сравнительное изучение современных славянских говоров Карпат и говоров болгарского и сербохорватского языков... как будто дает основания утверждать, что разобщение славянского населения Карпат и Балкан охватило прежде всего латеральные зоны. Наиболее устойчивой связью была в центральном районе... Именно центральный район северной границы южнославянского ареала в наибольшей степени связан с центральным районом южной границы северо-восточного ареала» [Бернштейн 2000в: 173].

и хорватскими говорами в Австрии (см. карту-схему № 4). То есть указанные словосочетания концентрируются вблизи венгерской и румынской границ, что может навести на мысль об их связи с лексикой соответствующих языков, на что указывает Г. П. Клепикова (см. выше).

Однако в качестве контраргументов здесь можно, во-первых, повторить тезис о типичности для данной территории славянских изоглосс, объединяющих юг западно- и восточнославянских языков и север южнославянских. Во-вторых, показательно, что лексемы типа **želězo*, **želězko* образуют более обширный, чем румынизмы, ареал (см. выше). В-третьих, во многих славянских языках, не граничащих с венгерским и румынским, имеются однословные обозначения лемеха, которые содержат тот же корень, что и прилагательные в приведенных выше словосочетаниях. В их число входят, например, дериваты корня **or-* (см. выше **orьno želězo*): **ordľnikъ* (словен., серб., болг., макед., русск.), **obordľnikъ* (серб., макед., русск.), **ordlica* (чешск., луж.), **ordlo* (хорв.) [ОЛА 4: 94–95]. Также известны названия лемеха с корнем **pod-* и префиксом **podъ-* (см. выше **ъьzpodьno želězo*): русск., укр. *сподок* [Там же; Никончук 1985: 103–104], укр. *подошва, підошва, подошва* [Никончук 1985: 103–104] — и с синонимичным корнем **peť-*: русск., укр. *пятá* [СРНГ 33: 217; Никончук 1985: 103–104], русск., укр., белорус. *пятка* [СРНГ 33: 228; Никончук 1985: 103–104; ОЛА 4: 94–95], ср. также венг. *eketalp* ‘лемех’, буквально «подошва плуга».

Таким образом, кажется, есть основания говорить об исконно славянском происхождении названий металлических частей плуга с внутренней формой «железо» и об их дальнейшем усвоении венгерским и румынским языками. Выше были упомянуты три возможные толкования происхождения мотивационных признаков, объединяющих славянскую и неславянскую лексику: индоевропейское наследие, калькирование и конвергентные лексико-семантические процессы в соседствующих языках. Первый вариант интерпретации оказывается здесь неприемлемым ввиду наличия венгерских параллелей. Следовательно, в случае с ‘лемехом’ мы останавливаемся на втором. Однако, учитывая географию распространения славянских описательных конструкций, нельзя исключать вероятности их появления, вместе с румыно-венгерскими соответствиями, в результате общих для территориально смежных языков процессов: «Система номинации включает различные способы, важнейшим из них — в плане функционирования языковой общности конвергентного типа — является именно способ, базирующийся на общности внутренней формы слова. На определенном этапе постепенно формирующийся корпус общих внутренних форм может быть представлен как сема-ономасиологический сегмент модели лексико-семантической структуры языковой общности, которая, в большей или меньшей мере, начинает воздействовать на структуру отдельных языковых идиомов..., что проявляется, например, в смене и — далее — унификации мотивационных признаков» [Клепикова 1992: 129]. Весьма вероятно, что и анализируемые пахотные термины возникли вследствие действия подобного унифицированного механизма номинации.

Таким образом, рассмотрение словарного состава всех славянских языков вместе с данными соседствующих с ними идиомов в лингвогеографическом и этимологическом аспектах позволяет анализировать происхождение лексики с новых позиций и предлагать новые решения относительно ее генезиса.

Литература

Бернштейн 2000а — *Бернштейн С. Б., Видоески Б., Клепикова Г. П., Рипка И., Сятковский Я.* Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным «Общекарпатского диалектологического атласа») // С. Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии: Сборник статей / Отв. ред. А. Ф. Журавлев, Г. П. Клепикова. М., 2000. С. 255–280.

Бернштейн 2000б — *Бернштейн С. Б.* Карпатский диалектологический атлас // С. Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии: Сборник статей / Отв. ред. А. Ф. Журавлев, Г. П. Клепикова. М., 2000. С. 115–132.

Бернштейн 2000в — *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии // С. Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии: Сборник статей / Отв. ред. А. Ф. Журавлев, Г. П. Клепикова. М., 2000. С. 160–178.

Ващенко — Шалаева 2018 — *Ващенко Д. Ю., Шалаева Т. В.* Славяно-венгерские лексические связи в области земледельческой терминологии (на материале «Общеславянского лингвистического атласа» и «Венгерского диалектного атласа») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XV. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2018. С. 78–99.

Ващенко — Шалаева 2020 — *Ващенко Д. Ю., Шалаева Т. В.* Данные венгерского языка в славянской этимологии // *Jezikoslovni zapiski*. 26. 2020. 1. S. 163–185.

Вендина 2019 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас и культурологическая география // *Prace filologiczne*. Т. LXXIV. 2019. S. 301–313.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

Клепикова 1985 — *Клепикова Г. П.* К проблеме взаимоотношений языков центральной и периферийной зон балкано-карпатского ареала // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1985. С. 68–99.

Клепикова 1992 — *Клепикова Г. П.* Балкано-карпатская специфика в сфере «внутренней формы» слова: возможности интерпретации // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения — I. М., 1992. С. 125–132.

Клепикова 1998 — *Клепикова Г. П.* Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект // Исследования по славянской диалектологии 5: Актуальные проблемы славянской лингвогеографии / Отв. ред. Г. П. Клепикова. М., 1998. С. 168–265.

Клепикова 2004 — *Клепикова Г. П.* Рекартографирование в Общекарпатском диалектологическом атласе (=ОКДА) // Исследования по славянской диалекто-

гии 9: Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2004. С. 71–92.

Никончук 1985 — *Никончук М. В.* Сільськогосподарська лексика правобережного Полісся. Київ, 1985.

ОЛА 4 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 4. Сельское хозяйство / Отв. ред. А. Ференчикова. Братислава, 2012.

ОЛА 12 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12. Личные черты человека / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.–СПб., 2020.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Т. 1–52–. М.–Л.–СПб., 1965–2022–.

ALR I — Atlasul lingvistic român. Serie nouă. Vol. I. Bucuresti, 1956.

ALRG — Atlasul linguistic roman pe regiuni. Maramureș. Vol. III. Bucuresti, 1973.

Benkö 1993 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. L. Benkö. Band 1. Budapest, 1993.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Eimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Ciorănescu 2007 — *Ciorănescu A.* Dicționarul Etimologic al Limbii Române / Ediție îngrijită și traducere din limba spaniolă: T. Șandre Mehedinți, M. Popescu Marin. București, 2007.

Furlan 2005 — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika / Avtorji F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan. Ured. M. Snoj, M. Furlan. Knj. IV. Ljubljana, 2005.

Gluhak 1993 — *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.

Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

MNYA — A Magyar nyelvjárások atlasza. I–VI rész. Budapest, 1968–1970.

Papahagi 2013 — *Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân: general și etimologic / Ed. N. Saramandu, M. Nevaci. București, 2013.

Siatkowski 2004 — *Siatkowski J.* Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym. Warszawa, 2004.

Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

SSN — Slovník slovenských nářečí / Red. A. Ferenčíková, I. Ripka. T. I–II–. Bratislava, 1998–2006–.

Vaščenková — Šalajevová 2019 — *Vaščenková D. J., Šalajevová T. V.* Slovanské lexikální izoglosy na slovansko-maďarské hranici (na materiálu Slovanského lingvističkéhoatlasu a Atlasu maďarských dialektů) // Valaško: Historie a kultura II. Obživa / Eds.: S. Urbanová, L. Dokoupil, J. Ivánek, P. Pumpr. Ostrava, 2019. S. 357–365.

T. V. Shalaeva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

koulkuk@gmail.com

SLAVIC-ROMANIAN LEXICAL RELATIONS FROM LINGUISTIC GEOGRAPHY PERSPECTIVE

The paper deals with the analysis of the Romanian loan word distribution in the Slavic dialects on the basis of “Slavic linguistic atlas” and “Carpathian dialect atlas”. As a result, the conclusions on some Slavic word origin are made, namely of the adjective *škrt* ‘greedy’ and of the names for metal plough details with the inner form “iron” (**želězo*, **želězko*, **gvozdje* etc.).

Keywords: Slavic linguistic geography, etymology, “Slavic linguistic atlas”, “Carpathian dialect atlas”.

References

A Magyar nyelvjárások atlasza. I–VI rész. Budapest, 1968–1970.

Atlasul linguistic roman pe regiuni. Maramureş. Vol. III. Bucuresti, 1973.

Atlasul lingvistic romîn. Serie nouă. Vol. I. Bucuresti, 1956.

Bernshteyn S. B., Vidoeski B., Klepikova G. P., Ripka I., Syatkovkiy Ya. *Problemy differentsii slavyanskogo dialektnogo landshafta (po dannym “Obshcheshlavyanskogo dialektologicheskogo atlasa”)* [Problems of the Slavic Dialect Landscape Differentiation (according to “Carpathian Dialect Atlas”)]. S. B. Bernshteyn. *Iz problematiki dialektopogii i lingvogeografii: Sbornik statey* [From the Problem of Dialectology and Linguistic Geography: Collection of Articles]. Eds. A. F. Zhuravlyov, G. P. Klepikova. Moscow, 2000. P. 255–280.

Bernshteyn S. B. *Karpatskiy dialektologicheskii atlas* [Carpathian Dialect Atlas]. S. B. Bernshteyn. *Iz problematiki dialektopogii i lingvogeografii: Sbornik statey* [From the Problem of Dialectology and Linguistic Geography: Collection of Articles]. Eds. A. F. Zhuravlyov, G. P. Klepikova. Moscow, 2000. P. 115–132.

Bernshteyn S. B. *Problemy interferentsii yazykov karpato-dunayskogo areala v svete dannikh sravnital'noy dialektologii* [Problems of Language Interference of Carpathian-Danubian Area in light of Comparative Dialectology]. S. B. Bernshteyn. *Iz problematiki dialektopogii i lingvogeografii: Sbornik statey* [From the Problem of Dialectology and Linguistic Geography: Collection of Articles]. Eds. A. F. Zhuravlyov, G. P. Klepikova. Moscow, 2000. P. 160–178.

Bezljaj F. *Eimološki slovar slovenskega jezika.* Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Ciorănescu A. *Dicţionarul Etimologic al Limbii Române.* Ediţie îngrijită şi traducere din limba spaniolă: T. Şandre Mehedinţi, M. Popescu Marin. Bucureşti, 2007.

Etymologichnyy slovnyk ukrains'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nichuk. Vols. 1–6. Kyiv, 1982–2012.

Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Ed. L. Benkö. Band 1. Budapest, 1993.

Gluhak A. *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb, 1993.

Klepikova G. P. *K problem vzaimootnosheniy yazykov central'noy i periferiynoy zon balkano-karpatskogo areala* [On the Problem of Relationships of the Central and Peripheral Zones in the Balcan-Carpathian Area]. *Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya*. 1982 [Slavic Linguistic Atlas: Materials and Studies. 1982]. Ed. V. V. Ivanov. Moscow, 1985. P. 68–99.

Klepikova G. P. *Balkano-karpatskaya specifika v sfere "vnutrenney formy" slova: vozmozhnosti interpretatsii* [Balcan-Carpathian Specificity in "Inner Form" of the Word: Interpretational Possibilities]. *Obraz mira v slove i rituale. Balkanskiye chteniya — I* [World Image in the Word and the Ritual. Balkan Reading — I]. Moscow, 1992. P. 125–132.

Klepikova G. P. *Izoglossy rumynskikh zaimstvovaniy v slavyanskikh dialektakh karpatskogo areala — tipologicheskii aspekt* [Romanian Loanword Isoglosses in the Slavic Carpathian Dialects — Typological Aspect]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii 5: Aktual'nyye problemy slavyanskoy lingvogeografii* [Slavic Dialectology Studies 5: Current Problems of the Slavic Linguistic Geography]. Ed. G. P. Klepikova. Moscow, 1998. P. 168–265.

Klepikova G. P. *Rekartografirovaniye v Obshchekarpatskom dialektologicheskom atlase (=OKDA)* [Remapping in the Carpathian Dialect Atlas (=CDA)]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii 9: Metody izucheniya teritorial'nykh i sotsial'nykh dialektov. K itogam opyta slavyanskoy dialektologii XX v.* [Slavic Dialectology Studies 9: Methods of Territorial and Social Dialect Research. To the Slavic Dialectology Resumes of the 20th century]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 2004. P. 71–92.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957.

Nikonchuk M. V. *Silyskogospodars'ka leskika pravoberezhnogo Polissya* [Agricultural Vocabulary of Right-bank Polesie]. Kyiv, 1985.

Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 4. Sel'skoye khozyaystvo [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Vol. 4. Agriculture]. Eds. A. Ferenciková etc. Bratislava, 2012.

Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 12. Lichnye cherty cheloveka [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Vol. 12. Personal Characteristics]. Ed. T. I. Vendina. Moscow — Saint Petersburg, 2020.

Papahagi T. *Dicționarul dialectului aromân: general și etimologic*. Eds. N. Sarmandu, M. Nevaci. București, 2013.

Siatkowski J. *Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. Warszawa, 2004.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of the Russian Folk Dialects]. Eds. F. P. Filin etc. Vols. 1–52–. Moscow — Leningrad — Saint Petersburg, 1965–2022–.

Slovník slovenských nářečí. Eds. A. Ferenčíková, I. Ripka. T. I–II–. Bratislava, 1998–2006–.

Vashchenko D. Yu., Shalayeva T. V. *Slavyano-vengerskiye leksicheskiye svyazi v oblasti zemledel'cheskoy terminologii (na material "Obshcheshlavyanskogo lingvisticheskogo atlasa" i "Vengerskogo dialektного atlasa")* [Slavic-Hungarian Lexical Relations in Agricultural Terminology (on the Material of "Slavic linguistic atlas" and "Hungarian dialect atlas")] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. XV. Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. XV. Slavic Linguistic Atlas: Materials and Studies]. Ed. T. I. Vendina. Moscow, 2018. P. 78–99.

Vashchenko D. Yu., Shalayeva T. V. *Dannyye vengerskogo yazyka v slavyanskoy etimologii* [Hungarian Language Data in the Slavic Etymology]. *Jezikoslovni zapiski*. 26. 2020. 1. P. 163–185.

Vaščenková D. J., Šalajevová T. V. *Slovanské lexikální izoglosy na slovansko-maďarské hranici (na materiálu Slovanského lingvistického atlasu a Atlasu maďarských dialektů)*. Valašsko: Historie a kultura II. Obživa. Eds.: S. Urbanová, L. Dokoupil, J. Ivánek, P. Pumpr. Ostrava, 2019. S. 357–365.

Vendina T. I. *Obshcheshlavyanskiy lingvisticheskiy atlas i kul'turologicheskaya geografiya* [Slavic Linguistic Atlas and Cultural Geography]. *Prace filologiczne*. T. LXXIV. 2019. P. 301–313.

Карта-схема № 1

Распространение румынизмов в славянских языках

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

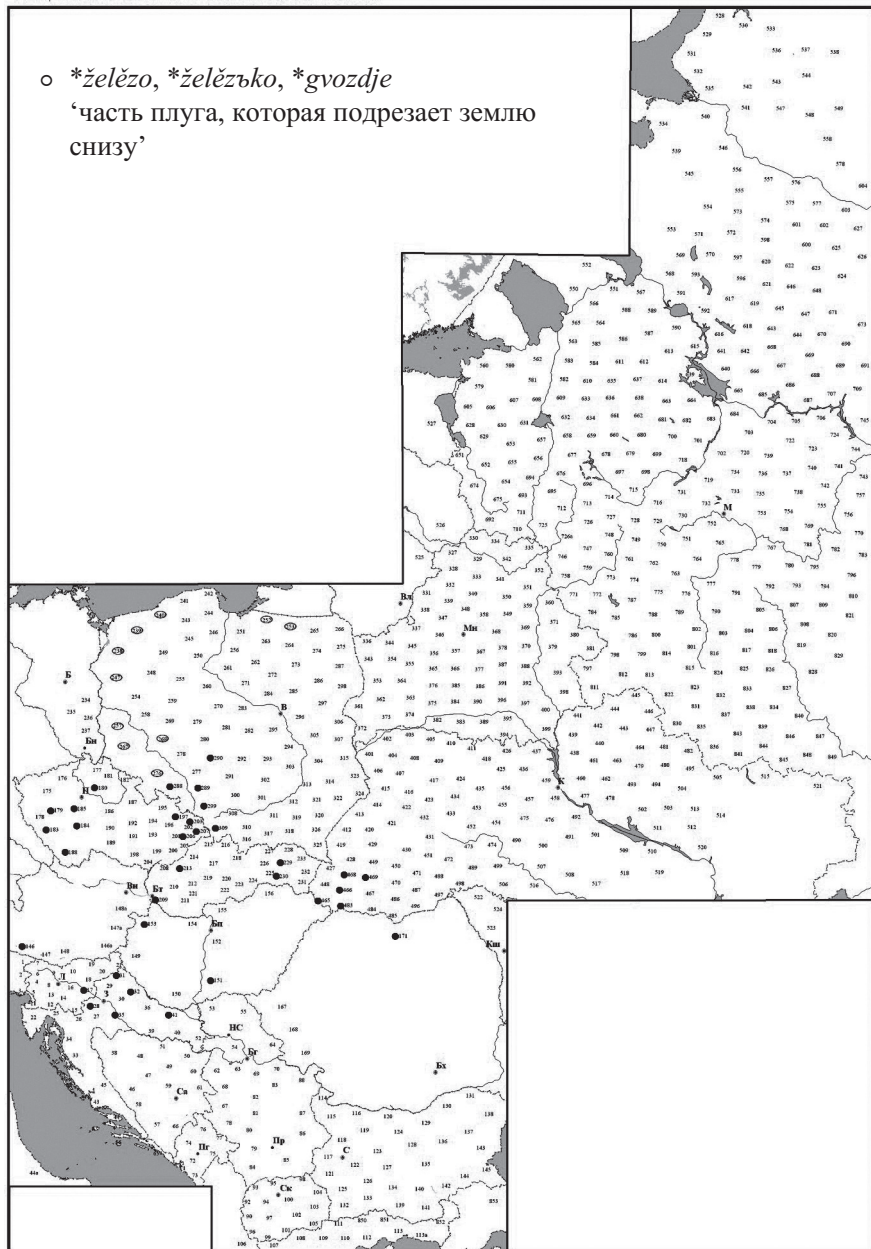
Карта-схема № 2

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Карта-схема № 3

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Карта-схема № 4

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

- **plužbno želězo*, **plugovo želězo*, **želězo oť pluga*, **orьno želězo*, **ъьzpodьno želězo*, **široko želězo*, **oъьzьko želězo*
- ‘часть плуга, которая подрезает землю
снизу’

В. А. Пыхов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

pyhov2007@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ЖАБЫ В СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ (АРЕАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируются славянские диалектные номинации жабы. Выявляются их ареалы разной пространственной конфигурации. Устанавливаются различные способы номинации (однословные и описательные конструкции). Определяются модели, по которым строятся двухкомпонентные наименования, и раскрываются семантические отношения между компонентами. Словообразовательные и лексико-словообразовательные эксклюзивы рассматриваются как выражение яркой черты всех славянских диалектов — их динамичности. Указываются причины появления эксклюзивов в диалектах славянских языков. Устанавливается различная степень концентрации эксклюзивов в диалектах разных языковых групп. Выявляется более сложная картина диалектной дифференциации южно- и западнославянских языков в сравнении с восточнославянскими.

Ключевые слова: славянские диалекты, лингвогеография, наименования жабы.

Лексические карты «Общеславянского лингвистического атласа» содержат большой объем разноплановой языковой информации. На них отражается не только территориальное распределение славянской диалектной лексики, но также и неразрывно связанный с пространственным временной фактор. На картах Атласа представлены праславянские лексемы, распространенные в трех славянских языковых группах, лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов и, наконец, так называемые эксклюзивы — лексемы, которые отличительно характеризуют диалекты одного славянского языка и не выходят за его пределы.

В качестве примера рассмотрим лексическую карту № 32 ‘жаба’ (авт.: А. Кривицкий, Ф. Климчук) 1-го выпуска лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» «Животный мир» [ОЛА 1988: 128]. На данной карте, построенной на основе ономаσιологического принципа (от значения к слову) репрезентируются многоплановые и многочленные диалектные различия, объединенные соотносительными признаками разных типов (в частности признаками, по

которым различаются разные слова и формальные варианты одного слова), а также отражаются и номинативные различия, связанные со способом номинации (однословные и описательные конструкции).

Наиболее употребительной является праславянская лексема *žab-a*, имеющая индоевропейское соответствие (< и.-е. *g^wēbā* [Фасмер II: 31; ЕСУМ 2: 183]) и непроизводную основу (примеры приводятся в морфонологической и фонетической транскрипциях, принятых в ОЛА [ОЛА 1978: 57, 73]). Хотя эта лексема и не имеет общеславянского распространения, однако локализуется в диалектах трех славянских языковых групп.

На территории русских диалектов лексема *žab-a* представлена в большинстве говоров северного и южного наречий, а также в среднерусских говорах (*'žaba*, *'žabə*). Аналогичная картина повсеместного употребления этой лексемы наблюдается и в белорусских диалектах (*'žaba*). В украинских диалектах она образует обширные ареалы в центре, на востоке и юге территории (полесские, юго-западные и юго-восточные говоры), включая юго-западные говоры на территории Молдовы (пп. 522–524) (*'žaba*, *'ž'aba*, *'ž'eba*).

В южнославянской языковой группе наблюдается разрушение ареала этой лексемы, что выделяет южнославянские диалекты. Лексема *žab-a* образует латеральный ареал в чакавских хорватских говорах, который узкой полосой тянется по побережью Адриатического моря, а также образует ареал в этих же говорах вдоль австрийской границы (*'žaba*, *'žaba*, *žā:ba*). В диалектах Словении, Боснии и Сербии (приморский, иекавский восточногерцеговинский, екавский призренско-тимокский, екавские косовско-ресавские) она представлена микроареалами (*'ža:ba*, *žāba*, *'žaba*). При этом данная лексема употребляется повсеместно в диалектах Болгарии, включая юго-восточные болгарские говоры на территории Греции (пп. 850–852) и Турции (п. 853) (*'žaba*, *'žabл*, *'žabə*, *'žabl*, *'ž'abl*, *'ž'a:bl*) [ОЛА 2013: 61].

Ареалы лексемы *žab-a* в польских (мазовецкий (п. 264) (*zaba*, *žaba*), малопольский (п. 310) (*žaba*)) и в словацком (восточнословацкий (п. 156) на территории Венгрии (*žaba*)) говорах являются точечными.

Другие лексемы и их дериваты локализируются в диалектах двух или одной языковой группы.

Лексема *XQR/p-Ux-a* представлена в большинстве чешских (*rapixa*, *ropixa*, *gerixa*, *goroxa*, *gorəxa*), словацких (*rotpixa*, *rapixa*, *ropiħa*) и польских (*ropixa*, *rapixa*, *'ropixa*, *'rop^uxixa*, *rəpoxa*, *г^uəpoxa*, *ropixu*, *ropixa*, *repixa*, *rapuħa*, *ropix'a*, *ropixə*, *ropia*, *г^uopixa*, *ro'pixa*, *rapixa*, *ropix'a*, *rapixa*, *ripixa*) диалектов. Она образует обширные ареалы в говорах западных и центральных областей Украины (*ro'pixa*, *ry'pixa*, *ra'pixa*, *xro'pixa*, *ru'pixa*, *re'pixa*, *'ropixa*, *ro'pixa*, *rə'pixa*) и Беларуси (*ra'pixa*, *ra'puħa*, *r'a'pixa*, *ro'pixa*, *re'pixa*, *ru'pixa*, *re'pexa*), а также отмечается в виде точечного ареала в русском старожильческом говоре на территории Литвы (п. 525 — *ra'puxa*). Форма *XQRp-ux-ъп-ь=аč-ьк-a* фиксируется в единичных приграничных западно- и восточнословацких говорах как на территории Словакии (п. 225), так и Венгрии (пп. 154–155) (*ropixħačka*, *ropixnačka*, *ropixnaška*).

Лексема *kOR/p-a* имеет островной ареал в северо-восточных белорусских говорах (*ku'rapa, kur'lapa*) и точечный в брянском русском говоре (п. 799 — *ku'rapa*). Форма *kor-an-j-a* образует незначительный ареал в юго-западных украинских говорах вдоль границы с Румынией (*koropan'a, karapan'i*), а форма *kor-av-ъk-a* представлена в единичном украинском говоре на территории Румынии (п. 171) и в двух юго-западных украинских говорах (пп. 449–450 — *ko'ropauka*).

Лексема *korst-ač-a* отмечается в виде островных ареалов в словенских (горенский, костельский, доленский, штаерские, паннонский — *kréstá:ča, kras'tq:ča, krastq:če, kras'tača*), хорватских (кайкавские, екавский славонский — *krastq:ča, kras'tača, k'rastáča, kras'ta:ča*) и боснийских (икавские, иекавские восточногерцеговинские, иекавский восточнбоснийский — *krástača, krástača*) диалектах. Ее ареалы в сербских говорах (иекавский зетско-сенинский, екавский косовско-ресавский, екавский призренско-тимокский) являются точечными (*krastàča, kras'tača, k'ras-tača*).

Лексема *//kor-ъn-ъ=ač-a* представлена небольшим островным ареалом на побережье Адриатического моря (хорватские чакавские и икавский говоры — *kórnača, korñ:ca, kor'nača, škórnača*) и микроареалами в сербских говорах (екавский смедеревско-вершакский, иекавский восточногерцеговинский, мусульманский штокавский иекавско-екавский зетско-сенинский, екавский косовско-ресавский — *ko:rnača, kó:rnača, korñáča*).

Лексема *{leg-uš}-ъk-a* имеет точечные ареалы в белорусских (среднебелорусских, северо-восточном — *l'a'huška, l'u'yaška, l'a'yuška*), украинских (полесских — *l'a'huška, l'i'huška*) и русских (вологодском, тверском, владимирском, калужском, курском, липецком — *l'i'gušk'i, l'a'yuškə, l'a'guškə, l'a'yuška, l'a'yušk'a*) говорах, в большинстве из которых она употребляется параллельно с лексемой *žab-a*. Форма *leg-ux-a* отмечается только в русских говорах (старожильческом на территории Латвии, архангельском, новгородском и тверском — *l'a'guxa*).

Лексема (*krot*)-*a* (из нем. *Kröte* 'жаба') фиксируется в большей части словенских диалектов, включая говоры на территории Австрии (*kró:ta, krò:ta, k'ruo:ta, k'ruota, k'ru:ta, kruóta, k'rota, kró:ta, žró:ta*), а лексема */(krod)-av-a* (от ср.-нж.-нем. *krōde* 'жаба') является единственным обозначением жабы в верхнелужицких и нижнелужицких диалектах (*škrɔ'daqa*).

Остальные лексемы, распространенные в различных славянских диалектах, имеют, как правило, микроареалы.

Кроме однословных наименований, во всех славянских диалектах используются и описательные конструкции. Особенно ярко это выражено в македонских говорах.

Описательные конструкции строятся по модели *Adj + Subst (žab-, leg-) / Subst + Adj*. Адъектив конкретизирует значение субстантива по различным параметрам: *особенности кожного покрова* — *korst-av-A žab-a* (х., с., м., бг., укр. — *k'rastava ža:ba, k'rastava žaba, krasta: žaba, k'rastavə žabə, ko'rostawa ž'eba*), *korst-ač-A žab-a* (х., бсн., с. — *krastàča žà:ba, žàba krástača*), *korst-av-A žab-a* (ч., п. — *xrastava:*

žaba, *xrastava žaba*), *pořiv-iv-A žab-a* (ч. — *prašivo žaba*), *pořx-av-A žab-a* (п. — *žaba pruxavo*), *pyřx-at-A žab-a* (п. — *parxata žaba*), *pyŘš-iv-A žab-a* (п. — *paršyva žaba*), *sux-A žab-a* (с., м. — *'suva žaba*, *'suxa žaba*), *suš-ьн-A žab-a* (м. — *sušna žaba*), *žab-a suš-ьн-ь=-ač-A* (с. — *žaba su:šnača*), *XORp-ux-at-A žab-a* (ук. — *'žaba rypu'xata*), *skvьrn-A žab-a* (слн. — *s'kьrna žaba*), *žab-a po-kry-v-at-A* (х. — *'žaba pokriva:ta*), *žab-a po-krov-ač-A* (х. — *'žaba pokrova:ta*), *žab-a kor-ьн-ь=-ač-A* (х. — *žaba ko:rnača*), *kor-av-A žab-a* (бр. — *ka'rava žaba*), *grap-av-A žab-a* (бг. — *gr'pava žaba*), *сyp-ьн-ьč-ev-A žab-a* (бг. — *'si:pлнč'evл ž'a:bl*), *kořv-at-A žab-a* (ук. — *kara'vata žaba*), (*grint*)-*av-A žab-a* (от нем. *Grind* 'парша, лешай, струп') (х. — *g'ri:ntava: žaba*), *čep-aš-ьн-A leg-ux-a* (р. — *c'er'e'pašnaja l'a'guxa*), *kor-ь=-av-A leg-ux-a* (р. — *ka'r'avaja l'a'guxa*), *kor-ь=-av-A leg-uš-ьk-a* (р. — *kə'r'avaja l'a'guška*); место обитания — *zem-j-an-A žab-a* (ук. — *zuml'a'na žaba*), *zem-j-ьн-A žab-a* (бр. — *'žaba zy'mel'na*), *zem-ьн-A žab-a* (ук. — *'žaba zym'na*), *lēs-ov-A žab-a* (ук. — *l'iso'wa žaba*), *gořd-ьн-j-A žab-a* (ук. — *ho'rodna žaba*), *zem-j-an-A leg-uš-ьk-a* (р. — *z'eml'a'naja l'a'guškə*); величина — *vel-ik-A žab-a* (слн., х., ук. — *və'li:ka ža:ba*, *'velika žqba*, *vi'lyka ž'eba*), *grom-ad-ьн-A žab-a* (р. — *'žabə gra'madnəjə*), *bol-j-ьš-A leg-uš-a* (р. — *bol'ša l'a'guša*); цвет — *zel-en-A žab-a* (бр., ук. — *z'a'l'onija žaba*, *ze'lena žaba*), *SĖr-A žab-a* (бр. — *'šara žaba*), *čьrn-A žab-a* (р. — *'žaba č'orna*); форма — *kořb-ov-A leg-ux-a* (р. — *'korobova l'a'guxa*); издавание звуков — *žab-a [krek]-ač-A* (х. — *'žaba kre'kača*). В ряде диалектов описательные конструкции строятся по модели Subst + Subst, в которой второй компонент уточняет значение первого: *žab-a XORp-Ux-a* (бр., ук. — *'žaba re'pexa*, *'žaba ro'puxa*), *žab-a čist-av-ьk-a* (ук. — *'žaba čys'tauka*), *žab-a gob-av-ic-a* (с. — *'žaba 'gubavica*), *leg-uš-ьk-a sь [bolb]-oš-ьk-ami* (р. — *l'a'guška z bała'boškami*).

Такая яркая особенность славянских диалектов, как динамичность, проявляется в их активном порождении эксклюзивных лексем. На рассматриваемой карте представлены как словообразовательные эксклюзивы (*kořp-an-ьk-a (k'ra:panka)*, *kořp-an-ic-a (k'rpanca)*, (*krot*)-*av-ic-a (k'rətajcə)* — слн.; *žab-ət-a (ža'beta)*, *žab-ьk-a (žabka)*, *kořp-ax-a (koro'paxa)* — ук.; *kořst-oš-a (kràstoša)*, *kořst-av-ač-a (krəstə'vəčə)* — х.; *leg-uš-a (l'a'guša)*, *||₁kQR||₂p-ьk-a (škur'lapka)* — р.; *Xořp-ux-ьн-ač-a (rapuxna-ca)* — слц.), так и лексические — или точнее лексико-словообразовательные — эксклюзивы (*mal-ьk-a (mà:uza)*, *grьm-ьb-ač-a (gram'bača)*, *muš-ьн-o-tar-ic-a (mušnà:tarica)* — слн.; *tьtor-ug-a (t'əto'rugə)*, *gob-av-ьk-a ('gubafka)* — х.; *kət-ьн-ic-a (ku:tn'ica)*, *вeтm-en-ač-a (vreme'nača)*, *gob-av-ic-a ('gubavica)*, *[krek]-at-uš-a (kreketuša)*, (*baker*)-*ic-a ('bakerica)* (от тур. *bakır* 'медь') — с.; *ŠKьr-ət-a (žgruta)*, *xořst-ul-a (xrastula)*, *xořst-on-ь (xrastoń)*, *xořst-av-ic-a (xrastavice)*, (*gazd*)-*en-a (gazdena)* (от венг. *gazda* 'хозяин'), *[torx]-(tab)-an-j-a (traxtabańa)* (ср. др.-еврейск. *dibbēr* 'говорить', *dābār* 'слово', русск. *табáрить* 'болтать') — ч.; *[krok]-av-a (krokaqa)* — л.; *kQRb-ь (ko'rub)*, *tet-a (č'əta)*, *rix-av-a (rixula)*, *rix-ьv-a (rixuə)*, *pьRx-ov-a (purxova)*, *rak-an-j-a (rakańa)*, *pořx-av-ьс-ь (pruxav'ec)*, *pyřx-ul-ь=-ak-ь (parxulak)*, *xořst-av-ьk-ь (xrustauk)*, (*kontor*)-*ь (kəntə)* (из лат. *cantor* 'певец') — п.; *pylz-ux-a (poč'zuxa)* — бр.; *kRuk-ь (kr'uk)*, *gab-a ('haba)*, *sk//ak-ol-ь (skra'kol')*, *krin-ič-ьk-a (krynyč'ka)*, *pyřx-al-ьk-a ('porxalka)*, *pořx-ьн-av-ьk-a (porox'nauka)*,

pa-skɔD-ьн-ьj-a (*pas'kun:a*), [*strek*]-ьт-ьн-ь (*sk'rykoten'*) — укр.; *zɛb-r-a* (*'zabra*), *bъlv-an-ъ* (*bol'van*), *koɣv-ьн-ic-a* (*ko'roun'ica*), *goɣv-ast-ik-ъ* (*golo'vast'ik*) — р.).

Процесс развития лексического состава диалектов идет постоянно. Он демонстрирует нестабильность существования многих праславянских лексем, которые оказываются часто в отношениях конкуренции с другими лексемами. Появление эксклюзивов связано как с особенностями восприятия и осмысления предметов и явлений окружающего мира, так и с культурно-историческим влиянием других языков. В Предисловии к выпуску лексико-словообразовательной серии «Общеславянского лингвистического атласа» «Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир)» Т. И. Вендина пишет: «Микроареалы этих эксклюзивных лексем являются величинами позднего времени, о чем свидетельствует прежде всего их словообразовательная структура. Это говорит о том, что в диалектах идет процесс постоянного обновления их лексического состава» [ОЛА 2022: 10]. Эксклюзивы свойственны всем славянским диалектам. Особенно выделяются словенские в группе южнославянских языков, польские — в группе западнославянских и украинские — в группе восточнославянских.

Материалы рассматриваемой карты указывают и на такую особенность, как более дробная и мозаичная картина диалектной дифференциации южно- и западнославянских языков по сравнению с восточнославянскими.

Итак, наиболее употребительной, распространенной в диалектах трех славянских языковых групп является праславянская лексема *žab-a*.

Лексемы *XOR//p-Ux-a*, *kOR//p-a*, *korst-ač-a* и др. и их дериваты представлены в виде ареалов различной величины в диалектах двух или одной языковой группы.

Кроме однословных наименований, во всех славянских диалектах используются и описательные конструкции, построенные по моделям Adj + Subst / Subst + Adj или Subst + Subst, в которых один из компонентов уточняет (конкретизирует) значение другого.

Динамичность, являющаяся яркой чертой славянских диалектов, выражается в активном порождении эксклюзивных лексем (словообразовательных и лексико-словообразовательных).

Материалы анализируемой карты Атласа наглядно демонстрируют более сложную картину диалектной дифференциации южно- и западнославянских языков по отношению к восточнославянским.

Каждый том Атласа предоставляет обширный материал, говорящий о лексическом своеобразии всех славянских диалектов и соответственно о дифференциации диалектного континуума Славии.

«Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленных на картах разных томов Атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Только так лингвистические карты Атласа смогут стать надежным инструментом сравнительно-исторических и этимологических исследований» [Вендина 2018: 111–122].

Литература

Вендина 2018 — *Вендина Т. И.* «Общеславянский лингвистический атлас». Т. 12 «Личные черты человека» (ареалогический комментарий) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018, № 1. С. 111–122.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.

ОЛА 1978 — *Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы.* Москва, 1978.

ОЛА 1988 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир* / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.

ОЛА 2013 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Болгарские материалы.* М.–СПб., 2013.

ОЛА 2022 — *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир)* / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.–СПб., 2022. (в печати)

Фасмер — *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка* / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

V. A. Pykhov

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Russia, Moscow)

pyhov2007@yandex.ru

NAMES OF TOAD IN THE SLAVIC DIALECTS (AREALOGICAL ASPECT)

The article deals with the analyses of the Slavic dialect nominations of toad. The areas of unequal spatial localization are revealed. We established various methods of nomination (one-word and descriptive constructions). The models by which two-component names are constructed are determined, the semantic relations between the components are revealed. Word-forming and lexical exclusives are considered as an expression of a striking feature of all the Slavic dialects — its dynamism. We indicated the reasons for appearance of exclusives (single nominations) in the dialects of the Slavic languages. There is a different degree of concentration of exclusives in the dialects of different language groups. More complex picture of dialect differentiation of South and West Slavic languages in comparison with East ones is revealed.

Keywords: Slavic dialects, linguistic geography, nominations of toad.

References

Etymologichnyy slovnyk ukrains'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nychuk. Vols. 1–6. Kyiv, 1982–2012.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vols. I–IV. Moscow, 1964–1973.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Vstupitel'nyy vypusk. Obshchie printsipy. Spravochnye materialy [Slavic Linguistic Atlas. Opening Volume. General Principles. References]. Moscow, 1978.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 1. Zhitovnyy mir [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Vol. 1. Animal World]. Ed. R. I. Avanesov. Moscow, 1988.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Bolgarskiye materialy [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Bulgarian Materials]. Moscow — Saint Petersburg, 2013.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Slavyanskoye slovo v areal'nom kontekste (Zhitovnyy mir) [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Slavic Word in Areal Context (Animal World)]. Ed. T. I. Vendina. Moscow — Saint Petersburg, 2022. (in print)

Vendina T. I. “*Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas*”. *T. 12. Lichnye cherty cheloveka (arealogicheskiy kommentariy)* [Slavic Linguistic Atlas. Vol. 12. Personal Characteristics (Areological Commentary)]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of RFBR. Humanities and Social Science]. 2018, № 1. P. 111–122.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

zhannavarbot@yandex.ru

О ДВУХ СЛУЧАЯХ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Для реконструкции истории славянской лексики большой интерес представляет выявление случаев действия народной этимологии как причины нерегулярных преобразований. В статье рассматривается два факта предполагаемых структурных изменений. Первый случай — изменение рефлекса праслав. **pelpelica* > укр. *perepélyc'a* в укр. диал. *čereste'lac'a* — автор толкует как народоэтимологическое замещение *pere-* (понятого как префикс) синонимичным *čeres-*, а *pel-* суффиксом *-tel-*. Второй случай — общепринятая реконструкция происхождения вост.-слав. *скорлуна* как результат народноэтимологических преобразований праслав. **skorupa* > **skorlupa* > вост.-слав. *скоролуна* > *скорлуна*. На основе материалов ОЛА автор отказывается от версии народноэтимологических преобразований праслав. **skorupa* и обосновывает гипотезу о праславянских диалектных словообразовательных вариантах **skorupa*/**skorlupa*/**skъrlupa*.

Ключевые слова: нерегулярные преобразования лексем, народная этимология, словообразовательные варианты праславянского слова.

Народная этимология является одним из факторов, определяющих нерегулярные изменения лексем на протяжении всей истории языка. Для этимологических исследований, как и для других областей исторического языкознания, существен анализ семантических и структурных оснований и типов проявлений действия народной этимологии. Ниже рассматриваются два случая вероятного действия народной этимологии в славянской лексике. В первом случае речь идет о соответствующем авторском толковании, во втором случае обращение к материалам ОЛА служит обоснованием отказа от признаваемой многими исследователями народноэтимологической природы структурной вариантности праславянской лексемы.

Название перепелки

Среди лексических материалов к вопросу LSI 66 'перепелка', полученных на территории Украины, наряду с преобладающим *perepélyc'a*, восходящим к праслав.

**pelvetica*, представлено *čereſte'lač'a*, *čərastə'lec'* (п. 40) [ОЛА 2022: 127–130]. Праслав. **pelvetica* / **perperica* считается отражением подражания крику птицы. Сопоставление *perepelyc'a* и *čereſte'lač'a* наводит на мысль о появлении второй лексемы в результате осмысления *perepelyc'a* как образования с префиксом *pere-* и последующего народноэтимологического преобразования с замещением *pere-* функционально близким префиксом *čeres-* (< **čerz-*). Появление *t* вместо *p* является следствием того же вторичного структурирования: это собственно замена *-pel-* на *-tel-*, актуальный суффикс действующего лица. Последнее преобразование поддерживается сопоставлением с названием *коростель*, что тем более вероятно, поскольку этих птиц иногда путают и названия смещаются: ср. серб.-хорв. стар. *krastijelj* 'перепел'.

Праслав. **skorupa* / **skorlupa* / **skъrlupa* и русск. *скорлупа*, блр. *скарлупка*

Генетическая связь вост.-слав. *скорлупа* и семантически близких лексем других славянских языков с корнем **skor-* / **skъr-* и (частично) с корнем **lup-* с глагольными гнездами **sker-* / **skor-* 'резать, драть, скрести' и **lupiti* относится к числу немногих неоспоримых этимологических решений, однако реконструкция праславянской формы и первичной структуры слова неочевидна. Учет родственных форм с суф. *-upa* (сербохорв. *скоруп*, ст.-чеш. *skořupina*, польск. *skorupa*) стал обоснованием реконструкции **skorupa* как первичной структуры слова [Фасмер III: 652] с вторичным, народноэтимологическим преобразованием суффикса, при ориентации на *lupiti*, в **skorlupa* [Фасмер III: 652; Snoj: 576]. Толкование словообразовательной структуры русск. *скорлупа* и ее истории, преобладающее в этимологии, восходит к А. И. Соболевскому, который опирался на древность структуры ц.-слав. *скралупа* и др.-русс. (XIV в.) *скоролуна* и объяснил современное *скорлупа* выпадением гласного [Соболевский. Лекции: 98]. Большой лексический материал, объединенный в выпусках ОЛА, может быть основанием для некоторой коррекции этих этимологических решений.

Лексический материал с корнем *(s)*ker-*, родственный со **skorupa*, представлен в ОЛА в соответствии с тремя темами (вопросами) L 1146 'скорлупа яйца' [ОЛА 6: 114–115], L 1174 'кожура, снятая со старой картошки' [ОЛА 6: 136–137] и L 102 'чешуя рыбы' [ОЛА 2022: 215–220]. Обзор материала свидетельствует о широком распространении производных с суффиксом *-upa* от корня с *o*-вокализмом **skor-* (т. е. собственно от **skora* 'кожа'): чеш., словц., польск., укр., блр.; болг. и серб. (*-uba*?). Это подтверждает праславянскую древность структуры **skorupa*. Параллельно для всех трех значений широко представлены производные от **lup-* (без участия **skor-*!), как бессуффиксные **lupъ* / **lupa* (словен., болг., чеш., словц., польск., укр., блр., русск.), так и производные с различными суффиксами (чаще с *-ina*). Для всех трех значений зафиксированы также производные от корня **lusk-*. Сложение **skor-* и **lup-* > **skorlupa* (> вост.-слав. *скоролуна*) зафиксировано в русском, украинском и белорусском языках, **korlup-* (*kral'upina*) в сербском (п. 87); есть

и сложения **(s)kor-* и **lusk-*: *kral'uš* (пп. 69–70 — серб.) и *kral'ušta* (п. 169 — Румыния). Представляется, что отмеченная многочисленности производных с корнем **lup-* (независимых от **skor-*) и наличие производных с **lusk-* (и независимых от **skor-*, и в сложении со **skor-*) делает необязательной версию народноэтимологического преобразования **skorupa* в **skorlupa* и позволяет допустить независимое образование **skorlupa*, то есть праславянский диалектный параллелизм этих двух форм: **skorupa* и **skorlupa*.

Корень **(s)ker-* представлен в рассматриваемом материале ОЛА не только с *o*-огласовкой. Формы с *e*-огласовкой **čerupьka* зафиксирована в болгарском (пп. 128, 134). В следующих формах отражена огласовка этого корня в ступени редукции **(s)kьr-*: *krl'u:šь* (п. 61 — Босния и Герц., пп. 62–63 — серб.), *krlu:šь* (пп. 62, 67, 78 — серб.), *škrļjura* (п. 72, Черногория) (все со значением 'чешуя рыбы'). Наличие последних (особенно *škrļjura*) позволяет обратиться к форме русск. *скорлупа*. В ОЛА все многочисленные соответствующие диалектные фиксации *скорлупа* (при несравненно меньшей фиксации *скоролупа* с семантикой 'скорлупа яйца', 'кожура картошки' и совершенном отсутствии *скоролупа* с семантикой 'чешуя рыбы') обобщены под исходной формой *skorolup-*, с пометой о выпадении второго *o*, то есть принята точка зрения Соболевского. Однако, следует, кажется, учесть, что структура *скоролупа* в языковом сознании связана не с устаревшим *ско́ра*, а с прилагательным *ско́рый* (ср. *скоролуп* 'тот, кто быстро ест' [Даль² IV: 206], что должно препятствовать фонетическому изменению — выпадению *o*. Реальность участия в образовании слов со значением 'рыбья чешуя' корня **sker-* с огласовкой в ступени редукции **(s)kьr-* позволяет предположить ту же форму корня и для русск. *скорлупа*, укр. диал. *скорлупа*, блр. диал. *скарлупка*, *шкарлупіна*, т. е. праслав. **skьrlupa* как еще один словообразовательный диалектный вариант к праслав. **skorupa* / **skorlupa*.

Литература

Даль² — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.. Т. I–IV. СПб-М., 1955 (= изд. второе. 1882).

ОЛА 6 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Т. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2007.

ОЛА 2022 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир) / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2022. (в печати)

Соболевский. Лекции — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Snoj — Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.

Zh. Zh. Varbot

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
(Moscow, Russia)
zhannavarbot@yandex.ru*

**ON TWO SUPPOSED CASES OF FOLK ETYMOLOGY
IN THE SLAVIC LEXICON
(ON THE MATERIAL OF THE VOLUMES
“ANIMAL WORLD” AND “HOME ECONOMICS AND COOKING” OF SLA)**

Discovery of folk etymology cases as the reason of irregular changes presents considerable interest for reconstruction of the Slavic lexicon history. In the article two facts of presupposed structural reformation are analysed. First one is the change of Ukr. *perelelic'a* (Proto-Slav. **perpelica*) to Ukr. Dial. *čereste'lac'a*. The author interprets as folk etymological substitution *pere-* (interpreted as prefix) by synonym *čeres-* and *-pel-* by the suff. *-tel-*. Second case is generally accepted genesis of East Slavic *скорлупа* as result of folk etymological reformation: Proto-Slav. **skorupa* > **skorlupa* > East Slav. *скоролупа* > *скорлупа*. On materials of SLA the author denies the version of folk etymological reformation of Proto-Slav. **skorupa* and proves hypothesis of Proto-Slav. Dial. structural variants **skorupa* / **skorlupa* / **skɛrlupa*.

Keywords: irregular changes in lexicon, folk etymology, structural variants, Proto-Slavic word.

References

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. I–IV. Saint Petersburg — Moscow, 1955 (= 2nd ed., 1882).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vols. I–IV. Moscow, 1964–1973.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Vyp. 6. Domashneye hozyaystvo i prigotovleniye pishchi [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Vol. 6. Home Economics and Cooking]. Ed. T. I. Vendina. Moscow, 2007.

Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatelynaya. Slavyanskoye slovo v areal'nom kontekste (Zhitovnyy mir) [Slavic Linguistic Atlas. Lexical and Word-Formation Series. Slavic Word in Areal Context (Animal World)]. Ed. T. I. Vendina. Moscow — Saint Petersburg, 2022. (in print)

Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, 1997.

Sobolevskiy A. I. *Lekcii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. A. I. Sobolevskiy. *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Proceedings on the History of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 2004.

Л. В. Куркина
 Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 (Москва, Россия)
 lyukurkina@rambler.ru

ПОЛЕССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ (по материалам полесской лексики)

Предметом рассмотрения станут лексические диалектизмы Полесья, структура и семантика которых существенны для восстановления этимологических связей слов, выявления изолек в славянском языковом пространстве.

Ключевые слова: лексический диалектизм, этимология, Полесье.

покредь Полесск. *покредь* ‘отверстие в верхней торцовой части колодочного улья, стояка’ [Л-ка Полесья: 350] относится к терминам пчеловодства. При широком фонетическом варьировании, характерном для полесских говоров, с допущением перехода $k > x$ тот же термин в несколько измененном виде в простой и приставочной форме отмечен в Правобережном Полесье в «Материалах к Лексическому атласу украинского языка» — *храд’*, *пóхрад’*, *пáхрад’*, *пóхред’*, *пóхрим’* ‘часть пустого пространства улья — колоды от верхнего края бокового отверстия до верху’: *у самой храд’é пчолі; пóвну пóхрад’ залож’ілі пчолі мѣдом, нема куди лопáтки впѣрті* [Никончук 1979: 207]. Эти слова стали предметом рассмотрения в небольшой заметке В. А. Меркуловой [Меркулова 1983: 66]. Автор полагает, что семантика слова проделала тот же путь, что и его синоним **bъrtь* (~ ***bъrti* ‘делать надрезы, надрезать’ — ЭССЯ 3: 132), — ‘вырезанное, выдолбленное отверстие в дереве для добывания меда’ > ‘полое пространство в колодочном улье’ > ‘верхняя часть улья’. В результате за этими образованиями закрепилось обозначение пустого пространства в улье. Предполагаемая исходная семантика определила направление поисков полесских диалектизмов в гнезде и.-е. **sker-* ‘резать’ с расширителем *-d*. К этому следует добавить, что для полесских образований с этой основой предполагается развитие назализации, т. е. **skred-* > **skręd-* > слав. **xrędъ*. Это предположение нуждается в уточнении.

Иллюстративный материал, приведенный в Атласе, позволяет с другой стороны подойти к пониманию исходной семантики термина *храд’*. В примере *у самой храд’é пчолі* слово *храд’* выступает в качестве обозначения края, пограничной черты, после которой начинается пустое пространство в улье. Диал. *покредь* с преф. *по-*,

вероятно, из сочетания с предлогом *по* — ‘по краю’. В семантике слова, хотя и не в явной форме, отражается представление о черте, границе, до которой закладывался мед. В процессе употребления в живой речи размывается граница между тем, что было до черты, и тем, что было выше, и название переносится на свободное пространство выше черты.

С признанием исходного значения ‘черта; граница’ появляются условия для включения полесских терминов пчеловодства в круг продолжений и.-е. **(s)krej-* (< **sker-*) ‘резать’ с расширителем *-d*, ср. гот. *dis-skreitan* ‘разрывать’, нем. диал. *schreissen*, нем. бавар. *schrizen* ‘дергать’ [Рокорну: 946]. Полесские диалектизмы продолжают основу **skroi-d-* с вокализмом *o*. Другая ступень чередования в слав. **skridľ / *skridla* (ср. русск. диал. *скрыль* ‘щепа, лучина’ [Даль IV: 226–227], *скрылять* ‘резать на куски’ [Расторгуев: 244]) и **xridь* с общим значением ‘утес, скала’ (ср. с.-хорв. *xpūd*, словен. *hrīd* ‘скала, утес’, болг. *pid* < **xridь* < **skridь*, семантически ср. лат. *rūpēs* ‘скала’: *rumpo* ‘ломать’). Подробнее см. [Куркина 2021: 429–432].

зашчырыты ‘пробиться, показаться, появиться (о зелени, траве)’, ср. *Потылішало, дај зашчырыла травá* [Л-ка Полесья: 37]. Глагол с исходной формой **ščeriti* в простой и приставочной форме широко представлен в славянских языках со значением ‘осклабиться, скалить зубы, усмехаться’, ср. русск. *щерить* ‘скалить зубы’, ‘топорщить, щетинить шерсть’, польск. *szczyrzyć zęby*, слвц. диал. *oškerit* ‘оскалить зубы’, блр. *ашчэрыць* ‘оскалить’ и т. п. [ЭССЯ 30: 150; ЭСБМ 1: 243]. Истоки глагола в гнезде и.-е. **sker-* ‘резать’ (др.-в.-нем. *scēran* ‘стричь, отделять’, лит. *skirti* ‘отделять, выделять, разлучаться’), другая ступень корневого вокализма в *скоpa, коpa*. Полесский диалектизм интересен своим значением. В отличие от славянских соответствий он напрямую мотивирован семантикой исходной основы — ‘пробиваться (о зелени)’ < ‘прорезаться’. Глагол образован от имени, которое сохраняется в словен. *ščēr* ж. р. ‘мель, осыпь, сыпучий песок’ и его фонетическом варианте — *cēr* ‘острое возвышение скалы; скальная глыба’ [Plet. II: 613; Plet. I: 99].

В качестве семантической параллели можно привести полесск. *скарáдá* ‘всходы жита осенью’, ср. *Скарáдá увосень*, а *уруна весной* [Янкова: 325–326] < слав. **skorda/*skъrdь* < и.-е. **sker-* ‘резать’ с расширителем *-d* [Фасмер III: 652; ЭССЯ 29: 199–200] при его основном значении ‘орудие обработки земли’, ср. русск. диал. *скорóдá* ‘борона’ [СРНГ 38: 95].

хола Это восточнополесское слово отмечено в значении ‘заросший и нависший над рекой берег’ [Тур. сл. 5: 249]. Располагая ограниченным материалом, основываясь на одном засвидетельствованном примере, можно лишь предположить, что для такого обозначения берега определяющим мог стать признак ‘то, что выделяется на общем фоне, возвышается, торчит’. Такую же мотивацию имеют совпадающие по форме русск. (херсон.) *хóлá* ‘корчага, пеня на дне реки (мешающие судоходству)’, *хóлá* фольк. ‘бедро, тазобедренный сустав’ (?), арх. *хóлина* ‘бедро’, *хóлка* в значении ‘конская грива’, ‘шея человека’, ‘берцовая кость у человека’, ‘бедро человека и животного’, ‘горб верблюда’, ‘шишковатый нарост на стволе дерева’ и т. д. [СРНГ 51: 152, 158, 160–165]. В [ЭССЯ 8: 66] русские образования

соотносятся с гл. **xoliti* (с.-хорв. *holiti* ‘вести себя надменно, заносчиво’, русск. *хóлить* ‘ухаживать за кем-н., заботиться; держать в чистоте’, *холиться* ‘баловаться, нежиться’ и т. д), который объясняется как продолжение и.-е. **ksol-* < **ks-* ‘скрести’, ср. др.-инд. *ksāláyati* ‘мыть, чистить’, лит. *skaláuti* ‘мыть, полоскать’. С отсылкой к слав. **dročiti* обосновывается связь значений ‘холить, нежить’ и ‘драть’. Однако нельзя не признать, что эта взаимосвязь значений носит опосредованный характер. Восточнославянские диалектизмы, сохраняя преемственную связь со значением исходной основы **ksol-* < **ks* ‘скрести, резать’ > ‘то, что отрезано, отделено’ > ‘то, что возвышается’ > ‘берег’, образуют самостоятельную линию семантического развития, которая поддерживается семантикой русск. диал. *охóлить* ‘остричь’, ‘очистить, выпотрошить рыбу’ [СРНГ 25: 43], *хóлить* ‘бить кого-л., наносить побои кому-л., наказывать битьем’ (твер.), ‘дергать, клевать за насадку на удочке’ (арх.), *хóлить* ‘грызть’ (?) [СРНГ 51: 160].

клíха В Украинском Полесье отмечены *клíха* в значении ‘одно из двух деревьев, растущих из одного корня’, ‘развилка’ и производное от него *клиховати л’ес* ‘развилистый, кривоствольный лес’ [Никончук 1988: 14]. Эти слова расширяют состав разветвленного гнезда со слав. **къль* ‘росток, зародыш’ (~ **kolti*). Представляется вполне естественным восприятие одного из ответвлений как отростка от одного ствола дерева, ср. болг. *клíца* ‘корень; происхождение’, словен. *klíca* ‘росток, побег’ [ЭССЯ 13: 192, 196]. К этим образованиям примыкают укр. *клíва* ‘голая горная вершина’, ‘гора’, ‘камни в лесу’, ‘«розсоха, розігр’е»’, т. е. ‘место, где что-н. раздваивается, развилка’, *kluf* [Марусенко 1968: 231], название горы *Клива*. Эти слова, отнесенные в [ЕСУМ 2: 460] к категории неясных, также принадлежат гнезду слав. **къль*. Различие в том, что *клíха* образовано суф. *-íха* от **къль*, а *клíва* — производное на *-(i)vo* от гл. **къliti* < **къль* [ЭССЯ 13: 186–188]. Примечательно, что в болгарских диалектах (Кюстендилско) представлены образование с тем же корнем на *-сь* от **кливо* — *кливѣц* ‘росток, побег’ и гл. *кливі* ‘(о растениях) пускать побеги, ростки’ [БЕР 2: 447]. Можно думать, это независимые образования, сложившиеся в диалектах восточных и южных славян по активной словообразовательной модели.

хрóмок В «Туровском словаре» отмечены слова *хрóмок*, *захрóмина* в значении ‘заноза’ и связанный с ними глагол *захрómіць* ‘занозить’, ср. *захрómіла руку дзерэвом; захрómіў хромка* [Тур. сл. 2: 130; Тур. сл. 5: 256]. Впервые эти слова как новые в восточнославянском словаре были упомянуты без каких бы то ни было пояснений в рецензии В. А. Меркуловой на 1-й и 2-й тома «Туровского словаря» [Меркулова 1981: 359]. По нашим наблюдениям, эти слова, изолированные в славянском словаре, не привлекали к себе внимание этимологов. В случае, когда связи слова, изолированного в составе словаря, затемнены и не поддаются выявлению, опорой в поисках исходной основы могут стать модели образования синонимов. С ориентацией на типы образования синонимичных слов выявляются некоторые скрытые аспекты в развитии слова с затемненной внутренней формой. Отсутствует общее для всех славян обозначение тонкого, острого кусочка дерева, вонзившегося в кожу и причиняющего боль. В славянских языках находим разные слова для

обозначения занозы: русск., блр. диал. *заноза* (~ **nizati*, **nyzti*, **noziti*, **nožь*), *колочка* (~ *колоть*), укр. *скалка* (~ лит. *skalà* ‘триска’), *скабка* (~ *скоблить*, лит. *skõbti* ‘долбить, выдалбливать, скрести, щипать’), чеш. *tríska* (< **trěska* ~ **trěskati* ‘разбить на кусочки’), польск. *drzazga* (< **drězga* ‘маленький кусочек дерева; обломок’), с.-хорв. *uver* (< *jb-verь*, к **verti*) и др. Как видим, преобладает модель образования того, что называют занозой, от глаголов со значением ‘разбивать, ломать на щепки, мелкие кусочки’. Если предположить, что блр. диал. *хрóмок* ‘заноза’ сложилось по основной модели ‘бить, колоть, разбивать’ > ‘отломившийся кусочек’ > ‘тонкий, острый кусочек дерева, вонзившийся под кожу’, то это предопределяет направление поисков близкой по форме исходной основы со значением ‘резать, ломать’. В славянском словаре в виде разрозненных осколков, утративших взаимные связи, сохранились продолжения основы *(*s*)*krem-/*(s)krom-*, расширенного варианта и.-е. *(*s*)*ker-* ‘резать, отсекать’ с метатезой на славянской почве *sk* > *ks* > *x*. К продолжениям этой же основы без *s*-mobile относят слав. **kroma*, **sъkromь(jь)*, ср. польск. *poskromić* ‘укротить’ < ‘подрезать крылья’. В рамках гнезда с основой **skrom-* трактуется слав. **xromь(jь)*, обозначающее увечья, повреждения рук, ног, разных частей тела. С предполагаемым первоначальным значением ‘пораненный чем-л. острым: саблей, топором’ [Brückner: 184] слав. **xromь(jь)* сближается со ср.-в.-нем. *schram* ‘шрам’, ‘рана от меча’ (нем. *Schramme* ‘шрам, рубец’), *schramen* ‘открывать’, ‘разрывать’, ‘раздирать’ [Петлева 1974: 26; ЭССЯ 8: 101–102; Черных II: 357]. В таком контексте вполне допустимо видеть в белорусском диалектизме одно из ответвлений распавшегося гнезда слав. **skrom-* ‘резать, повреждать’ > ‘обломок, мелкий кусочек’ > ‘заноза’.

застромить [*застромít*] ‘занозить’, отсюда *зáстромка* ‘заноза’ отмечены в Украинском Полесье [Л-ка Полесья: 83] в соответствии с блр. *стрэмка* ‘заноза’. В основу этого наименования занозы положен другой признак. Заноза — это инородное тело, то, что выделяется на поверхности. Полесский диалектизм имеет ту же природу, что и слав. **stromь* ‘дерево, ствол’ (ср. польск. диал. *strom* ‘фруктовое дерево’, укр. *стром* ‘то же’, хорв. стар. *strom* ‘пень; дерево’), первоначально ‘то, что возвышается, торчит’. Истоки этих образований в гнезде слав. **strьměti* ~ **stromь(jь)* ~ **stromь* ~ **strem-* с семантикой ‘торчать’ ~ ‘крутой’ ~ ‘нечто торчащее, ствол’ [Boгуs: 580]. С той же производящей основой в составе терминов пчеловодства полесск. *настромл’át* ‘вощину’ [настромлять вощину] ‘насаживать вощину на крестовину «гранки» для привлечения пчел; гранка — приспособление для подвески вошины в стояке’ [Л-ка Полесья: 343] с семантически близким соответствием в укр. *стромíти* ‘воткнуть, всадить’ [Гринченко IV: 218], словен. *stromíти* ‘поднимать’ [Plet. II: 594].

призылыты ‘приворожить’ (*Бáло вжэ сказáлы б, шо вонá жо́го прызылы́ла*), производным именем *призы́л* ‘способ ворожбы’ (*Вонá жо́го ны прызылы́ла, вонá ны́якого призы́лу ны зна́је*) отмечены в белорусском Полесье [Л-ка Полесья: 59]. Эти слова, отмеченные в архаичном ареале, каким является Полесье, интересны тем, что отражают суеверные представления об использовании золы, пепла вредных предметов с целью наведения порчи — болезни, несчастья [СД III: 669].

Литература

- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев и др. Т. 1–8–. София, 1971–2017–.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. СПб., 1880–1882.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Куркина 2021 — *Куркина Л. В.* Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.
- Л-ка Полесья — Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1968.
- Марусенко 1968 — *Марусенко Т. А.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика) / Отв. ред. В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968. С. 206–255.
- Меркулова 1981 — *Меркулова В. А.* Рец.: Тураўскі слоўнік. Т. 1: А–Г, Т. 2: Д–К. Мінск, 1982 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1984. С. 358–359.
- Меркулова 1983 — *Меркулова В. А.* Восточно-славянские этимологии. III // Этимология 1983 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 58–68.
- Никончук 1979 — *Никончук М. В.* Матеріали до Лексичного атласу української мови (Правобережне Поліся). Київ, 1979.
- Никончук 1988 — *Никончук А. Н.* Лесная лексика украинских полесских говоров. Автореф. Дисс. канд. филол. наук. Житомир, 1988.
- Петлева 1974 — *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. IV // Этимология 1974 / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1976. С. 16–31.
- Расторгуев — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Ред. Н. И. Толстой, С. М. Толстая. Т. I–V. М., 1995–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Т. 1–52–. М.–Л.–СПб., 1965–2022–.
- Тур. сл. — Тураўскі слоўнік / Склад. А. А. Кривіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1994.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (1–8), Г. А. Цыхун (9–14–). Т. 1–14–. Мінск, 1978–2017–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

Янкова 1982 — Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957.

Plet. — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. T. I–II. Ljubljana, 1974.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern — München, 1959.

L. V. Kurkina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

lyukurkina@rambler.ru

POLESIE ETYMOLOGIES

(based on the materials of the Polesie vocabulary)

The subject of consideration will be lexical dialect words of Polesie, the structure and semantics of which are essential for the restoration of etymological connections of words, the identification of lexical isoglosses in the Slavic language space.

Keywords: lexical dialect word, etymology, Polesie.

References

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1957. Kraków, 1957.

Bylgarski etimologičen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Eds. V. I. Georgiev etc. Vols. 1–8–. Sofia, 1971–2017–.

Chernykh P. *Istoriko-etimologičeskiy slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, 1994.

Daľ V. I. *Tolkovyjy slovar zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. I–IV. 2nd ed. Saint Petersburg — Moscow, 1880–1882.

Etimologičeskiy slovar' slavyanskikh jazykov (Praslavyanskiy leksičeskiy fond) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Eds. O. N. Trubachev etc. Vols. 1–42–. Moscow, 1974–2021–.

Etyimologičnyy slovnyk ukrains'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nychuk. Vols. 1–6. Kyiv, 1982–2012.

Etimologichny slovník belaruskay movy [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Eds. V. U. Martynav, G. A. Cykhun. T. 1–14–. Minsk, 1978–2017–.

Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo jazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. T. I–IV. Kiev, 1907–1909.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vols. I–IV. Moscow, 1964–1973.

Kryvicki A. A., Tsykhun G. A., Yashkin I. Ya. *Turavski slovník* [Turov Dictionary]. T. 1–5. Minsk, 1982–1987.

Kurkina L. V. *Slavyanskoe slovo vo vremeni i prostranstve* [Slavic Word in Time and Space]. Moscow, 2021.

Leksika Poles'ya. Materialy dlya polesskogo dialektного slovarya [Polesie Lexicon. Materials for the Polesie Dialect Dictionary]. Ed. N. I. Tolstoy. Moscow, 1968.

Marusenko T. A. *Materialy k slovarju ukrainskikh geographicheskikh apelyativov (nazvaniya rel'efov)* [Materials for the Dictionary of the Ukrainian Geographical Common Names]. *Poles'ye (Lingvistika. Arkheologiya. Toponimika)* [Polesie (Linguistics. Archeology. Toponymy)] Moscow, 1968.

Merkulova V. A. Rec.: *Turovskiy slovar. T. 1: A–G, T. 2: D–K. Minsk, 1982* [Turov dictionary. Vol. 1: A–G, Vol. 2: D–K. Minsk, 1982]. *Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya. 1981* [Slavic Linguistic Atlas. Materials and Studies. 1981]. Ed. V. V. Ivanov. Moscow, 1984. P. 358–359.

Merkulova V. A. *Vostocnoslavyanskije etimologii. III* [East Slavic etymologies. III]. *Etimologiya 1983* [Etymology 1983]. Moscow, 1985. P. 58–68.

Nikonchuk A. N. *Lesnaya leksika ukrainskikh polesskich gororov* [Forest Vocabulary of the Ukrainian Polesie Dialects]. Abstracts of PhD thesis. Zhitomir, 1988.

Nikonchuk V. N. *Materialy do leksiczного atlasu ukrains'koy movy (Pravoberezhne Polesse)* [Materials for the Lexical Atlas of the Ukrainian Language (Right-bank Polesia)]. Kyiv, 1979.

Petleva I. P. *Etimologicheskije zametky po slavyanskoy leksike. IV* [Etymological Notes on the Slavic Lexicon. IV]. *Etimologiya 1974* [Etymology 1974]. Ed. O. N. Trubachev. Moscow, 1976.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar. T. I–II*. Ljubljana, 1974.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern — München, 1959.

Rastorguyev P. A. *Slovar' narodnykh gororov Zapadnoy Bryanshchyny* [Dictionary of the Folk Dialects of the West Bryansk Region]. Minsk, 1973.

Slavianskiye drevnosti: Etno-lingvisticheskiy slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Eds. N. I. Tolstoy, S. M. Tolstaya. Vols. I–V. Moscow, 1995–2012.

Slovar' russkikh narodnykh gororov [Dictionary of the Russian Folk Dialects]. Eds. F. P. Filin etc. Vols. 1–52–. Moscow — Leningrad — Saint Petersburg, 1965–2022–.

Yankova T. S. *Diyalektny slovník Loyevshchyny* [Dialect Dictionary of Loev Region]. Minsk, 1982.

О. М. Сергеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
etymol@mail.ru

О РУС. ДИАЛ. ПЕРЕМАЧКА (ДОПОЛНЕНИЕ К ЭССЯ 42)

Обсуждается возможность рассматривать рус. диал. *перемáчка* (орл., смол.), *перемачки* (юж.-ур.) как продолжения **per(ь)jьтацька*, соотносимого с представленным в 42-м выпуске Этимологического словаря славянских языков именем деятеля **per(ь)jьтаць*, производным от **per(ь)(n')jiьmati*.

Ключевые слова: русский язык, диалектология, лексикология, семантика, производное.

Рус. диал. *перемáчка*, -и, ж. зафиксировано в [Макушева: 34] (орл.) в значении ‘непостоянная погода, при которой ненастье чередуется с прояснением’ и в «Словаре смоленских говоров» в значении ‘кратковременный дождь’ [Сл. смолен. г-ров 8: 51]. На первый взгляд оно сопоставимо с представленными в [Даль² III: 64] без уточнения локализации *перемóчные дожди*, *перемóчки* ‘частые, небольшие дожди’, *перемóки*, *перемóчки* ‘частые дожди’ (ср. также [СРНГ 26: 167]), уверенно связываемыми Далем с глг. *перемáчивать*, *перемочить*, однако отстоит от них в отношении корневого вокализма. По нашему мнению, представляется возможным истолковать *перемáчка* как принадлежащее к гнезду праслав. **per(ь)(n')(j)eti*, **per(ь)(n')jiьmati*, **per(ь)jьта* [ЭССЯ 42: 226–235], особенно ввиду семантики попеременного, осуществляемого с чередованием, сменой ролей действия, отражённой в польск. *na / w przejmy* ‘поочередно, по очереди’ [Dubrowski. Dokł. sł. polsk. I: 496], укр. *переймáтися*, -маюсь, -маєшся неслврш. ‘сменять исполнителей при пении (в жанре, подразумевающей такую смену)’ [Желеховский, Недільский. Млр.-нім. сл. II: 615], специально в метеорологическом значении *перенимáться* ‘меняться (о ветре)’ [Сл. рус. г-ров Карелии 4: 458].

В обсуждаемой форме и значении слово *перемáчка* не включено в «Словарь русских народных говоров», однако в него вошло южноуральское *перемачки* (только мн. ч., нет данных об ударении) ‘бездорожье’ [СРНГ 26: 153], напрямую соотносимое со значением ‘преграда, перерезающая путь, препятствие на пути’, широко представленным для **per(ь)(n')jiьmati* и **per(ь)jьта* в ЭССЯ [ЭССЯ 42: 226–235]: таким образом, при правдоподобной с семантической точки зрения принадлежности к этому же гнезду оно имеет основу, формально совпадающую с основой *перемáчка* ‘переменчивая погода’.

Имя деятеля **per(ь)ьмачь*, производное от **per(ь)ьмати*, засвидетельствовано по преимуществу в зап.-слав. языках и лишь ограниченно — в белорусских диалектах (см. [ЭССЯ 42: 236]), где может быть обязано западнославянскому же влиянию. Тем значимее с точки зрения установления его принадлежности к общеславянскому фонду обнаруживаемое именно в вост.-слав. ареале продолжение вероятного деривата второй ступени **per(ь)ьмачька*.

Литература

Даль² — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. СПб. — М., 1880–1882.

Желеховский, Недільский. Млр.-нім. сл. — *Желеховский Е., Недільский С.* Малоруско-німецкий словарь. Львів, 1886.

Макушева — *Макушева О. А.* Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1997.

Сл. рус. гов. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

Сл. смолен. г-ров 8 — Словарь смоленских говоров. Выпуск 8: *набережье* — *пояснить* / Отв. ред. Л. З. Бояринова. Смоленск, 1998.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). Т. 1–52–. М.–Л.–СПб., 1965–2022–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

Dubrowski. Dokł. sł. polsk. I — *Dubrowski P.* Dokładny słownik języka polskiego i ruskiego. T. I. Warszawa, 1877.

O. M. Sergeeva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

ON RUSS. DIAL. PEREMACHKA (AN ADDITION TO ESSJA 42)

Russian dialectal *peremachka* ‘changeable weather’, *peremachki* pl. ‘impassability’, scarcely attested across geographically disparate areas, are tentatively identified as continuants of **per(ь)ьмачька*, which in its turn would be a derivative of **per(ь)ьмачь* (**per(ь)(n')jiьmati* ‘to accept, intercept’), an entry in the recent issue of ESSJa primarily based on the West Slavic data.

Keywords: Russian, dialectology, lexicology, vocabulary, semantics, derivation.

References

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. I–IV. 2nd ed. Saint Petersburg — Moscow, 1880–1882.

Zhelekhovskiy E., Nediľ'skiy S. *Malorusko-nimetskiy slovar* [Ukrainian-German Dictionary]. Lviv, 1886.

Dubrowski P. *Dokładny słownik języka polskiego i ruskiego*. Vol. I. Warszawa, 1877.

Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Eds. O. N. Trubachev etc. Vols. 1–42–. Moscow, 1974–2021–.

Makusheva O. A. *Slovar' meteorologicheskoy leksiki orlovskikh govorov* [Dictionary of Meteorological Vocabulary of the Orel Region Dialects]. Orel, 1997.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey [Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Neighboring Regions]. Ed. A. S. Gerd. Vols. 1–6. Saint Petersburg, 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of the Russian Folk Dialects]. Eds. F. P. Filin etc. Vols. 1–52–. Moscow — Leningrad — Saint Petersburg, 1965–2022–.

Slovar' smolenskikh govorov. Vol. 8: *paberezh'e — poyasnit'* [Smolensk Dialect Dictionary. Vol. 8: *paberezh'e — poyasnit'*]. Ed. L. Z. Boyarinova. Smolensk, 1998.

О. М. Сергеева

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru*

ИНТЕРАКТИВНАЯ БАЗА АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ДАННЫХ «ИМЕНА РУССКОЙ РАВНИНЫ»

Статья представляет собой описание целей и задач создания, основных характеристик пользовательского интерфейса и принципов работы базы ономастических данных (данных об именах собственных) «Имена Русской равнины» (<https://www.antroponims.ru>), подготовленной в рамках проекта реконструкции древнейшего фонда личных имён Русской равнины в интересах популяризации научных результатов, полученных в ходе осуществления указанного проекта.¹

Ключевые слова: личные имена собственные, база данных, пользовательский интерфейс, языкознание, этимология, антропонимика.

Важнейшей составляющей исторического языкознания, самым тесным образом связанной с историей общества и этнографией, является исследование ономастики, а в её составе — изучение происхождения личных имён собственных, в частности древних (не употребительных в настоящее время, но бывших в употреблении в отдалённые исторические периоды). В то же самое время личные имена, их происхождение и значения производящих нарицательных основ в их составе — предмет наблюдающегося сейчас значительного интереса со стороны широкого круга лиц, не являющихся специалистами в историческом языкознании, что естественным образом обусловлено неотъемлемым присутствием проблематики, связанной с личными именами и их присвоением, в жизни любого представителя языкового коллектива. При этом имеющиеся источники, способные удовлетворить этот запрос, существенно ограничены по охвату материала и/или труднодоступны.

Намерение восполнить этот пробел легло в основу замысла исследовательского проекта «Древнейшие имена собственные, исконные для этнокультурных общностей Русской равнины 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.: этимология и системное представление», поддержанного грантом РФФИ № 20-012-00060. Идея проекта принадлежала

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ в рамках реализации проекта № 20-012-00060 «Древнейшие имена собственные, исконные для этнокультурных общностей Русской равнины 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.: этимология и системное представление».

канд. филол. н., старшему научному сотруднику ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН А. К. Шапошникову (1964–2021), в основу его реализации в значительной мере легли собранные им в течение жизни лингвистические данные, предварительное теоретическое осмысление которых отражено в таких его публикациях, как [Шапошников 2017; Шапошников 2017а; Шапошников 2021]. Дальнейший сбор, научный (этимологический) анализ и техническая обработка данных проведены канд. филол. н. О. М. Сергеевой и канд. филол. н. И. А. Горбушиной, научными сотрудниками ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. В течение 2020–2022 г. в рамках данного проекта был создан сводный каталог антропонимических данных и реализовано общедоступное представление полученных сведений в электронном виде.

В цели и задачи проекта входило систематизировать и представить в единой организованной форме исторические исконные (в отличие от конфессиональных и иных имеющих позднейшее происхождение) именники, т. е. фонды личных имён, этносов, населявших Русскую равнину в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

Задачи исследования были поставлены следующим образом:

1) теоретическое осмысление и постановка научных проблем изучения имён собственных этнического происхождения историко-культурного ареала Русской равнины (ориентировочно между 30 и 60 град. вост. долготы, 45 и 70 град. сев. широты, что соответствует историческому ареалу расселения изучаемых этнических групп);

2) сбор исторического ономастического материала из очерченного региона (выборка имён собственных из эпиграфических и исторических источников, извлечение из этнонимии и проприальной топонимии всех видов);

3) классификация (языковая и культурная атрибуция имён) собранного ономастического материала (мужских и женских имён собственных) по принадлежности к определённым этнокультурным общностям, а именно: киммерийской (VIII–VII вв. до н. э.), скифской (VII в. до н. э. — III в. н. э.), савроматской (VII–II вв. до н. э.), сармато-туранской (аланской, ясской) (II в. до н. э. — XV в. н. э.), эллинской (VI в. до н. э. — VI в. н. э.), римской (I в. до н. э. — III в. н. э.), анто-славянской (II–VII вв.) и восточнославянской (VIII–X вв.), готской (вост.-германской) (III–X вв.) и варяжской (сев.-германской / др.-скандинавской) (IX–X вв.), угорской (древневенгерской) (V–IX вв.) и финской (IX–X вв.), хазарско-печенежской (древнетюркской) (VI–X вв.), черкесской (абазинско-адыгской) (VIII–X вв.);

4) фонологическое, морфологическое и лексико-семантическое описание ономастического материала;

5) этимология имён собственных разных этнокультурных общностей на основе сопоставления с ближайшими родственными формами известных языковых групп и семей;

6) определение социумов — создателей и распространителей традиционных имён собственных;

7) выявление преемственности культур и ономастических констант в очерченном историко-культурном ареале.

Составленный в рамках проекта каталог включает в себя исконный (не заимствованный) антропонимический фонд народов Русской равнины, сформированный посредством анализа и категоризации ономастических данных, подтверждением

и по необходимости уточнением этноязыковой атрибуции систематизируемых единиц, в т. ч. выявлением и по возможности устранением пробелов в знаниях о происхождении тех или иных онимов, что предполагает оригинальные (историко)-этимологические разыскания.

Результаты систематизации данных получили воплощение в форме сплошного сводного электронного каталога антропонимического материала, доступного онлайн по адресу: <https://www.antroponims.ru>.

Каталог имеет табличную структуру, позволяющую отразить следующие сведения о каждом из вхождений:

№	Наименование поля	
1.	Имя собственное	Лемма, т. е. сам антропоним, выступающий предметом описания, в той форме, в которой он зафиксирован в источниках (см. п. 7 ниже).
2.	Транслитерация латиницей	Передача антропонима средствами латинской графики, в случае если система письменности языка-первоисточника использует графику, отличную от латинской. Для имён с языком происхождения «праславянский» применяется система транслитерации, идентичная используемой словарным коллективом «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ].
3.	Транслитерация кириллицей	Передача антропонима средствами кириллической графики. Введена с целью дать пользователям-неспециалистам представление о филологически корректном способе адаптации описываемого имени современным русским языком.
4.	Пол	Устанавливаемый в соответствии с выявленными морфологическими показателями рода предполагаемый пол носителя имени: мужской (М) либо женский (Ж).
5.	Язык происхождения	Естественный язык, чьи носители составляли этнокультурную общность, в пределах которой функционировал описываемый антропоним в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.
6.	Ономастический ареал	Территория, на которой встречается данный антропоним или ряд антропонимов; географическая локализация антропонима.
7.	Источник	Библиографическая ссылка на научный труд или корпус, послуживший источником включаемых в каталог сведений. Например, для фракийских данных это преимущественно [Detschew 1957], для древненовгородских [Тупиков 1903; Васильев 2012] и т. д., однако источниками могут выступать и исследовательские работы. Расшифровка всех библиографических сокращений присутствует на вкладке «Список литературы», в самом каталоге предусмотрены всплывающие подсказки с отображением полных библиографических данных источника при наведении.
8.	Этимология	Лингвистические данные о происхождении имени, приводимые в соответствии с методологией сравнительно-исторического языкознания, применяемой для реконструкции предыстории единиц морфологического и лексического уровня языковой структуры. Источником выступает весь объём доступной научной литературы по компаративистской и/или этимологической проблематике, цитируемые работы включены в «Список литературы». По необходимости предложены критические уточнения к приводимым гипотезам, в некоторых случаях оригинальные трактовки с соответствующими обоснованиями.

№	Наименование поля	
9.	Прочее	Дополнительные сведения об антропониме, существенные для понимания предыстории бытования (практического функционирования) его в качестве личного имени собственного: контекст засвидетельствования, сохранившаяся/подлежащая восстановлению социолингвистическая информация и т. п.

Для полей 4–9 реализована функция пометы «Сомнительное», проставляемой в случае недостаточной верифицированности сведений, внесённых в соответствующее поле (если верификация затруднена в силу объективных причин методологического характера), и на практике отображается в форме особого выделения цветом соответствующих полей. Здесь следует оговорить, что самый характер материала с неизбежностью предполагает известную долю неустранимых неточностей и пробелов в данных, связанных с такими факторами, как: палеографически обусловленные разночтения при фиксации (записи) имён в используемых источниках; объективное отсутствие убедительных этимологических решений, имеющее причиной, как правило, затруднённую идентификацию в составе имени формантов, отождествимых с какими-либо известными корневыми и иными морфемами имён нарицательных соответствующих языков.

Поддерживается функция поиска по полям 1–6. В качестве поискового запроса может быть задан в том числе произвольный фрагмент текста (набор символов), что позволяет, к примеру, получить в качестве вывода поиска выборку всех имён, содержащих в себе определённый формант (так, по запросу /без/ будут выведены все имена, в составе которых имеется последовательность /-без-/).

Известную техническую трудность представляла собой поддержка шрифтов, необходимых для корректного отображения введённых данных в соответствии с принятыми для передачи текстов на древних языках Евразии орфографическими конвенциями, отчасти по той причине, что данные собирались первоначальным инициатором проекта на протяжении десятилетий, так что созданный им архив, лёгший в основу каталога, по времени предшествует появлению новейших Unicode-совместимых шрифтов. Для снятия этой трудности предусмотрена страница «Справка», с которой можно скачать установочные файлы использованных в архиве шрифтов, таких как ZRCola, несмотря на устаревание, до сих пор широко используемый в рабочей практике этимологами-славистами в связи с исключительной полнотой набора символов.

Каталог рассчитан на постепенное и постоянное пополнение новыми антропонимическими данными, в ходе которого, безусловно, будет производиться и корректировка ранее внесённых сведений, в том числе с учётом вновь публикуемых этимологических исследований отечественных и зарубежных авторов.

Разработка адресуется специалистам-гуманитариям (языковедам, этнографам, историкам), а также широкому кругу пользователей, углублённо интересующихся предысторией фонда личных имён древнейших народов Евразии.

Литература

Detschew 1957 — *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.

Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.

Тупиков 1903 — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Шапошников 2017 — *Шапошников А. К.* Праславянская этимология ст.-чеш. антропонима *Kroměžír* в свете древненовгородских антропонимических свидетельств // *Studia etymologica Brunensia* 22. Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Voček. Brno, 2017. P. 39–42.

Шапошников 2017a — *Шапошников А. К.* Древнерусские сложные имена младшей серии на праславянском фоне: этимологический аспект // Ономастика Поволжья: Материалы 16 Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / Под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. В 2 т. Т. 2. Ульяновск, 2017. С. 177–184.

Шапошников 2021 — *Шапошников А. К.* Сравнение именных традиций болгаро-антского и ильменско-словенского диалектных ареалов // *Слѣдовати достоить. Доклади от международната ономастична конференция „Антропоними и антропонимни изследвания в началото на XXI век“*, посветена на 100-годишнината от рождението на проф. д.ф.н. Йордан Заимов (1921–1987), 20–22 април 2021 г., гр. София / Отг. ред. А. Чолева-Димитрова, М. Влахова-Ангелова, Н. Данчева. София, 2021. С. 107–121.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–). Вып. 1–42–. М., 1974–2021–.

<https://www.antroponims.ru> Дата обращения 29.12.2022.

O. M. Sergeeva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

(Moscow, Russia)

etymol@mail.ru

REMOTE-ACCESS ONOMASTIC DATABASE “PERSONAL NAMES OF THE RUSSIAN PLAIN”

The article is a description of the goals and objectives of the creation, user interface and principles of operation of the database of onomastic data “Personal names of the Russian Plain” (<https://www.antroponims.ru>), created as part of the project aimed at

reconstruction of the earliest anthroponymy of the Russian plains in the interests of popularizing the scientific results obtained during the implementation of this project.

Keywords: personal proper names, database, user interface, linguistics, etymology, anthroponymy.

References

Detschew D. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957.

Vasil'yev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow, 2012.

Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Saint Petersburg, 1903.

Shaposhnikov A. K. *Praslavyanskaya etimologiya st.-chesh. antroponima Kroměžír v svete drevnenovgorodskikh antroponimicheskikh svidetel'stv* [Proto-Slavic Etymology of the Old Czech Anthroponym Kroměžír in the Light of Novgorod Anthroponymic Evidence]. *Studia etymologica Brunensia 22. Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno*. Eds. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Brno, 2017. P. 39–42.

Shaposhnikov A. K. *Drevnerusskie slozhnye imena mladshey serii na praslavyanskom fone: etimologicheskij aspekt* [Old Russian Composite Names of the Junior Series Against a Proto-Slavic Background: Etymological Aspect]. *Onomastika Povolzh'ya: Materialy 16 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 50-letnemu yubileyu pervoy Povolzhskoy onomasticheskoy konferentsii i pamyati yeyo organizatora V. A. Nikonova (Ul'yanovsk, 20–23 sentyabrya 2017 g.)* [Volga Region Onomastics: Proceedings of the 16th International Conference dedicated to the 50th anniversary of the First Volga Region Onomastic Conference and to the memory of its founder V. A. Nikonov (Ul'yanovsk, 20–23 September 2017)]. Eds. S. V. Ryabushkina, V. I. Suprun, E. V. Zakharova, E. F. Galushko. In 2 vols. Vol. 2. Ul'yanovsk, 2017. P. 177–184.

Shaposhnikov A. K. *Sravnienie imennykh traditsii bolgaro-antskogo i il'mensko-slovenskogo dialektnykh arealov* [Comparison of Onomastic Traditions of the Bulgarian-Ant and the Il'men-Slovene Dialectal Areas]. «*Slǎdovati dostoitǎ*» [Worth Following]. *Proceedings of the International Onomastic Conference „Anthroponyms and Anthroponymic Research in the Early 21st Century“, dedicated to Prof. Jordan Zaimov's 100th birthday (1921–1987), 20–22 April 2021, Sofia*. Eds. A. Choleva-Dimitrova, M. Vlachova-Angeleva, N. Dancheva. Sofiya, 2021. P. 107–121.

Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexicon)]. Vols. 1–42–. Eds. O. N. Trubachev etc. Moscow, 1974–2021–.

<https://www.antroponims.ru> Accessed 29.12.2022.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

В. А. Пыхов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

pyhov2007@yandex.ru

К БИБЛИОГРАФИИ ОЛА. 7

Излагается содержание 9-го выпуска фонетико-грамматической серии ОЛА, посвященного судьбе праславянских дифтонгических сочетаний **or*, **ol*, **er*, **el* в интерконсонантных (**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*) и инициальных (**ort*, **olt*) позициях слова в диалектах славянских языков, а также рассматривается корпус карт 12-го выпуска лексико-словообразовательной серии ОЛА «Личные черты человека», на которых отражается фрагмент традиционной духовной культуры славян, связанный с представлениями о человеке, его отличительных качествах и свойствах.

Ключевые слова: славянские диалекты, фонетика, лексика, словообразование, лингвогеография.

В 2019 г. вышел из печати 9-й выпуск фонетико-грамматической серии Общеславянского лингвистического атласа «Рефлексы **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, **ort*, **olt*» (Чехия, Прага), а в 2020 г. — 12-й выпуск лексико-словообразовательной серии «Личные черты человека» (Россия, Москва). Выпуски включают следующие разделы: «Список сокращений», «Введение», «Система фонетической транскрипции», «Список населенных пунктов», «Карты и материалы». На картах в соответствующих местах размещаются «Легенда» и «Комментарий». 9-й выпуск содержит также «Обобщающую легенду» и карту, отражающую ареал стабилизированного ударения, а 12-й выпуск включает, кроме указанных выше, еще и разделы: «Система обобщающей транскрипции», «Некартографируемые материалы», «Сводные индексы лексем (прямой и обратный)», «Цитируемая литература».

9-й выпуск фонетико-грамматической серии ОЛА посвящен судьбе праславянских дифтонгических сочетаний **or*, **ol*, **er*, **el* в интерконсонантных (**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*) и инициальных (**ort*, **olt*) позициях слова в диалектах славянских языков.

Рефлексы **tort* отражаются на 25 картах, **tolt* — на 18, **tert* — на 16, **telt* — на 9, **ort* — на 9, **olt* — на 2. Всего в выпуске представлено 79 карт. Карты содержат легенды и комментарии и сопровождаются исходными материалами. В комментариях приводится информация о нерегулярных изменениях. На картах специально

не комментируются регулярные узколокальные фонетические изменения, а также изменения, выходящие за рамки содержания карты.

Преобразование праславянских дифтонгических сочетаний **or*, **ol*, **er*, **el* в большинстве славянских диалектов было связано с метатезой плавных согласных в сочетании с вокалами, с помощью которой реализовывалась тенденция к открытому слогу. При этом определяющее значение имела интонация — восходящая (акут) или нисходящая (циркумфлекс), а также более древнее противопоставление по признаку долготы/краткости.

Утрата слоговости *r*, *l* и последующая метатеза плавных — общеславянское фонетическое изменение. Его развитие связано с диалектностью праславянского языка, что обусловило различные результаты в разных группах славянских языков. Поэтому по характеру континуации праславянских сочетаний вокалов с плавными наблюдается дифференциация славянского языкового континуума.

Метатеза в сочетаниях **ort*, **olt* раньше, чем в сочетаниях **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, на что указывает более единообразное развитие в славянских диалектах **ort*, **olt* в отличие от развития **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*.

Развитие дифтонгических сочетаний в **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* происходило по моделям полногласия (восточнославянские диалекты) и неполногласия (южно- и западнославянские диалекты).

На качество рефлексов могли оказывать влияние консонантное окружение, ударение, структура слога (закрытый — открытый). Ареал стабилизированного ударения отражается на отдельной карте.

Кроме регулярного развития вокалов и сонантов в отдельных диалектах и отдельных словоформах отмечаются случаи нерегулярного развития.

В зонах активных межъязыковых контактов представлены результаты влияния сопредельных славянских диалектов.

В соответствии с решением Международной комиссии ОЛА редактирование и публикация выпуска осуществлены Чешской национальной комиссией ОЛА: Академия наук Чешской Республики, Институт чешского языка.

Ответственные редакторы выпуска: М. Ireinová, Р. Pěadková.

Редакционная коллегия выпуска: М. Антропаў, П. Гриценко, М. Ireinová, Р. Pěadková.

В работе над выпуском принимали участие: *Беларусь*: М. Антропаў, Л. Выгонная, А. Падлужны, А. Пацехіна, В. Русак; *Болгария*: Л. Василева, Х. Дейкова, С. Керемидчиева, М. Котева, К. Първанов, Е. Кяева, М. Троева; *Босния и Герцеговина*: М. Кардаш, С. Халилович, А. Шехович; *Германия (Лужица)*: С. Вёльке; *Македония*: Б. Видоески, М. Марковиќ, С. Миленковска, А. Панчевска; *Польша*: А. Basara, J. Basara, P. Dębowski, H. Grochola-Szczepanek, B. Ostrowski, J. Siatkowski, Z. Topolińska, H. Zduńska; *Россия*: Т. Вендина, Л. Калнынь; *Сербия*: С. Милорадовић, Д. Петровић, М. Пижурца, С. Реметић; *Словакия*: М. Chochol, P. Žigo; *Словения*: F. Benedik, K. Kenda-Jež, P. Weiss; *Украина*: П. Гриценко, Г. Кобирина, М. Ткачук, П. Ткачук; *Хорватия*: А. Celinić, А. Frančić, М. Lončarić, М. Menac-Mihalić, S. Vranić; *Черногория*: М. Jovanović; *Чехия*: К. Fic, М. Ireinová, Р. Pěadková.

Карты подготовили: *Беларусь*: М. Антропаў, Л. Выгонная, А. Падлужны, А. Пацехіна, В. Русак; *Македония*: М. Марковиќ; *Польша*: А. Basara, J. Basara, J. Siatkowski, H. Zduńska; *Россия*: Т. Вендина, Л. Калнынь; *Сербия*: Д. Петровић; *Словакия*: Р. Žigo; *Словения*: F. Benedik; *Украина*: П. Гриценко, П. Ткачук; *Чехия*: К. Fіc, M. Ireinová, P. Přadková.

На 64 картах 12-го выпуска «Личные черты человека» отражается фрагмент традиционной духовной культуры славян, связанный с представлениями о человеке, его отличительных качествах и свойствах.

Теоретическая концепция выпуска подготовлена всем ходом работы международного коллектива ОЛА над Атласом, исследовательской и практической разработкой проблем, возникавших в процессе создания предшествующих выпусков. Она опирается также на достижения последних лет в области лингвистической географии, диалектологии, диалектной лексикографии и лексикологии. Расширение научной парадигмы Атласа дало возможность ярче представить диалектную дифференциацию лингвистического ландшафта современной Славии.

Карты выпуска охватывают следующие сюжеты: 1) названия человека, характеризующие его как существо физическое (названия человека по его внешнему виду, наследственным признакам; в том числе названия, отражающие состояние здоровья человека, его физические особенности; названия, отражающие склонности и привычки человека, обусловленные его психофизиологическими особенностями, воспитанием); 2) названия человека, характеризующие его как личность социальную (названия человека по его отношению к труду, собственности); 3) названия человека, характеризующие его как личность духовную, отражающие его умственные способности, особенности речевой деятельности, а также особенности поведения, характеризующие отношение человека к себе, окружающим и моральным нормам.

Кроме этих имен, в выпуск включены карты, посвященные названиям некоторых абстрактных понятий, признаков ('большой', 'глупость', 'хорошо' и др.).

Карты этого выпуска имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с традиционной духовной культурой славян.

В выпуске представлены разные типы карт, каждый из которых имеет свои особенности в способах решения поставленной задачи: 1) лексические карты, строящиеся на основе ономазиологического принципа (от значения к слову); 2) лексико-словообразовательные карты, составляющие большую часть выпуска; 3) словообразовательные карты, демонстрирующие различия в словообразовательных средствах при тождестве корневой морфемы и способах деривации; 4) семантические карты, которые строятся на ином принципе по сравнению с традиционными лексическими картами, а именно — от слова к значению; 5) мотивационные карты, цель которых — выявить различия в мотивационных признаках картографируемых номинаций одного и того же референта; 6) сводные карты заимствований.

В работе над выпуском участвовали — Международная комиссия ОЛА, все национальные комиссии Атласа, морфонологическая субкомиссия, лексико-словообразовательная секция ОЛА и редакционная коллегия (Т. Вендина (ответственный редактор), Ж. Варбот, Т. Шалаева). Кроме того, в работе принимали участие и члены национальных комиссий, которые участвовали либо в сборе полевого материала, либо в его обработке для картографирования, либо в обсуждении карт и спорных картографических вопросов, возникавших на заседаниях рабочих групп ОЛА: *Белоруссия*: Н. Антропов, Л. Кунцевич, В. Курцова, В. Мандик, В. Русак; *Болгария*: Л. Василева, Х. Дейкова, С. Керемидчиева, М. Котева, К. Ушева; *Босния и Герцеговина*: И. Баотич, С. Халилович, З. Каравдич, А. Льево-Овчина, Е. Туткур; *Германия (Лужица)*: С. Вёльке, Т. Менцель; *Македония*: М. Маркович, С. Миленковска, А. Панчевска, З. Тополинска; *Польша*: Я. Ванякова, Х. Грохола-Щепанек, П. Дембовяк, И. Долинский, Б. Островский, Д. Рембишевска, Я. Сятковски, Р. Шептыньский, П. Янчулевич; *Россия*: Ж. Варбот, Т. Вендина, В. Пыхов, Т. Шалаева; *Сербия*: М. Белетич, Н. Богданович, Ж. Бошнякович, Г. Драгин, А. Лома, С. Милорадович, М. Петрович-Савич, Д. Радованович, С. Реметич, М. Юришич; *Словакия*: Л. Дворницка, П. Жиго, П. Колларова, Л. Кралик, А. Ференчикова, М. Хохол; *Словения*: П. Вайс, Я. Гостенчик, К. Кенда-Еж, В. Смоле, М. Хорват, М. Шекли, Ё. Шкофиц; *Украина*: П. Гриценко, Г. Кобириночка, М. Ткачук, Л. Рябец; *Хорватия*: М. Лончарич, С. Вранич, В. Зечевич, Б. Кузмич, М. Менац-Михалич, А. Франчич, А. Целинич; *Чехия*: М. Иреинова, П. Прадкова, Я. Вильнов-Комаркова.

Морфонологическая субкомиссия провела работу по обработке материала, подлежащего картографированию. В разработке морфонологических легенд приняли участие следующие члены морфонологической субкомиссии: Н. Антропов (Белоруссия), Я. Ванякова (Польша), Ж. Варбот (Россия), С. Вёльке (Германия), Я. Гостенчик (Словения), Х. Дейкова (Болгария), П. Дембовяк (Польша), И. Долинский (Польша), Л. Кралик (Словакия), М. Маркович (Македония), Б. Островский (Польша), Д. Рембишевска (Польша), Я. Сятковский (Польша), З. Тополинска (Македония), Т. Шалаева (Россия), М. Шекли (Словения), Р. Шептыньский (Польша), П. Янчулевич (Польша). Все морфонологические легенды были проверены Ж. Варбот и Т. Шалаевой.

Составители карт: *Белоруссия*: Н. Антропов, Л. Кунцевич, В. Курцова; *Болгария*: Л. Василева, Х. Дейкова, С. Керемидчиева, М. Котева, К. Ушева; *Босния и Герцеговина*: З. Каравдич, А. Льево-Овчина; *Германия (Лужица)*: С. Вёльке; *Македония*: М. Маркович, С. Миленковска, А. Панчевска, З. Тополинска; *Польша*: Я. Ванякова, Х. Грохола-Щепанек, П. Дембовяк, И. Долинский, Б. Островский, Д. Рембишевска, Я. Сятковски, Р. Шептыньский, П. Янчулевич; *Россия*: Ж. Варбот, Т. Вендина, В. Пыхов, Т. Шалаева; *Сербия*: С. Милорадович, М. Петрович-Савич, М. Юришич; *Словакия*: Л. Кралик, А. Ференчикова; *Словения*: Я. Гостенчик, В. Смоле, М. Хорват, М. Шекли, Ё. Шкофиц; *Украина*: П. Гриценко, Г. Кобириночка, М. Ткачук, Л. Рябец; *Хорватия*: С. Вранич, М. Менац-Михалич, А. Франчич, А. Целинич.

В соответствии с решением Международной комиссии ОЛА редактирование и публикация выпуска были поручены Российской национальной комиссии.

Редакторская работа проведена Т. Вендиной. В процессе редактирования были упорядочены в соответствии с принятой в Атласе фонетической транскрипцией индексы, присланные национальными комиссиями ОЛА; все материалы были снабжены морфонологической транскрипцией; подготовлены так называемые цифровые индексы, необходимые для компьютерного картографирования; унифицированы знаки для тождественных названий и форм, содержащихся на разных картах; осуществлено компьютерное редактирование легенд; написано «Введение».

Компьютерная картографическая версия выпуска была разработана сотрудником Университета геодезии и картографии доц. А. Е. Алтыновым на основе программы MAPINFO, алгоритм картографической программы и система знаков — Т. Вендиной.

Компьютерное составление карт — Т. Вендина, Т. Шалаева. Компьютерную обработку материалов индексов провела Т. Шалаева. Обобщающие сводные индексы лексем (прямой и обратный) были подготовлены Т. Вендиной, библиографический указатель — Т. Шалаевой. Перевод «Введения» на английский и французский языки выполнила Т. Шалаева.

Издательскую корректуру карт, легенд и индексов осуществили Т. Вендина и Т. Шалаева.

Концепция выпуска и проделанная Российской национальной комиссией ОЛА работа по подготовке его к печати были одобрены на заседаниях Международной комиссии ОЛА.

Vladimir Pykhov

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

ON THE OLA BIBLIOGRAPHY. 7

The content of the 9th issue of the phonetic-grammatical series of the OLA, deals with the Proto-Slavic **or*, **ol*, **er*, **el* diphthongic combinations in the interconsonant (**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*) and initial (**ort*, **olt*) positions of the word in Slavic dialects. We also review the maps of the 12th issue “Personal traits of a person” of the OLA lexical-word-forming serie, which reflects a fragment of the traditional spiritual culture of the Slavs related to the ideas of a person, his distinctive qualities and properties.

Keywords: Slavic dialects, phonetics, lexicon, word-formation, lingvogeography.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2023 г., № 3 (37)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 8,0

Тираж 300 экз. Заказ №